

ЗАПИСКИ БУХАРСКОГО ГОСТЯ

МИХМАН-НАМЕ-ЙИ БУХАРА

/1a/ Книга «Записки бухарского гостя» содержит в себе историю его величества украшающего мир хана, Мухаммад Шайбани-хана, имама времени и наместника всемилостивого [господа]. Начало составления ее — в месяце шаввале (Январь — февраль 1509 г.) в городе Бухаре, а завершение ее — в месяце джумада-л-авваль (Август — сентябрь 1509 г.) в стольном городе Герате. Сочинение раба немощного, Фазлаллаха б. Рузбихана, известного [под прозвищем] Хаджа Маулана-йи Исфакхана, да увеличит Аллах к нему крайнюю милость [свою].

Описание книги [стихи]:

Эта книга — рассказы о ханском величестве,
В котором верховная власть, наука и познание,
[В ней] описание средств его правления,
Изъяснение его правосудия и покровительства миру,
Открытие тайн науки и познание [мира],
Ознакомление со светом его похвальных свойств и добродетелей.
Когда ты из нее узнаешь историю хана,
<То ты, возможно, прочтешь кое-что из скрытой в ней мудрости ¹
Название дал ей хан, украшающий мир,
<Назвал [ее] «Записки бухарского гостя» ¹>
Да здравствует владыка мира доколь стоять будет мир.
Хан, сын хана, Мухаммад Шайбан,
<Его доброта накрыла стол благодеяния ¹>
Все страны света у него на пиру.
Аминь! Слава Аллаху, господу миров!

Во имя Аллаха милостивого, милосердного ²!

.....

.....

/1b/ Затем. С помощью поддержки господнего руководства, при счастливом божественном содействии и благоприятном сочетании небесных светил, при благожелательном сопутствии сонма ангелов его величество, обладающий саном халифа и степенью имама, оживляющий подвиги истинных халифов, обновляющий девятое столетие путем возрождения обычаев божественного закона и веры, тень Аллаха, воздающего за добро и зло, милость божия к людям, предавшимся богу, море науки и солнце познания, принимающий на службу покорных султанов [своего] времени, [56] владыка рабов-хаканов той поры, Абу-л-Фатх Мухаммад аш-Шайбани-хан, имам времени и наместник всемилостивого [господа], да продлит Аллах всевышний навеки тень его и да упрочит славу и счастье его, в девятьсот четырнадцатом году (1508 г.) из прекрасного города Мерва, где находился зимний стан победоносных войск, изволил отправиться в прославленный город Бухару, осененный божественным содействием и сопутствуемый несметными полками. В субботу, двенадцатого шабана (6 декабря 1508 г.), через Мервскую степь двинулись в Бухару с намерением пересечь песчаную пустыню Шир-и Шутур ³. В августейшем войске было около трехсот тысяч человек, лошади и другие животные, которые нуждались в воде. Кругом в этой безводной пустыне все казалось подобием миража. У людей еще более прибавилось недоумения к тому, что его

величество пошел такой дорогой, где предположение о [возможной] беде и гибели непременно завершается несчастьем и уничтожением Воины, которые отдаленность его величества считают сильнейшей пыткой, а разлуку со службой называют источником всяких неприятностей и страданий, <последовали за августейшим стремением> и двинулись в бесконечный путь. Когда они прошли <фарсах или более,> всевышний господь, велик он и всемогущ, покровительствуя, <ниспослал из тучи милости густой> снег и /2a/ войско в полном спокойствии, под защитой благополучия, здраво и невредимо прибыло в Бухару. Поскольку это обстоятельство по необычности можно приписать к явлениям редкостным, людям воочию представилось, что за пустыня Шир-и Шутур, которая из живых существ вытягивает *дуг* ⁴. Снег наподобие масла превратился в источник успокоения [страданий] тел воинов. У всех от белизны снега глаза ослепли, а от изумления отнялись руки и ноги.

Я, бедняк, благодаря плодovому саду потусторонней щедрости удостоился цветка блаженства, и в моих мыслях сложились в стройную форму эти стихи.

Ханское величество в пути [через] пустыню Шир-и Шутур
Оставил след щедрости из удивительных чудес.
Он отправился в ту пустыню наподобие тучи,
Он искал милости у бога — и бог даровал [ее] нам
Ради успокоения жаждущих уст. Снег словно
Был маслом, которое он обрел в Шир-и Шутуре ⁵.

Рассказ

Когда его величество наместник всемилостивого [господа] и имам [того] времени, да продлит Аллах навеки его наместничество в постоянном благополучии, расположился в стольном городе Бухаре, он обратил взор внимания [своего] на состояние бедных и слабых той страны, и достоинство и основу бухарских господ он особыми милостями возвысил над достоинством [прочих] жителей мира. Для соблюдения родственных уз внимание его величества снова было обращено на сбор потомков и родичей [его] из [числа] их высочеств знаменитых султанов, каждый из которых был могущественным повелителем, покорным [хану].

Первый [из них] — его высочество преславный султан, почитаемый хакан, приятель падишаха арабов и персов, задушевный друг знаменитых ханов из хаканов мира, [57] поддерживаемый милостью господя милосердного, всепрощающего, победоносный государь, отличенный устами <пророчества> почетным прозвищем <ал-Мансур>, Мухаммад Тимур-султан ⁶, жемчужина моря бытия его величества <наместника всемилостивого, да сохранит навеки всевышний тень) родителя и сына помощью веры мухаммадовой, да благословит его Аллах и да приветствует. <Его высочество — правитель престола раеподобного Самарканда. Он удостоился быть принятым его величеством наместником всемилостивого [господа]. Следы <царского> сострадания <к избраннику> мира проявились в такой степени, что люди поистине покровительство <высоких отцов> поминали наряду с самыми славными предметами.

Еще прибыл <его величество преславный султан, милостивый государь, знаменитый во всем мире,> являющий человечность, знания и великодушие, <султан Кучум ⁷>, и у высокостепенного ханского величества /2b/ от свидания с султаном забилась жила любви к дяде, и на поклон султана он ответил величанием близкого родственника, что является неперменным условием уз родства. Этот султан был правителем и повелителем всех туркестанских областей.

Следующий — его высочество доблестный, благородно мыслящий султан, славный государь, высокостепенный падишах, Суюндж-хваджа-султан ⁸, который является [жемчужиной] моря бытия его величества, хакана мира, каана времени, великого хана Абу-л-Хайр-хана ⁹ и истоком этой благодатной реки. Престол Ташкента и подчиненных ему областей находится во властной и могучей руке его высочества.

Затем удостоились чести свидания его высочество возвышенно мыслящий верящий в славные деяния Хамза-султан ¹⁰ с братом, его высочеством знаменитым, высокочтимым <Махди> султаном ¹¹, который приходится родичем великому хану по родословному древу Бахтийар-султана. Ныне он повелевает "престолом Хисар-и Шадмана ¹² и области Чаганийан ¹³. [От свидания] появились следы радости и согласия.

Его высочество прибежище власти, <орудие> правосудия, постигший божественные знания, все разряды царского адаба, <преславный> султан, положившийся на милости Аллаха любящего — Убайдаллах-султан ¹⁴, сын <покойного> султана Махмуда, который является плодом древа, бытия Махмуд-султана и имеет честь быть племянником со стороны брата и свойственником высокого хаканского величества. Он повелитель престола Бухары, воскрешающий подвигов рода Самана и семейств Хосрова и Дария. [Он] бывал собеседником в августейших собраниях и хозяином пиршеств державных султанов.

[И еще] его величество <славный> царевич, царственная жемчужина, венец величия и славы, львенок, творящий хаканские деяния, <Хуррам-шах-> султан ¹⁵, который ныне — повелитель знаменитого престола Балха и подвластных ему областей. Он <всегда был славной жемчужиной> трона наместничества и удостоился счастья неотлучного служения его величеству наместнику всемилостивого. И [еще] его высочество славный султан, самоцвет рудника царства и чести, <рожденный горой могущества,> величия и господства, Пулад-султан ¹⁶, который является настоящим преемником <благородного древа> победоносного султана Мухаммад Тимура. Он — повелитель престола <Хорезма> и был светом очей царства и цветником пиршественного сада.

И среди других удостоился чести прибыть на служение его величеству наместнику всемилостивого с бессчетным войском из пограничной области <преславный> **[58]** падишах,> досточтимый султан, ведущий свой род от чингизидских хаканов, <Бахрам крепости войны и кровопролития, Джанибек-султан ¹⁷> который повелевает <престолом Андижана> /3a/ и городами Ферганы до пределов Кашгара и Хитая ¹⁸. И [еще] его высочество славный султан, перл венца царства и могущества, жемчужина небосвода величия и господства, хозяин колыбели величия, наследник хаканского счастья и благополучия, великий, могущественный султан Абу-л-Хайр-султан ^{18a}, который является младшим из знаменитых сыновей его ханского величества, могущественного, как судьба. Ныне он грудной ребенок, правитель престола колыбели счастья и имеет честь [пребывать] в великолепии недоступного славного гарема. В силу судьбы он скачет на резвом коне <по полю блаженства.>

Прибыли и другие славные султаны, из которых каждый был властным и могучим львом. Все, приложив <к груди руку покорности> и послушания, повинувшись высочайшему приказу, ввели шею согласия в аркан <повиновения и покорности> ради исполнения обязательных правил присяги, крепкой и нерушимой. В редкие времена выпадал случай, когда под сенью хаканского могущества какого-нибудь хана занимали место и беспрекословно исполняли волю царя более десяти высокостепенных султанов, каждый из которых был способен и в силах острым умом и сверкающим мечом завоевывать [страны] от Востока до Запада, наполнять недра небес грохотом боя барабанов славы и власти и

устрашающим величием своим швырять прах ужаса в очи Марса. Это — одно из больших прекрасных чудес, которое свершилось и было явлено ради этой процветающей державы. Среди этих обстоятельств <прибыли> самаркандские улемы того бесподобного края. <Казий Самарканда> — из [числа] потомков законоведа Абу-л-Лайса ¹⁹, которые являются древним родом самаркандской знати — ныне <главный казий и шейх ал-ислам> той страны, вместе с обществом улемов и муфтиев удостоился чести поклониться и исполнить <обряд испрошения> для себя [царского благоволения]. Удостоились счастья поклониться и выдающиеся улемы Хорасана, которые являются избранными из ученых и [служат] примером в решении тонкостей, а [также] бухарские улемы, <которым> подошла <очередь> принимать гостей. На поприще споров и прений они были борцами.

<Ежедневно ради поучения> /36/ его величества наместника всемилостивого [господа] в разрешении трудных мест теологии и права появлялись необычайные произведения. А так как в этих поучениях обнаруживается много пользы, то, чтобы собрать [их], эти разрозненные отрывки были записаны. Быть может, вместе с ними станут известны и все обстоятельства путешествия в Бухару и похода на казахов.

Эта книга вначале была названа [мною] *Сафар-наме-йи Бухара*. [«Дневник путешествия в Бухару»]. Когда желание написать ее твердо укрепилось в мыслях, суть желания была доложена в высоком собрании его величества наместника всемилостивого [господа]. Он соизволил приказать завершить ее и назвал *Китаб-и михман-наме-йи Бухара* [«Записки бухарского гостя»]. Если будет угодно Аллаху, между рассказами будут упомянуты поучения, а между поучениями будут написаны рассказы. Так как главная цель есть установление истины в научных вопросах, то вначале мы предпосылаем [содержание] десяти дискуссий, которые в августейшем собрании получили ответ. *Аллах, он — друг и великодушен и от него [исходит] помощь.* [59]

ГЛАВА I

ДИСПУТЫ В БУХАРЕ В МЕСЯЦЕ РАМАЗАНЕ

[В этой главе дано краткое содержание устроенных Шайбани-ханом в Бухаре десяти диспутов, в основном богословского характера. На первом диспуте обсуждалось данное Замахшари в его книге *Кашиаф* толкование стиха Корана VI, 59. В прениях участвовали Маулана Шарафадин 'Абдаррахим ²⁰, самаркандский казий и некоторые гератские улемы. Второй диспут был посвящен месяцу рамазану, третий — посту, пятый — молитве, шестой — вопросам джизьи и закята и отношению мусульман к инаковерующим. Девятый диспут был посвящен значению хана, «как тени Аллаха на земле».]

ГЛАВА II

ДИСКУССИЯ О НАЗНАЧЕНИИ НАСЛЕДНИКОМ ВНУКА ПРИ НАЛИЧИИ РОДНОГО СЫНА

В божественном законе пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, постановление о наследстве состоит [в следующем]: когда человек умрет и у него имеется родной сын и внук, отец которого скончался при жизни деда, то эти двое получают наследство не поровну. По единодушному мнению улемов, родной сын отстраняет внука от наследства. Никогда против этого не было слышно возражений. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из предков или потомков придерживался бы равенства в наследовании.

Как-то раз в стольном городе Герате /116/, да сохранил его Аллах от несчастий, высокостепенное ханское величество соизволили спросить у гератских улемов: «Что является основанием для наследования — родство, или брачное свойство, или

опекунство? Обязательное требование родства заключается в том, что когда существует родственник, то он получает наследство, и при наличии родного сына внук по этой причине не наследует, так как имеется более близкий родственник, чем он. Логически следует, что самый близкий родственник по линии его [происхождения] становится препятствием наследованию внука, но не родственник вообще. Следовательно, если внук происходит от сына, который не является связующим звеном между внуком и дедом, а является сыном другого, которого не существовало во время составления завещания, чтобы претендовать на наследство, то наследство получает тот внук, (правнук). Таково логическое суждение. Однако согласное мнение улемов сходится на том, что внук при наличии сына наследства не получает, будь это внук от живого сына или сына, умершего при жизни отца, который является дедом этого внука. Неизвестно, что служит [юридическим] основанием этого согласного мнения. Необходимо привести цитаты из Писания или сунны, чтобы доказать, что внук при наличии сына не наследует, или же необоснованное согласное мнение улемов не заслуживает внимания. А ведь в ясе Чингизхановой сказано, что внук, отец которого умер при жизни деда, в наследовании приравнивается к родному сыну».

Ни один из присутствовавших в собрании гератских улемов не нашел текста, который внес бы ясность.

Однажды [хан] изволил попросить меня, ничтожного бедняка, присутствовать. Когда я сподобился чести лобызания арены счастья, происходило собрание улемов [60] и знатных людей и я, бедняк, был в неведении о предшествовавшей дискуссии. Его величество наместник всемилостивого /12a/ соизволил спросить: «Хранится ли в вашей памяти какой-нибудь текст из Писания или сунны, который указывал бы на запрет назначения наследства внуку при наличии родного сына?»

Я, бедняк, не задумавшись, ответил: «Да, изречение: *Завещает вам Аллах относительно ваших детей, сыну — долю, подобную доле двух дочерей* (Кор. IV, 12) — указывает на утверждение наследства за каждым родным сыном, если таковой имеется, а не за внуком. . .» [Затем Ибн Рузбихан разъясняет этот стих Корана и заключает, что внук не наследует вместе с сыном. После Герата дискуссия на эту тему была возобновлена в Бухаре].

Дело кончилось тем, что [хан] пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и [велел] поступать по установлению Чингиз-хана. Однако поскольку оно противоречило общему мнению улемов, то [хан] оставался в нерешительности. ...

[Между тем один из жителей Бухары, по прозвищу Амир Аху, выдававший себя за сейида и считавший себя ученым, представил хану из какой-то книги выписку, с содержанием которой якобы был согласен казий Шурайх ²¹. По довольно запутанному тексту этой выписки Амир Аху делал вывод, что внук получает часть наследства. По мнению же Ибн Рузбихана, бухарец просто не понял представленного им текста].

На следующий день, когда я, бедняк, вместе с улемами удостоился сидеть на августейшем собрании, его величество наместник всемилостивого, показав представленную Амиром Аху выдержку, выразил радость по поводу совпадения мнений и суждений его величества и казия Шурайха и изволил сказать: «Нам подобает действовать по слову казия Шурайха и теперь будем поступать так». Он повелел его высочеству прибежищу царства, могущественному как судьба, Мухаммад Тимур-султану, чтобы написали в областях Мавераннахра указ, дабы казни действовали по нему и произвели уравнение в наследовании родного сына и внука.

Так как это противоречило единодушному мнению улемов и приведенные Амиром Аху доводы не имели никакого касательства к делу, то я, бедняк, и прочие улемы Хорасана и Мавераннахра по этому случаю совсем огорчились, а изменить это личное мнение было очень трудно. Мы прибегнули к его высочеству султану Мухаммаду и умоляли, чтобы он еще раз попросил [его величество]: улемы, дескать, желают возобновить дискуссию и [тогда] пусть поступят, как бы ни постановили. Его высочество изволил доложить: «Улемы, мол, до сих пор не освободились от возражений /14a/ и колебание их остается». Его величество наместник всемилостивого изволил сказать: «Пусть вернуться [к обсуждению]».

Казий Самарканда, поистине поступая в этом случае смело, объяснил в августейшем собрании, что приведенные доводы Амира Аху вовсе не подтверждают вопроса и он совсем не понял его. Его высокое ханское величество изволил сказать: «До тех пор пока вы не приведете ясный текст речений всевышнего господина в Священном писании или [слова] посланника божия, *да благословит его Аллах и приветствует*, в точных хадисах, ясности не получится». После этого, оказав милость мне, бедняку, он спросил: «Сможете вы привести относительно этого точную и верную цитату из сунны?» **[61]**

[Ибн Рузбихан взялся за это дело и обещал завтра же представить цитату. Он просмотрел рукописи труда Бухари *Сахих* и нашел соответствующее место, проверил его по комментарию ат-Таййби к *ал-Мушкат*].

На другой день утром, когда царское собрание наполнилось державными султанами, знаменитыми учеными и высокодостоинными вельможами, я, бедняк, войдя, произнес приветствие. Как только я занял место в собрании, его величество наместник всемилостивого спросил: «Вы принесли?» Я, бедняк, без боязни ответил: «Да». Он приказал: «Читайте!» В такого рода царственном собрании я прочел цитату. Последовало высочайшее повеление, чтобы я ее перевел на персидский язык. Я поступил согласно приказанному и все перевел как можно лучше. После завершения перевода и полного растолкования вопроса в собрании я спросил прибежище садроз Маулана Шарафаддин 'Абдарауима, садра, совершенна ли цитата? Он ответил: «Да». Выдающиеся улемы Хорасана, имевшие честь присутствовать в этом собрании, сразу согласившись, промолвили: «Она совершенна». Точно так же я спросил и у казие Самарканда и присутствовавших мавераннахрских улемов, совершенна ли цитата? Все выразили полное согласие и сказали: «Цитата точна, правильна, совершенна». Его величество наместник всемилостивого тоже выразил согласие с единодушным мнением ученых, и опасение исчезло из сердец.

ГЛАВА III

ДИСКУССИЯ О СОЗДАНИИ МИРА В ШЕСТЬ ДНЕЙ И О ВЕЛЕНИИ «БУДЬ» И [О ТОМ, КАК] «СТАЛО БЫТЬ»

[Пересказ библейского предания о сотворении мира в шесть дней и проповедь Ибн Рузбихана в Герате, построенная на хадисе о том, кто из людей после смерти попадет в рай и кто — в ад. Автор перечисляет все качества человека, по которым будет определяться его место после смерти. Приведен и случай с халифом 'Умаром и нищей женщиной с детьми из рассказа Аслама].

ГЛАВА IV

ПАМЯТКА ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ВЫЗВАВШИХ СВЯЩЕННУЮ ВОЙНУ С КАЗАХАМИ

/22a/ Казахские ханы являются потомками повелителя мира Чингиз-хана, и я, бедняк, в «Родословной его ханского величества» наместника всемиростивого упомянул, что у повелителя мира, Чингиз-хана, было четыре сына. Самого старшего из них звали Ючи-ханом ²², а у него было тринадцать сыновей, в том числе Шибан Бахадур-хан ²³. У него было три сына, один [из них] — Банйал Бахадур. У него было девять сыновей, [один из них] — Есу-Бука ²⁴. У него было пять сыновей, один [из них] — Джучи-Бука. У него был один сын — Бадагул. У него было шесть сыновей, один — Минг Тимур-хан. У него было два сына, один — Пулад-султан. У него было три сына, один — Ибрахим-султан и один — Хизр-хан. У Ибрахим-султана был сын — Даулат-шайх-султан. У него был один сын — Абу-л-Хайр-хан, покоящийся в раю всемиростивого [господа]. У него было десять любимых превосходных [62] сыновей. Один — его высочество, прибежище царства, Шах-Будаг-султан. Он является раковиной царственной жемчужины бытия его величества, наместника всемиростивого [господа] и имама времени Абу-л-Фатх Мухаммада Шайбани-хана, да продлит навеки Аллах сень его наместничества пока меняются дни и ночи. Ровесник знаменитой жемчужины бытия его величества есть прибежище царства, орудие добродетелей Махмуд-султан.

Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханское величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, /22б/ и третье племя — мангыты, а [из] них цари астраханские. Один край владений узбеков граничит с океаном ²⁵; другой — с Туркестаном ²⁶; третий — с Дербендом ²⁷; четвертый — с Хорезмом и пятый — с Астрабадом ²⁸. И все эти [земли] целиком являются местами летних и зимних кочевий узбеков. Ханы этих трех племен находятся постоянно в распре друг с другом и каждый [из них] посягает на другого. И когда побеждают, то продают друг друга в рабство и уводят в плен. И имущества и людей [противника] между собой они считают дозволенной военной добычей и никогда от этого [правила] не отступают. Если кто-либо это не признает, говоря: «Зачем же ты продаешь [в рабство] свой собственный народ?», — они удивляются и говорят: «Да этот человек в бреде, он не признает военной добычи». У кого хватит смелости сказать им: «Это — наши люди», — после такого утверждения, что эти [люди] — военная добыча? Продажа их широко распространена у них без всякого мешающего препятствия и отвергающего непризнания. Во всех этих родах очень много уважаемых ханов: каждый род великих и именитых людей [из] потомков Чингиз-хана называют султанами, а того, кто знатнее их всех, именуют ханом, то есть самым великим из государей и правителем их, которому они оказывают покорность. Одним словом, все казахи являются улусом Чингиз-хана. Их ханы и султаны — потомки Чингиз-хана или Шибана, который приходится предком его ханскому величеству, и между ними есть родство и свойство.

Все султаны, столпы мира, да продлит навеки Аллах их царство в благоденствии, в нынешнем году (Т. е. в 1508-09 г.) собрались в Бухаре. Происхождение их по родословному древу связано с его ханским величеством так, как было упомянуто отдельно в [этом] повествовании. Как только прошли праздничные дни, его ханское величество изволил приступить по обычаю к совещанию — по-тюркски *джанки* — с высокодостоинными султанами. О походе на казахские владения он изволил сказать речь и призывал их к единодушию в том деле и побуждал проявить стремление к священной войне, потому что в минувшем году (Т. е. в 1507-08 г.) с их, [казахов], стороны произошло нарушение дружелюбия.

Потомки Джаниш-султана, совершив набег на области Бухары /23a/ и Самарканда, увели из городов ислама невольников и дозволили в своей среде куплю-продажу рабов-мусульман, а их султаны оказывают этому поддержку. Признак дозволенности для себя

таких тяжких преступлений заметен и явствует из их внешнего образа жизни; они поощряют друг друга к разбою, тогда как изречение: *Не обратитесь после меня в неверных, которые режут друг друга* — запрещает это. Его ханское величество изволил сказать: «Теперь, когда с помощью Аллаха всевышнего хозяин [63] божественного приговора и бесконечной милости собрал в Бухаре всех султанов из потомков Абу-л-Хайр-хана, одарил [их] царскими милостями и благоволением ив казны щедрости и доброты соответственно их различиям и достоинствам, открыл каждому султану двери награждений в соответствии с высотой их степеней, и рука предопределяющая исполнила обычай радушного приема, оказала в Бухаре каждому подобающее гостеприимство и подготовила для каждого орудия могущества, почему бы нам не сподобиться пойти священной войной на казахов и не бросить возмездие за нарушение дружелюбия, которое совершил сын Джаниш-султана, один из знатных казахских султанов, в полу их немилости, и не разметать основу здания их великолепия по ветру небытия?»

Все именитые султаны и высокодостойные хаканы из потомков Абу-л-Хайр-хана, из которых каждый — повелитель славного трона и могущественный государь одной из восточных стран, прибыли к месту повиновения и служения с несметными подготовленными войсками, от многочисленности, красоты и величия которых разум приходит в изумление. Склонив голову покорности, они воздали хвалу разуму благородного [Шайбани-хана].

На следующий день его ханское величество повелел улемам Мавераннахра и Хорасана — я, бедняк, тоже присутствовал [среди них] — написать фетву насчет казахов, станет ли газием или нет каждый, кто отправится на священную войну с ними? И он сказал: казахи — идолопоклонники. Улемы, видя, что от казахов [исходит] неверие, издали фетву: «Если казахи, как доказано, являются неверными, то каждый, кто будет воевать с ними, получит вознаграждение за священную войну с неверными». Фетву вручили его ханскому величеству.

В пятницу пятого [числа] месяца шавваля года девятьсот четырнадцатого (27 января 1509 г.) выступили на священную войну с казахами. Всем султанам дали указание, чтобы они вернулись в свои владения и присоединились к августейшему стремени в Туркестане. Их высочества могущественные султаны на все стороны пропели *Возвращение достохвально* в свои владения и с намерением помчаться на скакуне, воюющем мир, погнали быстрого коня своего твердого решения.

Его величество повелитель мира в понедельник, восьмого [числа] месяца шавваля (30 января 1509 г), рано утром сел верхом и с кортежем из светил величия и благоденствия направился из Бухары к мазару Хаджи Бахааддина Накшбанди ²⁹, расположенному в двух фарсангах от Бухары. Название той местности Каср-и Арифан.

Выступление в страну казахов ³⁰

В этот день с восходом солнца, взоидя, подобно солнцу, над горизонтом добрых деяний, [хан] направился на восток, и, обратив лицо могущества и удачи на завоевание восточных стран, он выступил со стоянки счастья. Августейшее общество было украшено присутствием [их] высочеств эмиров, знаменитых улемов, вельмож Бухары и Герата и садра жителей Мавераннахра. В собрании находился превосходительный, шейх-ал-ислам, /24a/ благороднейший Хваджа Абу-н-Наср Парса ³¹, потомок великого Хаджи Парса. Я, бедняк, находился в стороне, [где] были вельможи Хорасана. Когда все в августейшем собрании сели, я, бедняк, доложил: «Сегодня понедельник, [64] и большая часть [выступлений в] поход пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, состоялась в

понедельник. Решение выступить на священную войну в понедельник согласуется с сунной. Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, отправляя воинов куда-нибудь, приказывал: «Не убивайте детей, женщин и дряхлых стариков. Ведите священную войну против неверных ради всевышнего»». Потом я встретился с Хаджой Парса и спросил: «Хорасанские улемы издали фетву, что этот поход является священной войной в соответствии с тем, что идолопоклонство казахов доказано и [доказана] дозволенность у них уводить в рабство. Теперь, эта война — всеобщая религиозная обязанность или это обязанность частная?»».

Хаджа Парса ответил: «По видимости, обязанность частная, ибо получается достаточное количество от того сборища людей, которое [сейчас] идет». Я, бедняк, сказал: «Извольте ошибаться, это всеобщая обязанность, ибо имеется согласное решение обоих вероучений (т. е. учений Абу Ханифы и Шафии. — Р. Д.), чтобы всегда, когда неверные вторгаются в какую-нибудь мусульманскую область, то всем вменяется в обязанность [вести] с ними священную войну, и это в божественном законе называется всеобщим призывом к обороне. А сейчас они, [казахи], направляются в округ Куфина ^{31а} и Бухарскую область и как раз время для их похода, они уведут рабов из областей ислама. Все обязаны отправиться /246/ в их области». Товарищи умолкли. Я, бедняк, представил, что все обязаны в этом походе сопутствовать его ханскому величеству, пусть его ханское величество восклицает: «Аллах — велик», я же, бедняк, не намерен отказываться от службы в этом походе. Еще раньше я говорил его высокопревосходительству Хадже Махмуду, сахиб-дивану, чтобы [он] при [первой] возможности доложил [о том], что такой-то (т. е. Ибн Рузбихан. — Р. Д.) не оставит службу до тех пор, пока не отправится в Ирак, потому что победа над *кизил-бурками* ³², вражда с ними и война с людьми их страны более обязательна, чем священная война с неверными франками, ибо нет никакого сомнения в их неверии, тем более с казахами, которые доподлинно произнесли слова свидетельства ³³. Имеется согласие улемов Рума, Мекки и Медины со мной, бедняком, на то, что [я] издал фетву, что *кизилкулахи* хуже, чем неверные франки, и война с ними достойней, чем борьба с франками, потому что первая война — священная война с франками, сейчас обязанность частная, а [вторая] — обязанность всеобщая. Кроме того, она — борьба против первоначальных неверных, а эта война — борьба с вновь возникшим неверием в странах ислама после того, как большей частью они стали основой ислама. Когда же я узнал, что война с казахами происходит под видом священной войны с *кизил-бурками*, я счел нужным для себя отдать обязательнейшее предпочтение участию в священной войне с казахами и отправился под знаменем его величества имама времени, наместника всемилостивого [господа]. В субботу (28 января 1509 г.) я добрался до августейшего кортежа близ мазара Хазрата Хаджи [Накшбанди]. *Аллах подает помощь и оказывает милость.* [65]

ГЛАВА V

ПАМЯТКА О НЕКОТОРЫХ ПОЛЕЗНЫХ ПОУЧЕНИЯХ НА СТОЯНКЕ КАСР-И АРИФАН БЛИЗ МАЗАРА ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ХАДЖИ НАКШБАНДИ

[В этой главе повествуется о состоявшейся в местности Каср-и Арифан дискуссии, темой которой было суждение Фариаддина Аттара ³⁴ в его книге *Джаухар аз-зат* [«Жемчуг сути»] о бытии и небытии, а также его отношение к восклицанию Мансура Халладжа ³⁵ «Я — истина». Спор велся вокруг вопроса, как следует понимать это восклицание. Приведены также высказывания Мухийаддина ибн ал-Араби ³⁶, Газали ³⁷ и других о небытии, как уничтожении качества].

ГЛАВА VI

ДИСПУТ О СТРАХЕ «ИСТИННЫХ ДРУЗЕЙ»

[В этой главе приводится спор о чувстве страха и пользе молитвы и поклонения благочестивых. Тема диспута была избрана Ибн Рузбиханом из *Джаухар аз-зат* и книги шайха Абу Бакра ибн Исхака Гулабади *Таарруф*, в которых рассказывается об Абу Бакре Сиддике и других лицах, ощущавших страх перед смертью, несмотря на то что Мухаммад уверил их в том, что они попадут в рай.]

/29a/ ГЛАВА VII

ПАМЯТКА О НЕКОТОРЫХ СТИХАХ, СОЧИНЕННЫХ НА СТОЯНКЕ КАСР-И АРИФАН

Из того, что на этой стоянке пошло на пользу, это несколько тюркских касыд, которые море бытия его ханского величества, прибежище халифата извлекло наподобие того, как достают скрытую жемчужину из тайников потустороннего мира и подают ее ощутить и почувствовать. На этой же стоянке появилась на свет и касыда, которая под конец была присоединена к касыде *абджадиййа*. И еще касыда, которая содержит в себе тайное собеседование с богом; количество благодеяний и милостей, оказанных чертогом благоволения всемогущего [бога] пророку, в этой касыде упомянуто красноречивейшим образом. На этой стоянке она /29б/ наподобие раннего утра превратилась из тайника черновика в беловик. Эти сокрытые перлы, которые появились из жемчужины потустороннего мира, были нанизаны на нить поэзии и вошли в ожерелье стихов. Когда эту касыду читали в августейшем собрании и в конце ее упоминались некоторые из чудесных свойств храбрости, завоевания стран, мероприятия для пресечения губительных событий ради достижения искомого, захвата крепостей ключом сверкающего меча, которые были осуществлены растущим день ото дня могуществом высокостепенного ханского величества, у присутствующих от необычности тех дел возрастало изумление.

Памятка о столицах государей мира [во времена] неверия и при исламе

Я, бедняк, уже раньше слышал рассказ из рассыпающих самоцветы и жемчуга уст ханского величества, который изволил говорить: «Каждый из высокодостойных [66] государей, ханов, могущественных как судьба, и хаканов, вокруг которых вращается весь мир, делал какое-нибудь владение из владений своей столицей и поднимал знамя постоянного своего местопребывания в каком-нибудь городе из городов.

Так же как до ислама, столицами персидских хосроев были Истахр и Мадаин в Ираке Арабском, а столицей царей эфталитов ^{37а} Хорасана — Таликан ³⁸ в Балх-ской области, подножием трона тюркских хаканов — пределы Алмалыка ³⁹ и области Хитая, столицей византийских кесарей — Константинополь, Аммурийа, Румийя и Бурса, столицей египетских фараонов — город Файйум из египетских городов, подножием трона царей Магриба — Джазира-йи Андалус, Константина и Тунис, столицей царей Йемена из [родов] Табаба и Шаддада племени Ад — город Сана йеменский.

После [утверждения] ислама постоянным местопребыванием праведных халифов, да будет доволен Аллах всеми ими, стал прекрасный город пророка, да будут над ним лучшие молитвы и приветствия. Столицей правителей из рода Омеядов [был] /30a/ Дамаск из городов Сирии; столицами Аббасидских халифов — сначала Куфа и Амбар ⁴⁰, а в конце город мира Багдад, опорой трона дейлемитов ⁴¹ — Фарс и Рей, столицей царей Саманидов — Бухара; столицей царей Газневидов — Газна, столицами царей Сельджукидов — Мерв и Исфахан; столицей хорезмшахов — Хорезм; опорой трона ханов Чингизидов из потомков Ючи-хана страны узбеков и чагатайских ханов ^{41а} — Самарканд и прилегающие к Мавераннахру области, столицами ханов Хулагуидов — Тебриз и Мераге. Таким образом, у каждого царя имеется столица, которая является постоянным местопребыванием кочевий улуса, местом их казны и сокровищ».

Его высокостепенное ханское величество изволил сказать: «Поскольку божественное предопределение и господний приговор исполнился в таком порядке, что обитаемые страны вошли в черту нашей власти, и наш скачущий по всему свету конь привел эти края благоустроенного мира под [нашу] стопу обладания, и в областях мира не осталось ни единого места, куда бы я мог направить мое завоевательное намерение, то, конечно, нам постоянно нужно сидеть в седле для завоевания всего света и всегда держать коня намерения под престолом и под тронем свободы от дел и стояния на месте. Следовательно, столица наша — наше седло». Отсюда необходимо следует, что весь мир в сравнении с ханским величеством, с высокими ханскими помыслами имеет значение лишь одного гяза земли, на котором действительно сидят.

Так как эти слова для *агрифа*, познающего истину, говорят о высоте достоинства и высоких помыслах и вместе с тем содержат в себе великие поучения и телесную пользу, /306/ я, ничтожный, содержание высказанного облачил в одежду поэзии и переложил красноречивым образом на стихи. В то время когда я закончил чтение тюркской касыды, последняя часть которой содержала в себе описание свойств его величества стихотворца, прославляющее в стихах свое славное существование собранием всех степеней царского великолепия и охватом благородной особы описаниями беспредельного величия, тогда я, бедняк, представил [хану] *кыту*. Помещаю ее здесь, чтобы содержание ее заняло место в сердцах [людей], чтобы ее читали и заучивали на языках всех живущих на свете. Вот эта *кыта*:

Повелитель мира — Мухаммед Шибан
Промолвил: «Страны света в моем перстне,
Основа моей власти превысила судьбу, [67]
Восьмое небо — моя земля,
Мир ислама мной покорен,
Мои победы и завоевания — от моей веры.
Повелитель Китая и кесарь румский,
Каждый — мой нижайший слуга.
Если откину я полу чести ⁴², вот чудо!
В рукаве у меня чистейшее счастье,
Рахш моих замыслов скакал на все стороны,
Сопутствуют мне успех и удача.
У всех царей столица в каком-либо [одном] месте,
Мой же престол, — сказал он, — мое седло».

После того как я представил стихи, они были одобрены и приняты, потому что были прочтены весьма кстати. Достоянейшие из присутствующих одобрили красоту стиха, своеобразность стиля, порядок следования мыслей и необычайность сложения. Тонко чувствующее сердце [хана] выразило одобрение, и весь случай был принят.

Через три дня (3 февраля 1509 г.), пока длилась остановка на юрте Каср-и Арифан ради сбора победоносных войск и вооружения, сопутствующие в этом многоопасном походе выступили с того юрта и прах стоянки Багази-дих ⁴³, расположенной в четырех фарсах от Бухары, /31а/ от пыли копыт августейшей свиты стал предметом зависти чистой амбры. *С успехом Аллаха.*

ГЛАВА VIII

ПАМЯТКА О СОБЫТИЯХ В БАГАЗИ-ДИХЕ И ВЫСТУПЛЕНИИ В ГИДЖДУВАН

Августейшие знамена с возрастающим днем ото дня намерением в пятницу (3 февраля 1509 г) выступили из Каср-и Арифан и соизволили расположиться в двух фарсах от этой стоянки. Окрестные войска приготовили снаряжение для наступления на

казахов и с разных сторон направились в Туркестан. На следующий день (4 февраля 1509 г.) достигли местности Багази-дих. Здесь получил честь издания покоряющий мир приказ, чтобы его высочество, прибежище власти, орудие добродетелей Убайдаллах-султан со своей гвардией и бухарскими воинами был передовым полком августейшей рати, дабы при прохождении через бухарскую степь в Туркестан он бы шел впереди, а его превосходительство эмир Джалаладдин Урус⁴⁴, один из султанских эмиров, с несметным воинством выступил головным сторожевым отрядом. Около двадцати тысяч всадников, каждый из которых представлял собой барса, могучего как лев, а в бою был смел, как кровожадный тигр, отправились при стремени могущества его высочества Убайдаллах-султана, чтобы пересечь степь на пути в Туркестан.

Описание качеств Убайдаллах-султана⁴⁵

И в самом деле, благороднейшая особа султана Убайдаллаха — это собрание царственных благородных нравственных качеств и бесконечно совершенных свойств. Все умственные силы и доблесть он с полной отвагой сосредоточил на завоевании [68] мира. Он с упорством приступил к [изучению] разного рода наук и знаний, соблюдая религиозные обязанности и царственное послушание. В Бухаре он читал у меня, бедняка, книгу *Хисн-и хасин*⁴⁶. Однажды урок его дошел до хадиса, где посланник божий, да благословит его Аллах и да приветствует, говорит: «Узы родства удлиняют жизнь». Я, бедняк, сказал: «Непременным условием уз родства является то, чтобы человек соблюдал родственную связь соответственно степени родства. Если, предположим, близкий родич является неверным или нечестивым, то не следует прекращать по отношению к нему соблюдение родственной связи и не надо жалеть молитв о руководстве его на праведном пути к исламу. /316/ Казахские войска, хотя поступки их не согласны с установлениями божественного закона, тем не менее имеют с вами внешний вид родства и примыкают [к вам] по [общему] происхождению и по крови. Теперь, когда неверные иноземцы — *кизил-бурки* — овладели городами ислама и вашим наследственным владением, прекратить борьбу с ними и воевать с казахами, которые не являются захватчиками ваших владений и вред от неверия которых для стран ислама не слишком велик, — лицо этой [войны] не слишком явно, чтобы постичь ее разумом. Кроме того, имеется изречение посланника божьего, да благословит его Аллах и да приветствует: “*Никто из вас не станет верующим, пока не будете любить меня больше, чем своего отца, своего сына и всех других людей*”. Необходимый вывод отсюда, что для всякого верующего обязательно отдавать предпочтение защите чести посланника божия, да благословит его Аллах и да приветствует, перед [защитой] своей чести. Эти неверные *кизил-бурки* изо всех сил усердствуют в устранении уважения к пророку, да благословит его Аллах и да приветствует. С их стороны даже исходят по отношению к священной гробнице пророка, жителям обители наместников его такие поступки, что если кто-либо допустит подобные поступки по отношению к одному из ваших предков, то у вас не хватит силы терпения держать саблю ярости в ножнах беспечности и не дотрагиваться рукой наказания до полы его жизни, дабы не произошло от вас обязательное царское отмщение по отношению к нему. Ныне прекращено наступление на них, и ради своего намерения вы наступаете на людей, которые вам не очень противодействовали, не задирали [вас]. Вместе с тем у них с вами родство по происхождению и по крови. Это дело подобных вам людей умных, набожных не лишено некоторой странности».

Султан Убайдаллах ответил: «Не нужно, чтобы в вашей памяти запечатлелось, будто у нас в религиозном усердии был и имеется какой-то недостаток и в воле отомстить этим злосчастным неверным — изъян, однако, в силу [поговорки]: *Каждому делу свое время* — у всякого дела в мире становления и уничтожения есть предпосылки и причины, появление которых зависит от времени. Внимание, которое сейчас обратили в сторону

войны с казахами, /32a/ возможно, каким-нибудь образом связано с отражением и истреблением этого народа, [казахов], потому, что во время наступления на *узизил-бурков* и похода в их страну имеется опасность набега и нападения этого народа, [казахов], на области Туркестана и Мавераннахра. Это не путь благоразумия и мудрости — оставить в тылу у себя сильного врага и обратить лицо намерения на врагов в противоположной стороне. Что же касается соблюдения родственных связей с казахами, о чем вы сказали, то между нами и ими столь ясно обнаружались причины к вражде и предпосылки к соперничеству и неприязни, что источник родственных [69] [чувств] совершенно иссяк. Войны и распри между нами и ими так осыпали прахом [взаимного] неудовольствия [наши] души, что мы стряхнули с полы сердца пыль взаимной любви. Если же и удалось бы соблюсти родственные связи, то лишь благодаря высокостепенному ханскому величеству, прибежищу халифата, а мы — его рабы — преклоняем головы пред его указом и повелением и не можем [знать] иного пути, кроме пути повиновения и служения ему. Если вы в этом успеете, то доложите в высоком ханском собрании ради благоразумия и примирения слова, преисполненные тонкой мудростью и превосходными изречениями из Писания и сунны».

Я, бедняк, промолвил: «Увы, увы! Как можно касаться этого вопроса? Тем более что благословенный характер его ханского величества изменился по отношению к этому народу, а царское намерение, исполнение которого имеет силу рассекающего меча по отношению к казахам, подошло к месту мщения, и никто не в силах воспрепятствовать этому. А если кто-либо захочет замолвить примирительное слово, тот найдет для себя путь войны». В связи с этим рассказом мне пришло в голову следующее четверостишие:

Рубаи

Тот, кто борется со своим родственником,
Стесняет для себя простор страны.
Что за польза воевать с казахами?
Боюсь сказать хану, он отругает [меня].

Короче говоря, Убайдаллах-султан в намерении идти на войну с казахами стал согласно действующему, как судьба, приказу передовым полком рати для того, чтобы на стоянках, не дай бог, не случилось недостатка в питьевой воде. Он выступил вперед на один переход, а эмир Джалаладдин. Урус, став впереди передового полка Убайдаллах-султана, /32б/ тоже выдвинулся вперед на один переход, чтобы умножить для войска запасы воды и кормов. Из местности Багази-дих отправились в юрт Гидждувана. *А помощь [исходит от] Аллаха, дарующего милости.*

ГЛАВА IX

ПАМЯТКА ОБ ОСТАНОВКЕ В КАСАБЕ ⁴⁷ГИДЖДУВАН И ПРОИСШЕСТВИЯХ НА ЭТОЙ СТОЯНКЕ

Счастливые хаканские знамена в понедельник (6 февраля 1509 г.) утром выступили из местности Багази-дих и направились в *касабу* Гидждуван. На этом юрте хорасанские вельможи, и остававшиеся бухарцы, и жители других сторон Мавераннахра получили позволение отбыть. Вместе с дастуром Азам-хаджой, сахиб-диваном, они повернули обратно с намерением возвратиться в Бухару и Мерв. Его хаканское величество, окруженный полками божественного содействия, сопутствуемый множеством побед, триумфов и успехов, направился в сторону Гидждувана и поднял победоносное знамя на поле битвы всевозрастающего могущества.

Полки левой и правой руки шли под предводительством могущественных эмиров и высокостепенных сардаров, из которых каждый был единственным из героев эпох и вершиной храбрецов всех стран. Когда такое царственное великолепие, [70] сопровождаемое служением богу и преисполненное беспредельными знаниями, было рассмотрено, то мне, ничтожному, пришло на ум, что, когда Хулагу-хан поднял знамя покорения мира, стал низвергать памятники обычаев владычества царей той эпохи и направился воевать Ирак и Азербайджан, то Хаджа Туси ⁴⁸ оказал честь его существованию и считал служение этому высокостепенному ханскому величеству источником своей славы, основой своего прочного положения и благополучия. Хотя он считал великой честью [для себя] быть царским собеседником и в то время не существовало никого, кто бы был равен [Хулагу-хану] или даже близок ему по царской мощи и по средствам для завоевания мира, но куда больше славы и почета обрел я, бедняк, от общения и чести собеседовать с его величеством ханом Шайбани, государем мусульманской страны, наместником [всемилового] во всем мире, собравшим в себе воедино совершенное знание, всеобъемлющее великодушие, ханскую мощь, непоколебимость на пути правил веры. Откуда было Хулагу-хану добыть такую совокупность добродетелей? /33a/ Следовательно, подобает, чтобы я, бедняк, славу, честь служения и собеседования с его величеством сделал источником своей гордости и славы. За положение, которое я занимаю благодаря милостям божьим, я каждый день сотни раз гордо поднимаю голову под благостным знаменем этого благочестивого наместника [всемилового], постоянно обращающего [внимание] на искоренение неверных, пресечение причин нечестивости, истребление преступных негодяев и разбойников, сейчас идущего на священную войну с казахами. На этот предмет в мыслях [моих] сложилось четверостишие:

Стал Хаджа Насир [помощником] Хулагу на свете,
Зачинщиком его грабежей и резни на свете.
Куда твоему хану до моего, о Туси!
Где на свете есть хан, похожий на моего хана?

Одним словом, поздним утром в понедельник двадцать второго числа месяца шаввала его ханское величество, обладатель счастья, прибыв в *касабу* Гидждуван, отправился поклониться мазару Хаджи Калана, высокопревосходительного и высокостепенного Хаджи Абу-л-Халика Гидждувани ⁴⁹, совершенного *муришида* своего времени, чтобы просить у него успеха, помощи и победы над многочисленным врагом и победного возвращения.

В этом лучезарном мазаре он исполнил обряд поклонения, читал нараспев преславное божественное писание, раздавал милостыню живущим при том священном мазаре. Много поучительного и полезного появилось на свет из области сокрытого в том высоком собрании. [Хан] изволил расспрашивать меня, бедняка, об изучении тонкостей правоведческих наук. Некоторые из полезных бесед на этой стоянке, если угодно богу, будут упомянуты. *А помощь [исходит] от Аллаха единого.*

ГЛАВА X

ПАМЯТКА О ПОЛЕЗНЫХ БЕСЕДАХ НА СТОЯНКЕ ГИДЖДУВАН

[В этой главе Ибн Рузбихан рассказывает о тюркской суфийской касыде Шайбани-хана. В местечке Гидждуван по просьбе хана Ибн Рузбихан изложил присутствующим ее содержание и с согласия того же хана сам написал к ней комментарий. В «Записки» автор включил семь бейтов этой касыды с комментариями на них. Касыда состояла из двухсот пятидесяти бейтов.] [71]

/38a/ ГЛАВА XI

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПОХОДЕ В ТУРКЕСТАН ЧЕРЕЗ БУХАРСКУЮ СТЕПЬ

Говорит Аллах всевышний: *О вы, которые уверовали! Почему, когда говорят вам: "Выступайте по пути Аллаха», вы тяжело припадаете к земле? Разве вы довольны ближней жизнью больше последней? Ведь достояние ближней жизни в сравнении с будущей — ничтожно (Кор. IX, 38.).....*

[Затем следует персидский перевод Ибн Рузбихана этого стиха Корана и его собственные стихи на эту тему в стиле Руми.]

/386/ Выступив из селения Гидждуван в сторону Туркестана, [хан] соизволил в конце дня понедельника (13 февраля 1509 г.) остановиться в двух фарсах от Гидждувана, в местности, расположенной на краю пустыни, чтобы люди набрали воды. Тот, кто не прихватил с собой из Бухары продовольствия в дорогу, достал, что удалось, здесь. Эта пустыня — четырнадцать дней пути по чулю, где совершенно невозможно представить себе возделанного поля, ибо в середине ее только в одном месте имеется вода, получившая название Дурт-Куй ⁵⁰ на том основании, что в середине пустыни только эти четыре колодца и другой воды совершенно не имеется.

В августейшем отряде его ханского величества было более ста тысяч нуждающихся в воде животных, а в отряде Убайдаллах-султана было, возможно, столько же. Другой какой-либо воды, чтобы напоить не только это войско, но хотя бы одну десятую его часть, совсем не было. Его ханское величество приказал войску, чтобы каждый, у кого имеется бурдюк, наполнил его водой, /39a/ и такой огромной ратью, уповая (на бога], двинулся в сторону всеобъемлющего благоволения и милости творца...

Поскольку расстояние второго дня, который был вторником (14 февраля 1509 г.), было пройдено, то в среду утром (15 февраля 1509 г.) [хан] соизволил выступить, а эмиры правой руки были назначены с отрядом воинов отправиться поискать *как*. *Как* представляет собой большой водоем, который у арабов называют *гадир*. Он иногда величиною превышает несколько полетов стрелы. Точно так же в левую сторону отправились эмиры левой руки на поиск воды для войска. С военачальниками левой руки отправился именитый эмир Рай-бий ⁵¹. Я, бедняк, пошел вместе с ними. Сколько ни скакали по окрестности, сколько ни шагали усердно в поисках воды, никому не удалось найти даже признака ее. Все растеклись водою [по сторонам] в поисках воды, кружились повсюду, как ветер: быть может, увидят воду. Подобно этим эмирам левой руки, вместе [с ними] искал воду эмир Камбар-мирза Кукилташ правитель Балха. В конце концов возвратились в местопребывание жизни, к праху ног его ханского величества. Вернувшись в августейшую ставку, [увидели], что небесный купол приемного шатра и великолепная палатка его ханского величества разбиты на берегу моря и тысяч десять или больше всадников посреди воды поят лошадей прозрачными струями *кака*. Таким же образом друг за другом подходили многочисленные воины и, напоив лошадей, располагались на своих стоянках и станах. От четырнадцатидневного отсутствия воды не пострадал ни один человек и ни одно животное не погибло /396/ от жажды. Это действительно [72] чудо! В историях монгольских султанов наших дней и прежних ханов никто, я полагаю, не проходил через эту пустыню. Обитатели этих мест говорили: мы, дескать, тоже никогда не слыхали, чтобы какой-нибудь государь с таким войском или даже с меньшим проходил через эту пустыню.

Я, бедняк, под деревом на берегу источника слышал об этой пустыне из интересного рассказа его ханского величества, он изволил сказать: «Я пять раз проходил через эту пустыню и [каждый раз] поил водой воинов». В том роднике воды было мало и

милость его величества, подобная прозрачной воде, напоила водой моего коня, который тоже принадлежал его величеству. [Хан] простоял на месте столько времени, пока все войско не напилось воды из этого маленького источника и даже взяло с собой про запас.

В этой пустыне переходы совершались утром и вечером, то есть в день выступали в путь два раза. Через пять дней (В рук. неразборчиво) дошли до камышовых зарослей, где были следы старой крепости. Указывали, что эта крепость расположена между Бухарой и началом Туркестана и ее называют крепостью Аркук ⁵². Затем [хан] изволил выступить с этой стоянки

[Рассказывая о ночном походе Шайбани-хана, Ибн Рузбихан дает описание в прозе и стихах ханских носилок. Автор в эту ночь сочинил газель, в которой говорилось о бегстве казахского хана Бурундук-хана ⁵³. На следующий день газель была прочитана хану. Ибн Рузбихан пишет, что, хотя о бегстве Бурундук-хана еще нет никаких известий, ему, как поэту, простительно предугадывать будущие события. Ибн Рузбихану возражал самаркандский медик Маулана Зайри.]

ГЛАВА XII

ПАМЯТКА О ПОЛЕЗНЫХ БЕСЕДАХ, КОТОРЫЕ СОСТОЯЛИСЬ В БУХАРСКОЙ СТЕПИ

[Здесь Ибн Рузбихан рассказывает о диспутах, устроенных ханом на разных стоянках во время четырнадцатидневного похода по бухарской степной дороге. На этих диспутах рассказывали историю царствования государей прошлого, а также хадис о Джабраиле (Гаврииле).]

/426/ Однажды в бухарской степи, будучи верхом на коне, я доложил его ханскому величеству, что в этом году в месяце рамазане я ездил в Самарканд и в четырех собраниях читал хадисы и лекции. Одно собрание — на мазаре Чакардизи ⁵⁴, другое — в соборной мечети, третье — в медресе Алийа-йи мабани ⁵⁵, основание высокого здания которого заложил его величество хан, четвертое — на мазаре имама Мухаммада б. Исма'йла ал-Бухари ⁵⁶, *да смилуется над ним Аллах всевышний*, в местности Хартанг в области Согд. В каждом собрании присутствовало более [нескольких] тысяч улемов, студентов, бедняков, благочестивых и почтенных людей. Однажды, когда в медресе Рафи' ал-бунийат его высокоуважаемого ханского величества я приступил по обыкновению к поучению и прочел хадис о Джабра'иле, объяснил сущность религии и другие значимости вещей, которые содержатся в этом высокодостойном хадисе, [73] то, дойдя до знаков [наступления] дня Страшного суда, я воочию увидел высокое величественное здание, перед которым небесная основа казалась ничтожной, а высота свода ее *суффы* соперничала со сводом купола небосвода, */43a/* [мне] пришло на ум, что, возможно, в хадисе есть указание на господство воинов-узбеков над миром, что они, после того как выйдут из степей, откажутся от ухода за овцами, а мир сделается пространством, на котором расширится их здание. И в словах *ра'а аш-ша'а*, означающих по-персидски *шабанан* (пастухи), возможно, имеется намек на название этого племени узбеков, которых называют шибанитами.

(Далее автор, чтобы развеять сомнения хана о признаках наступления дня Страшного суда, приводит в доказательство верности этих признаков рассказ об Умаре б. ал-Хаттабе из Абу Хурайры ⁵⁷, из книги Бухара *Сахих* и одноименного труда Муслима ⁵⁸, а также высказывания Замахшари ⁵⁹ об этих признаках.)

ГЛАВА XIV

//I/ ПАМЯТКА О ПРИБЫТИИ В КРЕПОСТЬ АРКУК, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ НАЧАЛОМ КРЕПОСТИ ТУРКЕСТАНА

<С помощью творца всемилостивого, благоприятствующего могуществу его ханского величества, и накрытия столов благодеяния господина истин после перехода через бескрайнюю степь состоялось прибытие в благословенную крепость Аркук, в субботу двадцать седьмого [числа месяца] шаввала лета девятьсот четырнадцатого (18 февраля 1509 г.). Эта крепость Аркук — пограничная застава Туркестана, и потому для каждого, кто из Бухары и Самарканда трогается в путь в область Туркестана, первым его местопребыванием является эта знатная крепость и первым его местожительством — эта озаренная счастьем *касаба*.

Описание страны Туркестан

Страна Туркестан является одним из известных населенных краев и местностей. По [своим] преимуществам и особенностям он в самом деле представляет редкость на земле. Мудрые и ученые люди всех климатов мира уподобляют страну Туркестан голове, потому что изображение благоустройства земли в виде человека и установление особенностей каждой части земли соответственно телу человека требует того, чтобы этот блаженный край среди прочих земель, которым [приписываются] качества других членов человеческого тела, был бы головой его. Туркестан состоит из тридцати крепостей, которые расположены вдоль берега реки Сейхун.

Описание реки Сейхун

А река Сейхун является одной из четырех рек мира, о которых говорится в некоторых хадисах, что они выходят из рая. Источником прозрачной [воды] их является душистая почва вечного рая. [74]

Эту реку на языке жителей того края называют «рекой Ходжент» ⁶⁰. Узбеки и монголы ее называют «рекой Сир». В самом деле эта река необыкновенна. Начало истоков ее, согласно тому, что видно, есть начало областей Ходжента и Шахрухии ⁶¹. Течет [река] на расстоянии более трехсот фарсахов по Туркестану, среди зимовий узбеков, и теряется в конце страны узбеков в песках, которые жители той страны называют Каракумы ⁶². Следы этой реки исчезают в песчаных холмах того края. На [протяжении] этих трехсот фарсахов, по которым течет река Сейхун, все берега и окрестности ее покрыты в изобилии кормовыми травами и зарослями камыша. Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли. Если бы не было опасности разграбления и опустошения от проходящих войск казахов, то, возможно, [эта земля] была бы одной из самых благоустроенных земель в мире. Может быть, среди рек мира ни одна река по множеству пользы и доходов от травы, древесного топлива и мест охоты не близка к Сей-хуну. Прозрачная ее вода дарует жизнь животным. Однако, словно источник жизни, она окутана мраком казахских грабителей.

А края [реки] — словно ланиты красавиц, украшенные порослью душистых трав, — являются предметом зависти садов стран света из-за радующих душу лугов. Ты сказал бы, что каждый их луг подобно локонам красавиц, превратившимся в места охоты на сердца поклонников, сделался полем охоты на разного рода животных: на куланов, диких коз и разных других зверей. Сквозь чащи ее деревьев и заросли камыша нет возможности пробиться ветру, [даже] диву не удастся пройти по тропинкам ее берегов. Ты сказал бы, она — река рая, ибо полна беспредельными дарами, или, она — само милосердие, которое по милости вседержителя сказалося в обилии пользы. [После этого следует новое восхваление реки Сейхун в стихах].

Река Ходжент протекает среди крепостей Туркестана. Высокие крепости, наподобие высочайших замков, так возвышаются на берегах каналов, выведенных из реки Сейхун, будто рассказывают об отраде рая, *по которому текут реки*.

Описание отрады страны Туркестан в весенние дни

*/III/ Страна Туркестан в весеннюю пору повествует о райских садах, обильных цветами, и намекает на место гуляния в саду *Ирема, обладающего колоннами* (Кор. LXXXIX, 6.). Разного вида растения и разнообразные душистые травы, [наполняющие ее] от края до края, превратили ее в украшение земли, будто поля и степи ее приятностью воздуха и сладостью воды стали образцом воды и воздуха вечности. Ветви тамарисков подобны ветвям червонного золота среди зеленых растений, — ты бы вообразил, что ветви яхонта выросли из корней хризолита. Повсюду разнообразные цветы наподобие бадахшанских лалов, предмет зависти отрадных мест евангельского сада. Чистота ее воздуха рассказывает об амброподобном зефире садов рая. Сладость живительных родников ее, подобно прозрачной животворной воде райского сада Эдема, оживляет душу и дарует душе вечную жизнь. Никогда в Туркестане ни на одном живом существе не сказывалась какая-либо повальная болезнь или моровое поветрие. Тело ни одного обитателя областей этого земного пояса не падало хворым от жара лихорадки на постель бессилия и изнеможения. [75]*

Все пустынные степи той многоблагословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ в той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать, и охотник в той области, преследуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в той области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин дома по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения, — что является обычаем жителей Туркестана, — то, если возникала нужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же мастерским большим пальцем делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. /45a/ Из жира и мяса его достойным образом приготовив дозволенную пищу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой.

Ранней весной, когда я, бедняк, ехал из города Сыгнака ⁶³ в Сабрам ⁶⁴, несмотря на сильную слабость и изнеможение, которые появились в моем немощем теле вследствие страданий и болезни, глаза моего разума были поражены отрадным видом туркестанской степи. В зарослях тамарисков и гида ⁶⁵ я увидел пасущихся джейранов, которые, увидев местности, представлявшие пастбища, изобиловавшие травой, бежали туда. Я вообразил, что это стада овец, принадлежащие жителям деревень и городов. Когда выяснилось, что это стада диких животных, которые пожирают дары степных пастбищ, в мыслях зародилось страстное желание поохотиться, а с уст сбежали стихи:

Поди, о кравчий, воспользуйся весной и прогулкой по [Туркестану].
Подай кубок, я хочу добычи в туркестанской степи.

Описание крепости Аркук ⁶⁶

Первая крепость из числа туркестанских крепостей, которая явилась стоянкой августейших знамен, была крепость Аркук. Эта крепость в одном фарсах от реки Сейхун, и расположена она на западной стороне реки. Через нее проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то: Йаси ⁶⁷, Сабрам и другие владения. Хотя крепость Аркук по

количеству зданий невелика и [состоит] из нескольких домов, но наблюдается удивительное дело в ее благоустройстве.

Через эту крепость проходили в этом году все победоносные воины. Все [воины] вышли из самаркандских и бухарских полей и степей, и ни у одного не было [с собой] съестных припасов. Решено было собрать на месяц с лишним продовольствия для похода на узбекские и казахские города, [и что] город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами. /456/ Несмотря на то что была середина зимы, время дороговизны хлеба и скудости продуктов питания, этакое несметное войско, от числа и счета которого останавливается в нерешительности [даже] счетчик фантазии, а обладающий разумом [человек] не берется за перо точности, [чтобы] охватить [хотя бы] часть его, расположилось на пространстве той крепости, и все с большой поспешностью направились в дома того города для сбора продовольствия и заготовили все необходимое для всего войска, без того чтобы кто-либо пожаловался на войско за несчастье или просил заступничества от насилия его. Поскольку в том [76] городе нет лавок и базаров и большая часть купли-продажи производится в домах жителей, то воины выходили из домов жителей обремененные ношей. Их обоз и верблюды [были] перегружены всяким добром и показывали, что большинство селений Туркестана по благосостоянию подобны крепости Аркук и даже еще более цветущи. И это — дело весьма диковинное, потому что если бы прохождение такого войска случилось через большую часть местностей Мавераннахра, Хорасана, Ирака и Азербайджана и оно потребовало бы продовольствия на один месяц, то, возможно, разорилось и погибло бы множество народа от наказаний и мучений при поисках зерна. Войско не смогло бы удовлетворить свои потребности, а те местности лишились бы красоты благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов. И это благоустройство туркестанских городов полностью зависит от бесконечных милостей его величества, наместника всемилостивого, и доброй заботливости, которая появилась в повелителе стран света по отношению к нему, [городу Аркуку], за исполнение правил согласия, которое с самого начала исходило с их стороны.

В первый день прибытия августейших знамен в окрестности Аркука я, бедняк, услышал из занимательного рассказа его ханского величества, что он изволил сказать: «Эта крепость Аркук имеет для нас такое же значение, какое [имел] город Йасриб ⁶⁸ для пророка, да будут над ним наилучшие благословения и мир, потому что жители этой крепости — первые люди, которые крепко /46a/ повязали чресла жизни поясом усердия для создания нашей, с каждым днем растущей державы и, наподобие ансаров ⁶⁹, подняли знамя победоносной помощи и дружбы ради беженцев наших слуг, которые в этой области блуждали в августейшей свите по казахскому обычаю, и метнули из метательных орудий крепости камень отступничества в сторону врагов вековечной державы нашей». И, конечно, всевышний бог одарил их неожиданными благами и освобождением от диванских тягот и повинностей и поднял основу их достоинства до высшей точки великолепия за признание благодеяния

ГЛАВА XV

ПАМЯТКА О СОБЫТИЯХ В КРЕПОСТИ АРКУК

Одно из событий, которое случилось в Аркуке, было прибытие его высочества, прибежища царства Мухаммад Тимур-султана, [шедшего] к августейшей ставке со стороны Самарканда по берегу реки Сейхун с растущими день ото дня отрядами войска. Неисчислимы войска удостоились чести следовать вместе со славным кортежем.

Полумесяц на солнцеподобном знамени над горизонтом славы и величия и восход могущества и счастья засияли. Гвардия его высочества и воины из округа Самарканда и его вилайетов и подчиненных, присоединенных и причисленных [к ним] местностей — свыше тридцати тысяч человек — были многочисленные славные всадники, барсы на поле боя, знаменитые бойцы в сражениях. В славном кортеже его высочества султана они, все снаряженные и вооруженные, /466/ все снабженные красивой одеждой и оружием, присоединились к широкому морю ханской рати, [77] одна волна которой не оставит следов от океана, а если один полк [ее] набросится на горы, то превратит их в образец, когда будут распростерты горы плоско (Кор. LXXXIX, 22).

Действительно, войско было столь велико и хорошо снаряжено разного рода оружием и несметными боевыми припасами, что от его многочисленности в воздухе появилась духота, а от его наступательных ударов землю охватывал страх землетрясения, а небо — опасность издать плачевный вопль. Все они, боевые молодцы, на скакунах, несущихся как судьба, которые, решившись на бой, опускали забрала и давали волю рукам, и знаменитые зрелые бойцы, которые на поле сражения и на арене битвы являли храбрость и мужество; герои-лучники, каждая стрела которых, спущенная с тетивы, выбивала дух из какого-либо знатного врага; разящие мечом львы, на зеркальных саблях которых было видно отражение лика победы; каждый славный воин — Рустам, который считал Бижана ничтожней старухи. Каждый отдельный [всадник], налетая и отскакивая, был как Исфандийар, называвший сказочного Рустама Залем ⁷⁰ времени.

Стихи

Когда в рядах появились львы,
Они все стали героями битвы.
Боевые молодцы; в день боя
Барсы побросали щиты перед ними (т. е. сдались. — Р. Д.),
Все — венценосцы из рода узбеков,
У врагов похитили шапку [их] воли,
От их стрел враг скрылся.
Стрелами успеха захвачен мир [ими].

Его султанское высочество [Тимур-султан] поставил ставку свою близ августейшего стана высокостепенного ханского величества. Он остановился во всеоружии хосроев времени, снаряженный как хаханские ханы. По всей степи воздвигли ввысь палатки и шатры до Аййук ⁷¹ /47a/ и вознесли до сводчатого потолка небосвода бой литавр величия и звуки трубы славы.

Знаменитые узбекские эмиры, юрты которых находились близ владений его султанского высочества [Тимур-султана], при подобающем оружии и снаряжении, поставили великолепные палатки в кортеже этого могущественного, как Джам, султана и начертали на скрижалях памяти и страницах сердец узорную вязь рабской преданности и покорности. В общем, собралось множество войск Мавераннахра, численность которых выходила за пределы счета и исчисления. Их высочества султаны, которые ранее из Бухары возвратились в свои владения для подготовки к войне с казахами, приняв доброе решение со всех сторон благополучно направились к ставке величия и могущества и открыли ворота к началу исполнения обязательного служения и послушания ради своей безопасности и надежд.

Получил славу быть изданным августейший указ его величества о том, что окрестные войска, которые направляются на войну, должны взять с собой месячный запас продуктов питания для ханского двора и фуража для ездовых и вьючных животных в Туркестанской области и отправиться в страну узбеков. Диванские чиновники и есаулы

отправились в восточные владения Туркестана, чтобы нагрузить на арбы принудительно собранный хлеб и переправить его на судах через [78] реку Сейхун, дабы все победоносные воины были вооружены, снаряжены и в изобилии снабжены продовольствием [так, чтобы] о питании никакой тревоги в сердцах не возникало.

Августейший кортеж его ханского величества стоял на равнине Аркука три дня, и каждый день созывались августейшие собрания, преисполненные разного рода пользой и поучительностью. И в каждом собрании происходили важные беседы, ученые диспуты и [разъяснение] тайн тонких суждений, плодов таланта и ума. Здесь кстати упомянуть о некоторых из этих полезных вещах. А помощь исходит от Аллаха единого.

ГЛАВА XVI

/476/ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПОЛЕЗНЫХ ВЕЩАХ И ДИСПУТАХ В АРКУКЕ

В этой стоянке большая часть улемов, благородных и знатных людей и казиев туркестанских областей, соседних владений и городов обрели честь встретить августейшие знамена и удостоились счастья неотлучно служить и лобызать подножие престола халифата, подняли основание своего высокого положения до высшей точки великолепия. Все, удостоившись заботливых царских взоров и особой царской благосклонности, сделали ханское покровительство источником славы дней своей жизни.

На второй день (19 февраля 1509 г.) стоянки в Аркуке, рано утром, когда подушку сидящего на престоле небес (т. е. солнце. — *Р. Д.*) возложили на купол земли и трон хосроя восточного царства извлекли из места уединения за горизонтом, кортежи созвездий пали в прах небытия перед величием повелителя небосклона. Лучи красоты царя востока сделались светом покоя для украшения [лица] земли, и сияние лучей солнечного кортежа поднялось до небес. Повелитель занял место на небесном престоле так, что взоры глядящих на совершенную красоту его слепнут. На троне миродержавия утвердился такой владыка, что от сверкания лучей [его] у всего мира возникли [новые] желания и цели.

Утром, когда высоко взошло солнце,
Нанесло смятение войску мрака,
Простор горизонта весь стал цветником,
Венценосец небосвода надел головной убор,
В мире воздвигли купол для солнца,
Знамя господства его водрузили на тереме.

Высокостепенное ханское величество направился из сарпарде ⁷² величия и могущества в шатры счастья и благополучия. Все августейшее собрание было полно благородных султанов, великих эмиров, почтенных улемов и знатных людей. Правая сторона была украшена особой его высочества, прибежищем царства, "Убайдаллах-султаном, и над именитыми султанами времени засияло солнце благосклонности, /48a/ а улемы войскового стана, знатные вельможи Туркестана удостоились чести сидеть по левую сторону высокого собрания. Из числа туркестанской знати присутствовал гордость сейидов и благородных особ эпохи Шамсаддин Абдаллах ал-Араби ал-Йамани ал-Хадрамаути ⁷³, происходивший из йеменских сейидов [79] и ученых, долго живший в Мекке и Медине. Он уже более двадцати лет, как приехал в Мавераннахр и Туркестан, и, до того как эти области попали под власть его ханского величества, он имел честь общаться с его величеством [Шайбани -ханом] в славном городе Бухаре, и всегда одушевлял дискуссии августейших собраний. Для оказания помощи в завоевании мира он в туркестанских городах постоянно погонял в разные стороны коня составления планов,

метал стрелы захвата в соседние владения. А сейчас он отбросил посох ради постоянного жительства в городе Сабраме, обзавелся здесь семьей, скотом и угождями. Отсюда он вместе с туркестанскими вельможами отправился для встречи с особами, состоящими в августейшей свите. В этом собрании он удостоился чести сидеть по левую сторону [от Шайбани-хана].

Я, бедняк, в тот день утром по болезни, которая потом очень усилилась, оставался в постели. Когда созвали августейшее собрание и засияло солнце внимания его ханского величества к моему состоянию, [хан] изволил осведомиться, почему такой-то не присутствует, и отправил предвещающего радость гонца позвать меня, больного бедняка. Я получил повеление явиться в обитель великолепия и радости. Когда я вошел, меня, ничтожного, удостоило особое царское внимание прежней высокой благосклонности и одарило меня, ничтожного, в том собрании ученых людей ласковыми взорами. Когда я подвигался на левую сторону, мне, бедняку, предоставлено было право сесть на правой стороне. Как только я уселся в августейшем собрании, раздалось высочайшее повеление, чтобы я прочел хадис о Землепашце и отворил дверь полезного поучения, дабы присутствующие туркестанцы осведомились о предвещании пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, которое он изволил изречь об обещанном Землепашце. /486/ Я, бедняк, приступил к чтению хадиса и разъяснил вкратце истинный смысл некоторых его слов и указаний, хотя подробное изложение его сделано в *Рисала-йи Харисиййа*, которое сочинено для использования этого хадиса. Однако здесь следует кратко описать картину дискуссии, которая состоялась в этом собрании.

ГЛАВА XVII

РАССУЖДЕНИЕ О «ХАДИСЕ О ЗЕМЛЕПАШЦЕ»

[Автор, ссылаясь на сборник хадисов имама Абу Дауда ас-Сиджистани (817 — 898), трактует слова Мухаммада о появлении через некоторое время после его смерти в Мавераннахре «защитника ислама» и о присущих ему пяти признаках. Разбирая каждый признак, Ибн Рузбихан заключает, что эти признаки как раз имеются у Шайбани-хана, который ради ислама «на своем походе из Бухары в Дамган захватил города и области, большая часть которых ранее не входила в пределы его владений и вернулся в Мерв до наступления зимних холодов. В этом году (Т. е. в 1509 г.) он выступил в поход на Дешт-и Кипчак и сейчас изволил утвердить счастливые знамена в Туркестане».

Толкуя значение слова *харис* как «благоустроитель земли», Ибн Рузбихан говорит: «Благоустройство земли его ханским величеством путем устранения опустошений злодеев, [80] грабителей на больших дорогах и насильников известно всему миру. До появления вековечной державы его ханского величества не было возможности кому-нибудь проехать из Самарканда по туркестанской дороге в расположенный в четырех фарсах от Самарканда Алибад ⁷⁴ из-за злодеяний монгольских разбойников».

Восхваляя походы Шайбани-хана, Ибн Рузбихан обращается к присутствующим на собрании с призывом действительно помогать хану в проводимых им мероприятиях и говорит: «Так как намерение [хана] устранить /546/ забытых богом казахов есть одно из первых мер для завоевания Ирака, то теперь помочь и поддержать его ханское величество в его намерении отправиться на священную войну [с казахами] является обязательным и необходимым для всего населения, [исповедующего] ислам вообще и всем мусульманам городов Туркестана [в частности]».

Рассказывая о собрании, Ибн Рузбихан пишет: «Когда [мною] был подробно изложен хадис о Землепашце, то присутствующие всех толков начали хвалить это хорошее устное изложение тонкостей и сущности хадиса. Всех охватило удивление и изумление от стройности последовательной и смелой речи без перерывов, содержавшей в себе разного рода поучительные вещи, тонкости наук и знаний. На лице его величества появились следы удовольствия и легкой улыбки и все, находившиеся в присутствии его августейшего величества, стали расхваливать меня, бедняка, признали исключительность моих знаний в разного рода науках, красоту речи и хорошее построение тезисов...»]

Его ханское величество издал покоряющий мир указ, чтобы жители туркестанских крепостей, придя на место помощи, содействия войскам ислама, сопровождали [их] в этом походе и обрели бы небесное вознаграждение, плату [за службу], прибыль и добычу общества борцов за веру. И пусть каждый, ступивший на поле согласия, в меру [своей]

способности, пустится в путь. И воины, душой и телом твердо, и искренне веря в бога, решили отправиться на священную войну с насильниками.

/55a/ Заповедь Священного писания о дозволенности верующим избивать неверующих такова: «Дозволено тем, с которыми сражаются за то, что они обижены. Поистине, Аллах может помочь им, — тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: "Господь наш — Аллах"» (*Кор. XXII, 41 (40)*). Этот стих Корана верен [по отношению] к жителям Туркестана. Люди, поднявшись с места, приняли решение вооружиться для похода на казахов. И благодаря этому правильному решению, которое произошло от слушания хадиса его святейшества правдивейшего из людей, Мухаммада, посланника божия, да благословит его Аллах и да приветствует, случились разные победы, о которых никто не писал ни в одной летописи. А помощь [исходит] от Аллаха, которому поклоняются. **[81]**

ГЛАВА XVIII

ПАМЯТКА О ДВИЖЕНИИ ИЗ КРЕПОСТИ АРКУК В СТРАНУ КАЗАХОВ

На третий день (*Т. е. 20 февраля 1509 г.*) стоянки выступили в Узгенд ⁷⁵. Он тоже является крепостью на берегу реки Сейхун. По благоустройству он ниже крепости Аркук; расстояние от него до Сейхуна составляет один фарсах. В округе крепости Аркук произошло славное прибытие кортежа его высочества, прибежища царства, преславного султана Султан-Хамзы, сына Султан-Бахтияра, сына Хизр-хана, да продлятся навеки дни его царствования. С огромным войском и большой свитой он присоединился к августейшей ставке. Сначала его высочество, царственный Хамза-султан встретился с [Шайбани-ханом] верхом на коне. Он исполнил то, что являлось долгом изъявления покорности, исполнения родственной службы и [доброй] воли. Ставка этого падишаха была установлена рядом с августейшей ставкой.

Снявшись из Узгенда, направились к переправе, чтобы по льду перейти [через реку]. Начали переход через бесконечные заросли камыша и кустарника. Некоторые храбрецы приказали своим воинам, [чтобы] они поехали и нашли место для переправы войска. Воины направились в округу прохода. Прибыл гонец от его высочества Убайдаллах-султана [и сообщил], дескать, лед на переправе, где мы перешли, был подобен летящему перу, так что у него не было силы выдержать наезд воинов и много нашего имущества утонуло в воде. */55б/* Его ханское величество поехал к той переправе, где воины Убайдаллаха утопили и испортили часть своего добра. Из крайнего усердия они по льду переехали через несколько протоков реки, но от бурного течения воды, выбившись из сил подобно воды селя, направились к другому *каку* и небольшим числом переправились через этот *как*.

Большая часть воинов остались по эту сторону *кика*. Между ними случилось расстояние в три дня пути, потому что переправа была узкой, а по краям *кака* лед смешался с водой. Его ханское величество остановился на той стороне с личными своими чухраями ⁷⁶ и амакчиями (*В тексте неразборчиво. Условно читем *** - слуга*), а все войско при эмирах осталось на другой стороне. Я, бедняк, встретившись с эмиром Рай-беком и с другими эмирами ставки его высочества Султан-Мухаммад Тимура, отправился по восточной стороне на поиски переправы через *как*. На пути попало несколько *каков* с битым льдом, и, чтобы запрудить трещины каждого, требовалось десять тысяч харваров с лишним дерева, а тропа была столь узка, что нужно было подвигаться по льду на расстояние нескольких полетов стрелы, чтобы дойти до края той полыньи, где сломался лед. Кони совсем не могли стоять на льду, ноги у них дрожали. Стужа была [сильной] до

такой степени, что совсем немислимо было отнять руку от лица или обнажить зеркало лица из ножен рукава. Так как время шло к вечеру, то выбрали место [ночлега] на берегу *кака*.

У большой части знаменитых эмиров не оказалось с собой необходимого снаряжения и одежды. Однако я, бедняк, не был разлучен со своими вещами. Раз я непоколебимо встал на путь священной войны, то с ног не свалился. На краю льда мы разбили палатки и из дров *гида*, которое персы называют *так*, а некоторые тюрки, [82] кажется, *ганч*, зажгли огромные костры. Тот, у кого дорожный припас был с собой, варил пищу, а тот, у кого его не было; ради обжигающего сердце кебаба, в предвкушении кебаба поддерживал огонь в костре. Мы сварили пищу и на часок приклонили голову на подушку отдыха. Когда пламя глаз погасло во сне и начали угасать светильники путников, то и костры погасли и пламя исчезло. /56а/ У потерявших путь к переправе на душе тоска и печаль. Подобно ошеломленным сынам Израиля, они остались в пустыне блужданий. Они гоняли коня размышления по полю растерянности, ибо между ратью и его ханским величеством легло очень большое расстояние, а путь был весьма труден.

Где дорога к другу? Перед ним —
Вершины гор, а их подножия — смерть.
Ноги босы, и нет у меня коня,
Рука пуста, и путь опасен.
Ночь темна, тесен путь, а пучина страшна и свирепа.
Где знать о нас беззаботным на берегу? (Бейт Хафиза)

Не успели мы немного отдохнуть, как внезапно послышался ужаснейший звук; от страха казалось, что людям пришел конец. Это был будто вопль трубы и по речению: *А когда затрубят в трубу (Кор. LXXIV, 8)* — в ужасе от этого гнетущего звука все поднялись, словно мертвецы из могил, и, дрожа от страха, стали читать дрожащими, испуганными голосами слова: *Они говорят: «Горе нам ! Кто послал нас из места успокоения? Это — то, что обещал Милосердный, и правду говорили посланные (Кор. XXXVI, 52).*

Все, вскочив с постелей, из опасения погибнуть бросились бежать и, подобно веткам деревьев, кинулись во все стороны этих жутких зарослей. Все животные — лошади, верблюды, — испугавшись устрашающего звука, в миг оборвали недоуздки и чумбуры и ускакали в разные стороны. Так как причина возникновения этого наводящего ужас звука была неизвестна, [то] многим пришла в голову мысль, не казахские ли это войска, совершая набег, добрались до этих мест, и, нападая, без раздумья погнали коней смелости на поле состязания и борьбы, нагоняя ужас ночным наскоком на августейшее войско, подняли знамя разбоя по всему стану. Люди с непокрытой головой и босые, произнося слова: *Лишь бы голова осталась цела*, — устремились, чтобы спрятаться в гущу зарослей. Когда прошло немного времени и звук больше не повторялся, постарались найти причину возникновения этого звука. /56б/ Выяснилось, что причиной этого жуткого звука была ломка льда на *каке*, который ломался повсюду разом из-за действия жара костров и требования времени года, ибо была пора вхождения солнца в созвездие Рыб (Т. е. конец февраля) и появления теплоты согласно предопределению *вечно живущего, бессмертного*. Когда стала известна причина звука и было установлено отсутствие набега казахского войска, народ вышел из зарослей и привел животных, держа на привязи. [Дальше описывается восход солнца.]

Мороз был столь силен, что все, кто поднимал голову с постели, тут же застывал, как лед, и сидел, как снег в воде. Лошади, подобно коням из слоновой кости [83] на шахматной доске, так оцепенели, что невозможно было без помощи перевести их от одной

палатки к другой. Верблюды, наподобие верблюдицы Самудской, столь замерзли среди ледяных глыб, что разве только молитва Салиха вывела бы их оттуда. Если бы человек высунул из рукава руку, чтобы подтянуть седло, то от льда рука его стала бы хрустальной, как будто бы он крепко обнимает возлюбленную. Если бы уши появились из-под колпака, то мороз задал бы им трепку. Телесная теплота в печи груди живого существа принимала естество мороза, /57a/ а горячая кровь в кухне печени превращалась в подобие коралла в покрытом льдом море. Пар дыхания — словно дым погасшего огня или [как] пламя огня, искры которого наполовину потухли...

[Далее описывается мороз и ветер в прозе и стихах.]

Короче говоря, на рассвете, в такую стужу словно мать времен охладила любовь /57b/ к своим детям, а войско страданий со всех сторон набросилось на спутников, двадцать тысяч человек с нагруженными повозками и вьючными животными стояли на краю *кака*, [не видя] пути ни вперед, ни назад.

Некоторые великие эмиры и знатные лица, которые сопутствовали, сами, сойдя с коней, брали по ноше дров, шли от берега *кака* к краю полыньи и бросали дрова в воду с целью перекрыть полынью. И сколько людей с большими трудами и усилиями ни подносили к краю полыньи огромные деревья, из которых каждое равнялось тысяче манов дров, и с силой, многими ударами ни погружали их в воду — казалось, будто в какую-то дыру, которую сделали в океане, или [словно] стрелы пускали в голубое море небосвода. Куда бы горделивые воины (*Кор. III, 139*) ни гнали коней отваги — не найдется ли где-нибудь переправы, [куда бы] ни спешили найти путь к спасению, они лишь блуждали наподобие реки, и ноги у них от хождения взад в вперед застывали, как лед, и они снова возвращались к этому *каку*.

Прочие султаны и эмиры, которые пустились в путь ранее, застряли среди этих *каков*. Ноги их намерений замерзли в трещинах [льда], а стопы переправы сломались. Войску ровно ничего не было известно о положении его ханского величества, ни одной душе не видно было и следа движения звездоподобного кортежа. Короче говоря, с большим трудом срезали несколько деревьев и слегка переплели их друг с другом. Один смелый всадник, промолвив слова: *Не подобает душе умереть иначе, как с соизволения Аллаха*, — поднялся ради [спасения] жизни, сел на быстроходного коня и попытался проехать по тем сплетенным деревьям. Как только он сделал несколько шагов, ноги коня ушли в глубь *кака* и конь, свалившись с ног, рухнул в воду. Люди, подняв крик, бросились вслед за воином, но нашли его вместе с быстроходным конем в пучине гибели и потопления. Поскольку всадник на резвом коне, несмотря на легкость веса, с таким трудом прошел [несколько шагов] и, не дойдя до берега, утонул в волнах несчастья и бедствия, то другие, у которых были тяжелые ноши и вещи, спрятали зубы желания перейти [на тот берег] и посыпали прахом неудачи глаза надежды на избавление.

Непрестанная сильная буря, непрерывное бушевание холодных ветров настолько всех привели в замешательство, что никто не решался обдумать бедствия создавшегося положения и не мог, [несмотря на] усилия, выбраться из пределов этого кровожадного *кака*. [84].

/58a/ В общем, когда наступил день и совершенно гладкая ледяная поверхность *кака* стала несколько более проходимой, люди со [всех] сторон направились за деревьями и все с большим усилием и старанием, не описуемыми в словах, приносили множество поленьев деревьев и пней и сбрасывали на переправе. Со многими трудностями караван за караваном переправили навьюченных верблюдов по одиночке через кровожадный *как* и

доставили на спасительный берег необходимый для жизни дорожный багаж. По этой залитой водой земле пришлось еще Несколько раз переправляться через *каки*; таким же способом, перекрыв деревьями полыньи, к концу дня переправились [все]. [Затем следует описание холодной зимней ночи.]

Сборище воинов отстало, подобно звездам, от прекрасного солнца ханского величества, отдалилось, словно темная ночь, от солнца высшей точки величия. Вместе с теми сильными, как судьба, воинами, спрятав горестную голову в воротник заботы и подобрав тягостную ногу под полу печали, мы с тысячью неприятностей и лишений провели эту ночь до утра. Когда же с восходом солнца занялся счастливый день после мрака и самой длинной, беспросветной зимней ночи, мы снова, возложив на быстроходных верблюдиц паланкины намерения, пришли в движение и с большой печалью и озабоченные пустились в путь.

В полдень, когда ладья солнца достигла середины голубого моря небосвода и солнечные лучи, воздействуя теплотой, в общем согрели руки и ноги шествующих по этой холодной долине, [мы] поднялись на возвышенное место. Из-за чащи леса и нагромождения ветвей, из-за места, [вызывающего] опасения, показалась кровожадная река Сейхун, окаймленная громадными зарослями камыша, вследствие густоты которых змее не было /586/ возможности проползти в их узких проходах. Солнце, несмотря на острые клинки [своих] лучей, никогда не проникало вглубь, чтобы срезать их на корню. Кроме тени, которая охватывала их полу, никто не решался ступить ногой, чтобы проложить путь сквозь эти камышовые дебри. Кроме воды, которая протекала внизу, никто не мог раздвинуть их властной рукой, чтобы пройти. Края этой рощи были так окружены стрелами камыша, что каждый человек, который шел там, уподоблялся колчану и жизнь свою превращал в мишень стрел смерти. Текущая у полы камышей вода в этих зарослях так замерзла, что казалось, будто камышовые стрелы воткнуты в колчан или камыш внизу был сломан льдом от долгого пребывания в тех ямах.

Когда за чащей зарослей камыша стала видна река Сейхун, то она представилась морем, словно рудник текучего серебра или остановившейся от сжатия, неподвижной ртути. Словно небосвод, частицы которого — серебристые звезды или Млечный Путь, а облака на нем — блюдо, полное небесных созвездий. Посередине зеленого моря деревьев [будто] протянулся широкий серебряный мост или [словно] продолжение первого проблеска утреннего рассвета, показавшегося на краю темно-синего горизонта...

Посередине этого белого моря виднелась черная полоса грозного, как судьба войска, проходившего через переправу. Чернота чернил растянувшегося войска стерла белизну той серебристой страницы. Полки воинов и отряды конников, могучих, как рок, своей чернотой покрыли поверхность той белизны. Вереницы [85] верблюдов арабской породы следовали друг за другом подобно буквам в письме, как сказал поэт:

*Верблюдица, брат ее, отец ее [происходят] из гор,
Верблюдица, ее дядя по отцу и матери [быстроходны], с длинной шеей ²⁷.*

/59a/ Они шли, растянувшись на расстоянии, превышавшем несколько полетовстрел, пущенных из лука. Вся белая поверхность реки была [как лист] — местом букв чистокровных верблюдов и коней узбекской породы. Лицезрение этой картины стерло со страниц души знаки горести, страданий и забот. Видение воочию грузов, тяжестей, разного рода поклажи успокоило и развеселило печальное сердце, ибо надежда на переход через это опасное место уже не только блуждала по краю сердца, потому что в те несколько дней [мы] несколько раз приближались к берегу Сейхуна и в надежде

переправиться бросали якорь остановки на берегу этой опасной реки и каждый раз готовили материал для той переправы. Некоторые смельчаки из конников августейшего войска даже приступили было к переправе через Сейхун, однако ладья их надежды на переход по этому пути натыкалась на сухой берег безнадежности. Когда мы своими глазами увидели, что часть вещей могучих, как судьба, воинов переправили, а другую часть готовят к переправе, по слухам стало известно, что высокостепенное ханское величество здрав и невредим, согласно желанию и воле, соизволил пройти по этой переправе. Разум изумился и поразился переправе через реку по мосту и шествию судьбы по Млечному пути и [тому, что] славные султаны и знаменитые эмиры ожидают [своей] очереди на берегу реки. Мы вознесли необходимую хвалу Аллаху и обязательную благодарность за здравие особы его величества наместника всемилостивого за счастливый переход его по льду этого бескрайнего моря, за появление признаков победы, за указание на преддверие победы войск, могучих, как судьба, и за беспредельную милость [его]. С тысячью надежд мы по льду пустились в путь к месту переправы и начали переход. Когда же мы, претерпев разного рода неприятности и беды при прохождении через густые заросли, подошли к месту переправы на близкое расстояние, то заметили по сторонам переправы целые горы льда, появившиеся в течение зимнего времени от /596/ постоянных морозов. Мы видели, что сквозь эти ледяные горы были сделаны один-два прохода с помощью топоров, лопат, кольев и ломов, [оказавшихся] среди пожитков знаменитых узбекских эмиров. Если бы ожидать, пока места переправ опустеют от проходящих войск, дабы кто-либо мог спокойно пройти по ним, [то] нужно было бы простоять на берегу несколько дней, пока не перейдет большая часть войск. Сообщали, что если сегодня до конца дня кому-нибудь не удастся переправиться, то лед сломается и путь для него будет закрыт. Мысль о такой картине вновь зажгла внутри [нас] огонь в очаге скорби и печали. Обсуждение этого преисполненного опасностью дела вновь бросило нас в долину раздумья и нерешительности. На этот раз волнение и беспокойство было тяжелее всякого бремени, думы и волнения об исходе этих мук выходили за пределы счета и исчисления, потому что каждый раз, когда мы обдумывали переход через какой-нибудь оставшийся как, в моей душе возникала полная уверенность, что его ханское величество все еще не переправился через реку Сейхун и со своими гвардейцами, амакчиями и чухраями до сих пор задерживается в узких, тесных проходах. [86] Если произойдет отставание от августейших знамен вследствие [его] задержки в топких местах берега Сейхуна, [то] исправить его стремление присоединиться к счастливым знаменам будет легко и исполнимо. Однако на этот раз было опасение, что если, вследствие значительной задержки на берегу реки ради отыскания места переправы и освобождения дороги от перевозимых вещей и клади, звездоподобное войско очень сильно отстанет, а августейшие знамена [тем временем] уже благополучно переправятся, то присоединиться к ним удастся не раньше, чем в пределах страны казахов, а соединение со счастливым кортежем раньше этого совершенно нельзя себе представить, потому что двинуться со скоростью огня по устранении препятствий для [начала] военных действий и помех для войны невозможно, ибо искры уже не воспламят пожара в краю врагов и молния проливающего кровь меча не сожжет жизненного припаса противника.

/60a/ В таком состоянии [собравшиеся] размышляли о том, какой вид примет путь спасения через эту полную бедствий переправу, и решение наконец остановилось на том, чтобы очертя голову броситься с вершин этих ледяных гор вниз. Если нам еще суждено жить и остаться здоровыми и невредимыми, то судьба нас приведет к берегу реки, а если нет, то конь жизни останется в яме смерти. С таким решением мы вместе с конями почти бросились с вершины ледяной горы, высота которой была около пятидесяти гyzов. Так как мы не поплатились предопределенными нам Днями жизни и нам осталось прожить еще несколько дней, то мы невредимо спустились на берег Сейхуна. Когда воины доблестной рати увидели воочию нашу смелость наверху той ледяной глыбы, они, последовав [за

нами] по пути согласия и товарищества, спустились с вершин тех высоких гор на берег реки. Так как поверхность льда, который покрывал реку, была очень скользкой и хрупкой и по ней невозможно было проехать верхом, то мы, разумеется, спешили и пошли по льду пешком, держа лошадей в поводу. Совершенная милость мудрого хранителя, которая поддерживала слова: *И перевели Мы сынов Исраила через море (Кор., VII, 134)*... и чудом спасла от потопления народ [во время] его шествия через море, спасла чудесным образом и нас.

Удивительно то, что я, бедняк, в то время был очень болен и слаб и разные болезни, как, например, оспа, желтуха, болезнь грудной полости, лишили тело немощное красоты здоровья. К тому же на прежних стоянках мне пускали кровь, и тело совершенно ослабло и исхудало вследствие удаления [дурных] веществ. А сейчас я шел по льду, держа в поводу коня. Когда я прошел с огромной трудностью большую часть расстояния, меня обогнали несколько арб, и я пустился вслед за ними, следуя за возчиками.

/606/ Вдруг тяжесть арбы подействовала на лед, в нем образовалась большая полынья, и арбы пошли ко дну. Трещина захватила и место, где шли мы, и наша гибель стала очевидна. Я уже не чаял жить, но надеялся на тайную милость. Ноги мои отказались служить, и я в изнеможении упал на лед. Точка моего существования стала центром круга несчастий и осью орбиты ужасов. Согласно изречению:

И когда они едут в су дне, то призывают Аллаха, очищая перед нимверу (Кор., XXIX, 65), я поднял [87] к нему руки молитвы об избавлении и обратил взоры надежды на большую дорогу благосклонного принятия [ее]. Тут же, согласно изречению: *А когда Он спас их на сушу, сверкнула молния промысла божия, и солнце руководства во мраке бедствий показало спасительный свет, и мы, падая и вставая, добрались до берега. Слава Аллаху за милость и доброту его!*

Вскоре после нашей переправы весь лед потрескался, и прочный мост, который препятствовал утонуть каждому утопающему, сдвинулся с места, и забурлили и закипели Гог [и Магог] волн морских. Мы с берега наблюдали, как плыли по воде большие глыбы ломаного льда. Остатки войск и ставок султанов и эмиров все остались на том берегу. И если бы ледоход начался менее чем за час до нашего прибытия на берег, то все мы потонули и погибли бы. Отставшие на том берегу воины ушли с того места переправы и отправились выше [по течению]. С большим трудом и усилием, кто как сумел, добрались до спасительного берега. Но много людей, вьючных животных, снаряжения, скарба и утвари потонуло в пучине несчастья. Ни о ком не осталось и следа, а теперь нужно рассказать обстоятельства переправы по льду через Сейхун его ханского величества.

ГЛАВА XIX

ПАМЯТКА О ПЕРЕПРАВЕ ЕГО АВГУСТЕЙШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ СЕЙХУН ПО ЛЬДУ И [О ТОМ, КАК] СОБРАЛИСЬ СУЛТАНЫ, ОДАРЕННЫЕ ДЕНЬ ОТО ДНЯ РАСТУЩИМ СЧАСТЬЕМ

Переправа его ханского величества через Сейхун произошла в понедельник, двадцать восьмого числа месяца шавваля (19 февраля 1509 г.). Обстоятельства переправы его величества были таковы: когда за три дня до переправы, под вечер, на краю *кака*, где его величество изволил пройти с немногими людьми, */61a/* большая часть воинов, имевших честь сопровождать его величество, стали читать стихи безнадежности и погнали коня замешательства по ристалищу блуждания, о чем кое-что было уже написано выше. Его величество с некоторыми из своих амакчиев и чухраев переправился через *как*.

Так как место переправы было очень узким и опасным, то, если бы все воины пожелали перейти, возможно, мало кто пошел бы по пути спасения и сохранил жизнь от ужасов той пучины. Само собой, славные эмиры с большей частью победоносных воинов от этой переправы возвратились назад и переправились в другом месте согласно тому, как было упомянуто выше.

На том берегу реки августейший кортеж его ханского величества на рассвете следующего дня (20 февраля 1509 г.) выступил и объехал окрестности реки в поисках [другого] места для переправы. Изъездив сам лично самые отдаленные [места] зарослей, он несколько раз отыскивал место для переправы и каждый раз, сойдя с быстроходного коня, ходил пешком по льду. Но так как всякий раз полагал место переправы неподходящим для войск из-за полыней и трещин, которые имелись вокруг него, то направлялся в другую сторону. При утреннем и вечернем ветерке в поисках дороги для переправы гонял он быстрого как ветер коня по тесным проходам зарослей камыша, где из-за сильного переплетения и чрезмерной густоты [зарослей] не видно [88] было земли и совсем нельзя было различить тропинки для входа [в заросли]. Когда достигнуть желаемого берега не удавалось, он, не прекращая поисков, возвращался обратно и снова, избрав другой путь, прилагал усилие и старание для достижения цели до тех пор, пока наконец ему не удалось успешно найти место переправы. Сперва он сам священной своей особой сошел с коня и с тростью в руках, раньше всех людей, изволил переправиться. Достаточно изучив и осмотрев проницательными глазами примыкающие к переправе места, он, как судьба, приказал войскам переходить по этой переправе.

В полдень того же дня его величество, сопровождаемый ратью божественной помощи и окруженный разными беспредельными милостями, доехал до желанного берега. Проворные на руки слуги воздвигли куполообразный шатер (Т. е. ханские палатки) халифата на том берегу реки Сейхун, и [его величество] заложил счастливую основу высокого здания державы у самого начала страны казахов. /616/ Кто из победоносных воинов оказывался в силах и скорее других достигал берега еще до ломки льда и разрушения переправы, тот невредимо, спокойно, благополучно и ликуя переправился [на другой берег]. Другие же переправились в других местах. К концу дня вся ханская гвардия с разных сторон перебралась [через реку].

На другой день (21 февраля 1509 г.) начали переправу славные войска его высочества, прибежища царства, Мухаммад Тимур-султана, численность которых превышала количество листьев на деревьях и капель дождя. В два дня переправились все и, воздвигнув на берегу Сейхуна великолепные шатры, величественные палатки, разнесли по всему голубому небосводу бой барабанов мужества и звуки труб могущества и счастья. На этом юрте удостоились чести присоединиться к августейшей ставке высокосановные султаны из Туркестана, Ташкента и Андижана и эмиры Ходжента, Шахрухии и других округов.

Присоединение Кучум-султана к августейшей ставке ⁷⁸

Первым с многочисленным, как муравьи, храбрым, как львы, войском, равным десяти тысячам боевых всадников и более двадцати тысячам пехотинцев, обрел честь и славу присоединиться к августейшему войсковому стану и величие заседания в августейшем собрании его высочество, прибежище царства, уважаемый Ку-чум-султан, который был правителем Туркестанских областей и основа достоинства которого благодаря царскому вниманию и по счастью обращения [на него] царских взоров благосклонности превзошла апогей созвездия Капеллы, и заговорил язык покровительства Кучум-султана: «Где Фаридун и где Джам?» [89]

Стихи:

Когда прибыл Кучум к ханскому стану,
Разнеслась приятная весть, что прибыл султан,
Снарядив войско всем необходимым.
У врага от злобы убавится жизнь.
Он затоптал землю [ногами] войск, [89]
Пыль от войска взметнулась до апогея Луны,
Упорные, воинственные молодцы
На поле встречи с врагами одержали победы (Букв.: на арене встречи унесли мяч).
Небо в страхе от нагиска их.
Призывают победу воины: *Победа близка!* (Кор., LXI, 13)
Ну-ка скажи: «Очередь счастья Кучума».
Скажи, куда девался Фаридун, где — Джам?
Если власть — в управлении миром,
То весь он — держава хана Шайбана.

Описание прибытия Суюндж-Хваджи-султана в лагерь его величества ⁷⁹

/62a/ На этой же стороне реки Сейхун прошел по земле слух о движении его высочества прибежища царства, воплощения нескончаемой щедрости, ведущего род от ханов мира — Суюндж-Хваджи-султана. Повсюду раздался звук труб его счастливого кортежа. В кортеже его было более десяти тысяч всадников, узбеков по происхождению, у каждого из которых в день битвы сила и мужество равнялись [силе] тысячи богатырей [того] времени. Все они — знаменитые молодцы, мужество и храбрость которых не запомнили старики времен.

Одной из особенностей рати этого знаменитого султана является то, что в его воюющем мир войске никто, кроме чистых узбеков, род которых не смешан с монгольским и чагатайским, не поднимает знамя неотлучного служения ему, а в дни боев и сражений ни один всадник из его победоносных войск, кроме узбеков рода ючи, на поле битвы не скачет. А если [даже] тысяча Рустамов, сынов Дастана, с сотней тысяч ухищрений и уловок пожелали бы занять место в его знаменитом войске, то, так как они не из народа узбеков, ни одного из них он не включит в число уважаемого и верного войска и не возьмет [даже] в слуги. Небоевая часть его войска, [состоявшая] из монголов и джагатайцев, начальников сардаров и сотников области Ташкента, превышала тридцать тысяч человек, которые являлись на смотр в войско орды вышеназванного [Суюндж-Хваджи-султана] во время воспламенения огня войны и боя.

Его высочество Суюндж-Хваджа-султан с такой многочисленной ратью расположился на стороне августейшей ставки и удостоился присоединиться к ханским войскам на глазах уважения и покровительства хана. Когда [он] удостоился великой чести беседы в августейшем собрании, то у его ханского величества, наместника всемилоостивого, от встречи с уважаемым дядей исчезли [с лица] признаки печали и скорби и появились признаки радости и счастья. То, что было обязанностью оказания почестей и необходимого покровительства и уважения к этому единственному человеку в семи поясах земли, было проявлено. Действительно, особа этого уважаемого и славного султана является местом слияния двух морей: царства и знания и местом восхода двух светил: смелости и кротости. /62б/

Стихи:

Бей в барабаны и литавры,
Ибо прибыл в стан султан Суюндж. [90]
Поднялось некое солнце высоко,
Сияющее с востока из Ташкента.
Когда он поднял знамя завоевания мира,

То вмиг промчался до степи Востока.
Когда он решился ступить на путь завоевания,
Войско его сразу стало захватывать мир.
От узбеков, происходящих из рода Йучи,
В его войско отправилась тысяча тысяч.
Все — победоносные в боях молодцы,
Разрывающие когтями барса судьбы,
Горящие, как огонь, спешащие, как ветер.
Да живет вечно полководец этой рати!
Поскольку Суюндж-Хваджа — дядя Шайбана,
Разве не знаешь, что он выше хакана.
Мухаммад, который есть хан Шайбани,
От правосудия его мир — второй рай.
Пусть светит он постоянно как солнце,
Да продлится от него для мира счастье навеки.

Затем со стороны города Андижана, вилайетов области Кашгара и владений, близких к Хотану и Хитаю, имел честь присоединиться к августейшей ставке славный брат, великий правитель, уважаемый султан Джанибек-султан со снаряженным войском, численность которого превышала [несколько] тысяч; от смелости его истекали кровью барс в степи и акула в море. Все — боевые молодцы, в сражениях храбрые, как львы, с подобающим вооружением и снаряжением, одерживающие верх и побеждающие врага. [Он] попросил извинения за то, что его знаменитый брат вследствие глазной болезни воздержался лобызать подножие престола прибежища халифата. На смотре [войска] извинение его было принято. Высококостепенному султану к прежним отношениям наставления прибавилось покровительственное отношение, и [он] удостоился чести, славы особого царского внимания и высоких беспредельных милостей. Великолепие его воюющего мир войска придало новую красу и безмерное украшение августейшей ставке. Таким же образом в степи с многочисленными войсками расположились эмиры и /63a/ даруги окрестных владений, и каждый по очереди, удостоившись чести явиться в августейшую ставку, при лобызании престола царства подносил подобающие диковинные вещи и дары. В славное присутствие и высокое собрание в виде приветствия приводили быстроходных коней. Широкая, как море, милость его ханского величества разделила их между воинами.

Точно так же все жители туркестанских областей, где получило славу издания августейшее постановление [о том], чтобы все в этом благословенном походе обязательно сопровождали [ханское величество], а исполнение услышанного приказа обязательно для подданных, согласно изречению: *Выступайте отрядами, или выступайте все* (Кор., IV, 73.), прибыли в августейший войсковой стан, чтобы приступить к исполнению обязанностей, налагаемых священной войной ради Аллаха. Все, не задерживаясь, без промедления, имели честь явиться. Сотники и начальники отрядов областей с сотнями и десятками один за другим прибывали к августейшему войсковому стану, и каждый располагался на своем месте согласно чину. Таким образом, в короткое время бесчисленные люди огромного войска, счета которого никто, кроме Аллаха, не знал, а из людей никто [его] сосчитать не мог, хотя от некоторых почтенных людей [91] было слышно предположение, что было вероятно там более трехсот тысяч лучников, руками которых во время боя врагу наносится удар и разгром, прибыли в войсковой стан победоносных войск, все снаряженные и вооруженные, с припасами и продовольствием. Рассказывали так, что редко, когда в кратчайший срок ради священной войны под сенью могущественного царского знамени собиралось превеликое полчище, поэтому добрыми стараниями его высококостепенного ханского величества были подняты знамена джихада. Воины и бойцы за веру на пути Аллаха нашли под сенью победоносных знамен его величества /63б/ вознаграждение, согласно изречению: *Не равняются сидящие из верующих, не испытывающие вреда и усердствующие на пути Аллаха [своим имуществом и своими душами]. Дал Аллах преимущество усердствующим [своим имуществом и*

своими душами] перед сидящими на степень (Кор., IV, 97. Ибн Рузбихан привел стих не полностью — восстанавливаем в квадратных скобках), и назначенный народ, согласно изречению: *Сражайтесь с ними — накажет их Аллах вашими руками* (Кор., IX, 14), поспешил на большую дорогу священной войны [против] презренных неверных; самый большой вред — люди, приводящие отговорки, — поскольку, согласно изречению: *Дела оцениваются по тому, для чего они совершаются*, он отправился по пути старания и усердия. Сколько ни препятствовали отговорки пойти на неверных и войти в войско, согласно изречению: *О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не веровал, в движении, то не обращайтесь к ним тыл* (Кор., VIII, 15), они все-таки не будут лишены и останутся без доли вознаграждения наравне с борцами за веру, согласно слову: *В Медине живут некоторые люди. Где бы они ни останавливались, через какую бы долину ни проходили, они обязательно будут с вами. Один сказал «Ведь они в Медине». Посланник Аллаха ответил: «Верно, в Медине. Но они остались не по своей вине. Если бы у них не было бы уважительной [причины], то они-были бы с вами».* Одним из числа таких людей был и я, ничтожный бедняк, который в то время страдал разными недугами и подвергался разным внезапным губительным болезням. Вследствие этого я в этой области был назначен его величеством, имамом времени, отправиться в город Сыгнак, чтобы позаботиться о теле и излечить болезнь. Так как поездка в тот город имела кое-какие причины, то здесь кстати упомянуть о предпосылках моего состояния. *А помощь {исходит} от Аллаха всемилостивого.*

/64a/ ГЛАВА XX

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ПИШУЩИЙ ЭТИ СТРОКИ ПОДВЕРГСЯ БОЛЕЗНИ И ОТПРАВИЛСЯ В СЫГНАК

[Автор в этой главе рассказывает, что он заболел от дурного глаза]. В первый день прибытия в окрестности крепости Арку к, еще до того, как хан соизволил расположиться, он поднялся на высокое место, которое господствовало над крепостью» а также верхом на лошади осмотрел ее со всех сторон. Позвав меня, бедняка, одного на это высокое место, [хан] оказал мне милостивое внимание и рассказал подробно об обстоятельствах завоевания этой крепости, которая стала ключом завоевания [92] других крепостей. Потом любезно и заботливо вдохновенные уста его промолвили: «Мы твердо решили отправиться в поход на казахов. Вы сопровождали [нас] до этой местности, которая является началом Туркестана, и исполнили правила сопутствия и согласия. Ныне у этой крепости Аркук имеется переправа через Сейхун в сторону города Йаси, где находится гробница его святейшества полюса времени, Джунаида эпохи... Хваджа 'Ата-и Ахмада ал-Йасави. Сейчас совет таков, чтобы вы переправились на ту сторону с целью поклониться лучезарной гробнице и прилегающим к этому священному куполу /64б/ [местам], сами сподобились бы побывать там и принесли молитвы наши тому, к кому обращаются все молящиеся. Отдохните под сенью прибежища всего света, пока мы пойдем и вернемся из священного похода на казахов. . .»

[Ибн Рузбихан, огорченный тем, что не может сопровождать хана в его походе пишет: «С того времени когда я по божьему предопределению, совершив хаджж в Мекку, вернулся в Халеб, то на всю жизнь повязал пояса намерения участвовать вместе с повелителем Рума в священной войне с франками. Однако рука божественного предопределения — Аллах делает то, что пожелает (Кор., II, 254), и поистине, Аллах решает то, что захочет (Кор., V, 4), — каждый раз на пути этого искренне любящего ставила преграды. . .»

Далее автор пишет, что Шайбани-хан настоял на его поездке в Сыгнак и приказал Маулана Амиру Самарканди обеспечить Ибн Рузбихана и его спутников всем необходимым. Затем он рассказывает о своих болезнях и сделанном ему кровопускании и еще раз вкратце о переправе Шайбани-хана и войска через Сейхун. В заключение автор сообщает:] В предвечерний час вновь пришел Маулана Заири и сказал: «Высококостепенное ханское величество изволил еще раз осведомиться о вас. Он решил отправить вас в город Сыгнак,

который является пограничным пунктом Туркестана. Вместе с вами в Сыгнак поедет господин начальник самаркандского *дивана*, чтобы отправить провиант для победоносной армии, и сам присоединится к августейшему стану на другом привале в стране казахов». Согласно августейшему повелению, утром двадцать восьмого шаввала мы покинули августейшую ставку и в конце того же дня прибыли в Сыгнак. Продолжение болезни [моей] проходило там. Высокостепенное ханское величество, выступив со всеми султанами с этой благоприятной стоянки, направился в страну казахов.

ГЛАВА XXI

РАССКАЗ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ГОРОДОВ ТУРКЕСТАНА И СТРАНЫ КАЗАХОВ

Выше было упомянуто, что казахские ханы тоже происходят от потомков Ючи-хана, сына Чингиз-хана. Огромное количество и множество [их], их снаряжение и вооружение больше того, что умещается в свитки [бумаги]. Сейчас их старшим ханом является Бурундук-хан, из потомков Узбека ⁸⁰, часть которых называется казахами. Как выше было упомянуто и стало известно по слухам в любое время, когда Бурундук-хан во все стороны улуса казахов посылал [приказ]: «Садитесь [93] на коней для набега», то в тот же час являлись четыреста тысяч колчанов ⁸¹ богатырей, каждый из которых /70a/ равнялся десятерым молодецким воинам. Их средства и снаряжение были до такой степени обильны, что большая часть [казахов] называла Хатим Тая своим нищим. От их пришельцев стало ясно, что слова *парам* они не знают.

Описание Дешт-и Кипчака и страны узбеков ⁸²

Так как количество добра и снаряжения у них сверх всякой меры, то, само собой, всевышний и всемогущий бог пожаловал им летние и зимние становища, пространство равнинной земли в шестьсот фарсахов, где нет ни одного камешка, чтобы они [могли] кормить и поить скот. Это пространство покрыто речками, цветами и тюльпанами и называют его Дешт-и Кипчак. И это все — владение узбеков. Что за Дешт-и Кипчак!. Он — продолжение рая. Его поля и степи превосходят сады Ирема.

Когда мы расположились в самаркандской степи на берегу Сейхуна, напротив Отрара ⁸³, я узнал интересные рассказы его ханского величества. Он изволил говорить: «Дешт-и Кипчак равен шестистам фарсахам земли. Большая его часть покрыта речками. Соловей разума потерял спокойствие от красоты цветов этой страны. Каждое ее дерево кажется лотосом по высоте или лучом, отраженным от земли к седьмому небу. Большая часть деревьев этой страны — березы, вследствие твердости которых из их [древесины] делают очень искусно хорошие арбы и справляют колеса, крайне прочные и крепкие. На вершинах этих деревьев — гнезда разных хищных птиц: ястребов, белых соколов, кречетов; кажется, что самая суть мира заключается в отраде, обилии благ, приятности климата и покоя Дешт-и Кипчака, где в весеннее время дни проходят в приятном дуновении благоухающего, как амбра, ветерка; а ночи — в спокойствии и свежести, наподобие благодатного рая. Все его цветы и тюльпаны по величине в несколько раз превышают цветы и тюльпаны других садов мира. У его обитателей покоя и досуга больше, чем у всех потомков Адама.

/70b/ Одним словом, описание цветущего состояния пространства Дешт-и Кипчака выходит за пределы помещенного в свитки этих листов. Эта обширная степь является летним становищем узбеков, и в летние дни, когда наступает зной таммуза ⁸⁴ и время множества пожаров и сгорания, казахский народ занимает места по окраинам, по

сторонам и рубежам степи. Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области. Летние дни проводят в разных сторонах и краях этой степи, соперницы садов, в полном спокойствии и согласно решению «Мир — тюрьма правоверных и рай для неверных». Эти подобные раю степи считают обиталищем своего могущества, весенним жилищем покоя и отдыха. Численность стад их овец и коров, счет табунов их лошадей никто, кроме всевышнего, совершенное знание которого — океан бескрайный, не знает. И ни один счетчик, считающий на пальцах, и ни один писец, составляющий реестры, не смогут сосчитать количество их скота. [94]

Когда наступает осенняя пора, /71a/ погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища. Так как на всем пути следования к зимовкам иногда не бывает достаточно воды, чтобы напоить скот, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда переправы и дороги покрываются снегом. Их арбы ставят на колеса. При передвижении они должны, конечно, ехать по снегу, иначе для них будет опасность погибнуть от жажды и безводья. От заслуживающих доверия знатоков было слышно, что они рассказывали:

«Их жилища построены в форме арб и поставлены на большие колеса, как небосвод, а верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана. Если они идут непрерывно один за другим, то растягиваются на расстояние ста монгольских фарсахов, а промежуток между ними будет не более одного шага. Каждый такой домик — жилище одного человека, потому что у наиболее бедных из казахов число лошадей, верблюдов и овец исчисляется тысячами. И все эти знатные люди, которые являются хозяевами этих бесчисленных жилищ, — богатыри просвещенные, каждый из которых в день битвы захватывает десятерых из могучего войска [врагов] и десятерых молодцов из числа знаменитых [бойцов своего] времени кнутом делает добычей торок своего [седла] или выбрасывает [даже] название бытия из мастерской его жизни.

Таким образом, как упомянуто о способе их передвижения, они из пределов [Кипчакской] степи и области реки Адил (т. е. Волги. — Р. Д.), которую называют Итиль, они, ежедневно кочуя в такой великолепии и богатстве в течение двух или более месяцев и передвигая кибитки среди снегов, в собольих, беличьих и других шубах, /71б/ в шелковых одеждах со множеством украшений, через два месяца прибывают на зимние стойбища. Местом их зимовья является побережье реки Сей-хун, которую называют рекой Сыр. Как мы объяснили выше, все окрестности Сей-хуна покрыты зарослями *най*, [тростника], который по-тюркски называется *камыш*, богаты кормами для скота и топливом. [Число] овец их, должно быть, равно числу деревьев; кажется, корм этой местности при небольшой переработке превращается в жизнь, а жизнь еще скорей превращается в зверя. Должно быть, это одна из особенностей стран севера — быстрый переход одного сложного соединения в другое потому что растительный корм их быстро переходит в животное, животное — в человека, а почва и вода тоже как будто быстро переходят в корм.

Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи областей Туркестана, потому что Туркестан тоже доходит до берега Сейхуна. В каждом известном улусе есть [свой] полновластный султан из потомков Чингиз-хана, который со своим

народом пребывает в какой-либо местности, старинном юрте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Ючи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами. Точно так же они располагаются и занимают места по ясе [Чингиз-хана]. Между узбекскими ханами постоянны распри и раздоры, особенно между ханами [из рода] Шибана и казахскими ханами. [95]

ГЛАВА XXII

ПАМЯТКА О ВЕЛИКИХ ХАНАХ-ШИБАНИТАХ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИ ⁸⁶

В минувшие времена большая часть значительных ханов бывала из рода Шибана, и в недавние времена наиболее значительным из ханов обоих улусов был Хизр-хан, дед Хамзы-султана и брат Шайх Даулат-султана, который является отцом благочестивого, покойного великого хана Абу-л-Хайр-хана.

Далее. Власть его величества, покойного Абу-л-Хайр-хана /72a/ была признана всеми, и никто из ханов [своим] могуществом и высокой степенью не достигал его могущества. Он был падишахом знающим, пастухом [стада] подданных, богобоязненным. Его величество Абу-л-Хайр-хан среди [других] царей обладал очень высокой степенью, потому что в [образе] правления и царствования у него были нравственные достоинства, которых никто не достигал.

Рассказ

Однажды в Туркестанской степи в присутствии его ханского величества [Шайбани-хана] я доложил: «Покойный падишах и хан Абу-л-Хайр-хан среди предшествующих и последующих царей отличался особо большим великодушием, потому что мы не слышали ни об одном государе, который завоевал бы страну, подобную Мавераннахру, и, по своей воле отказавшись от нее, возвратил бы ее обратно врагу и посадил бы его на царство, а сам бы совершенно покинул страну.

Когда султан Абу Саид-мирза Мираншахи ⁸⁶ бежал от царевича Абдаллатифа ⁸⁷, сына Улугбека, сына Шахрух-мирзы, нашел защиту у его ханского величества [Абу-л-Хайр-хана] и приступил к обязанностям неотлучного служения, то он удостоился чести получить от его ханского величества обещание помощи и поддержки. Некоторое время он исполнял его повеления с покорной головой и в конце концов по милости его величества погнал коня желания и своевластия по полю миродержавия. Тогда его величество Абу-л-Хайр-хан для [оказания] помощи ему захватил с собой многочисленные войска из страны узбеков и вступил в Мавераннахр. Правитель Мавераннахра султан 'Абдаллах б. Ибрахим-султан б. Шахрух-падишах ⁸⁸ вышел на бой. Один полк огромного войска его ханского величества произвел нападение, одолел и убил его, и в области Мавераннахра и Туркестана подняли знамя власти султана Абу Саида. Его величество, великий хан, сохранил обещание и султана Абу Саида посадил на престол. Больше он, [Абу-л-Хайр-хан], не зарился на это благоустроенное царство, /72б/ несмотря на то что было известно, что чагатайский улус, согласившись с потомками Тимура сына Тарагай-бека, совершенно вышел из повиновения потомкам Чингиз-хана и имеет намерение быть независимым и полновластным в управлении государством и завоевании мира. Это — предел великодушия и благородства, которые исходили со стороны его величества, великого хана».

Высокостепенное ханское величество [Шайбани-хан] изволил сказать: «Тогда не было божественного предопределения завладеть тем царством». Я, бедняк, из тех слов

уразумел так, что было бы подходяще его, [Абу Саида], устранить. Поскольку ударами славного меча завоевали некое владение силой, то неизбежное следствие правильного суждения и защиты чести государя заключалось в том, что [96] султана АбуСаида [следовало] оставить на месте его предков, [какое было] до появления Тимур-бека, и вовсе не оставлять в его руках бразды правления. Но так как приобретение владения в Мавераннахре и возвращение управления этой страной потомкам Чингиз-хана в то время не было предопределено, то, само собой, в великодушном сердце его величества [Абу-л-Хаир-хана] подобной мысли не возникало. Он совершенно не помышлял в таком смысле и оставил бразды власти в руках иноземного врага. «У нас имелась возможность такого рода дара, — [сказал Шайбани-хан]. — Следami и знаками его являются события с ханами моголов, когда власть и царство случайно выпали на долю Махмуд-султан-хана ⁸⁹ и Алача-хана ⁹⁰. Мы обоих оставили невредимыми, отпустили на волю и оставили им древнее владение. Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, то не из жажды царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорей в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли». В этих малых словах [Шайбани-хан] выразил мысль: *Ты даруешь власть, кому пожелаешь... Ты ведь над каждой вещью мощен!* (Коран., III, 25).

Описание высочества Шах-Будаг-султана ⁹¹

После смерти его высочества великого хана Абу-л-Хаир-хана следующим ханом из [дома] Шибана, который правил всеми узбеками и которому покорились и подчинились все султаны их улуса, был знаменитый хан Шайх Хайдар-хан, сын Абу-л-Хайр-хана. Его высочество, прибежище царства, орудие ханства, Шах-Будаг-султан скончался при жизни его величества великого хана Абу-л-Хаир-хана. Еще до полного расцвета весны молодости холодный ветер предопределенной смерти развеял лепестки бытия его высочества с розового куста его времени. [Глава завершается стихами автора, посвященными Шах-Будагу.]

ГЛАВА XXIII

РАССКАЗ О ПРИЧИНАХ РАСПРИ И РАЗДОРА БУРУНДУК-ХАНА С ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ НАМЕСТНИКОМ ВСЕМИЛОСТИВОГО

Когда его величество Абу-л-Хайр-хан простился с бранным миром и поставил престол царства существования в пространстве вечного рая, как написано в содержаниях августейших летописей, /736/ во владениях узбекских ханов появилась смута, и очередь ханствовать в улусе Шибана досталась Шайх: Хайдар-хану. И в улусе казахов султаны претендовали на ханскую власть. После того как этот сан некоторое время принадлежал нескольким лицам, очередь ханствовать досталась Бурундук-хану, а он — один из вельмож улуса и потомков славных ханов.

Поскольку божественное предопределение постановило, чтобы на крыше могущества и счастья били в литавры ханства его высокостепенного ханского величества и самих избранных и важных из потомков и родственников его величества, долгие годы и бесчисленные века знамя их счастья развевалось во всем мире, а [97] светильники их правления и халифата загорелись в самых отдаленных странах света, то в непрременном согласии со случаями, описанными в божественной сунне, как только во мраке бедствий и событий хотят зажечь державные светильники, со всех сторон раздается тяжелый вздох холодного дуновения с намерением погасить этот божественный свет и уничтожить это сияние. В конце концов, враждую и мстя, в этом жгучем огне опаляют свои бороды и усы.

Некоторые люди свет этого светильника счастья *хотят затушить своими устами* (Кор., LXI, 8). В намерении уничтожить бытие его величества наместника всемилостивого со стороны негодных злодеев было приложено много усилий. Но всякое их намерение погубить обращалось в решение отплатить, и каждое порицание врагов — в благополучие, каждое причинение страданий и обида — в божественную помощь и руководство на праведном пути. Как повествуется в летописях, уже с раннего детства его величество претерпел разного рода неприятности и лишения от коварных врагов. Степными (т. е. кипчакскими. — *Р. Д.*) ханами было проявлено много вражды, и кажется, что оценка ее была причиной тревоги его величества за родину вследствие привязанности к ней, что если бы не эта тревога, то, возможно, его величество никогда бы не склонился к завоеванию мира, а предавался спокойно досугу и проводил бы /74а/ время в получении наслаждений, препятствующих приобретению степеней завоевателя мира, мешающих стараниям завоевать страны и покорить мир, ибо праздность есть сильная помеха в поисках совершенства в обоих мирах, а искание покоя является для души громадной преградой в достижении высот счастья в обоих обителях. Об этом я слушал замечательный рассказ его ханского величества и передам его здесь, *если будет угодно Аллаху*.

Рассказ

Однажды в Туркестанской степи высокостепенное ханское величество соизволил сказать: «Потомки ханов, знаменитых султанов и влиятельных вельмож из числа людей степи, которые по происхождению узбеки, как только начинали вставать [на ноги], сознавать [окружающее], из пропасти младенчества подниматься до высот разума, обнаруживать в себе начала совершеннолетия и чувствовать наступление зрелости, их усилия и старания большей частью тратились на стяжание богатства». В стремлении собрать стада овец, приплод от которых является причиной умножения богатства, — предпосылка приводит к выводу, вывод же — животные, — они прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в той бескрайней степи большое состояние. В короткий срок они становятся крупными богачами. На узбекском и монгольском языках влиятельного богача называют *бай*.

Его величество изволил сказать: «У меня в начале совершеннолетия, когда начинается стремление к богатству, которое является основой жизни и причиной порядка дел будущей жизни, совсем не было желания накопить стада овец. Пространство полета моих помыслов ограничивалось ловлей хищных птиц, как-то: ястребов, соколов, кречетов». [98].

Описание орла, самой крупной птицы из хищных [92](#)

В числе хищных птиц имеется большая птица, называемая орел. По этой причине (Т. е. потому, что Шайбани-хан любил ловить хищных птиц) в августейшее собрание доставили очень крупного орла, так что разум от вида его пришел в изумление, а мысль от необычности его стала летать в долине удивления и недоумения. /74б/ Его когти словно стенания смерти. Клюв его напоминает острие копья. Силой воображения размер его тела рисуется размером сказочной 'анка. Цвет его крыльев — цветник узоров Мани, следы пера своего он вписывал на скрижали сердца. Его полет над головой морских и земных птиц подобен быстроте назначенного смертного часа ради похищения душ животных. Его крик, ты сказал бы, есть голос смерти, отнимающий души у живых призраков небесного пространства. Когда он опускается на голову лани, ты счел бы, что это витающая смерть, которая опускается с неба на голову немощных, и тихий напев его во время охоты

охотника, ты бы сказал, сливается с приятной мелодией чанга и уда. [Затем следуют стихи Ибн Рузбихана]

Высокостепенное ханское величество изволил сказать: «Из этой породы орлов уже несколько штук попало в сильные руки начальника царской охоты». Каждое утро сокол намерения завоевать мир устремлялся на охоту на степных и водоплавающих птиц, а вечером ханские ловчие птицы: соколы, шахины, орлы и сунгары, исполнив долг и обязанности охоты, возвращались домой, а из мяса добытой дичи устраивали достойным образом царский пир. Все присутствующие на том царском пиру, все сотрапезники были мужи науки, благочестивые подданные, дервиши, чтецы наизусть Корана и улемы. Никогда весьма отважная мысль его [величества] не обращала луч внимания на приобретение стада овец, подобно другим султанам.

Конечно, в мыслях, которые в то время приходили ему в голову, /75a/ заключались великие полезные предприятия, потому что если бы его августейшие мысли клонились к приобретению овец и умножению средств благополучной и покойной жизни, то он в стремлении завоевать мир не брался бы за обязанности, приносящие испытания, лишения и невзгоды, и он отказался бы от усилий и стараний ради достижений целей и желаний. Так как [хан] отказался от приобретения стад и средств для роскошной жизни и благополучия, то он направил свои воинственные намерения исключительно на охоту, но постоянное пребывание в той стране не считал препятствием к завоеванию мира. И конечно, согласно течению божественного предопределения, он, по достижении полного совершеннолетия, покинув Дешт-и Кипчак, направился в Мавераннахр. В течение некоторого времени, проживая в славном городе Бухаре, он поспешил изучить и затвердить на память священное слово божье, приобрести научные знания и украсить себя одеянием нравственных совершенств и сведений, дарованных [свыше] и благоприобретенных. Поскольку в те годы обилие важных дел и завоевательная деятельность не отвлекали [его] и не препятствовали стремлению к знаниям и беседам с людьми учеными, благочестивыми и совершенными, то благородная особа [Шайбани-хана] посредством бесед с дервишами, аскетами и учеными достигла степени совершенства в обеих областях — в теории и практике — и поднялась до высшей точки познания и созерцания. Частое общение с улемами и влиятельными духовными особами привело к тому, что одаренному [99] сделалось понятно и ясно, что время наступления обещанного явления и час открытия тайны скрыты за завесой сокровенного мира. Когда приблизился предсказанный посланником Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, срок, который он указал относительно Землепашца, то знамения обещанного стали совершенно ясны высокому уму [Шайбани-хана] благодаря вразумлениям духовных особ и написанному пером людей вдохновенных. Среди них было одно крупное духовное лицо и ученый из Рума, которого звали Маулана Ахмад, да освятит Аллах его душу и да умножит для нас помощь его. Он написал книгу, называется она *Искандар-наме* ⁹³, и в этой книге он дал полное изложение истории Александра Македонского. Составлена она /75b/ на языке румских турок.

[Затем Ибн Рузбихан хвалит стиль поэмы и завершает своими стихами]. Случайно один из друзей божьих в дни пребывания его величества прибежища халифата в Дешт-и Кипчаке представил ее в виде подарка августейшему собранию. Чтение и просмотр этой книги открыли пред высочайшим умом разные ворота. От изучения этой сокровищницы знаний в казне воображения заняли место перлы цветов истин и тонких мыслей. Одной из причин и притязаний завоевать мир оказались два бейта *вазахре* ⁹⁴, содержащей самую суть науки книги, которые были остатком записей людей вдохновенных (т. е. суфиев. — Р. Д.). Содержание их указывало на победы, которые будут обретены кем-то [происходящим] из Дешта. Между прочим, в них заключались слова: «Война показала

из Дешта». Появление такой мысли /76а/ в благоуханном уме [Шайбани-хана] стало причиной искания наследственного владения и желания распространить правосудие и благотворительность по всему миру. В солнцеподобное сердце [его] запало: «Почему бы нам не быть этим предсказанным явлением и не рассыпать драгоценные камни по лику земли?» Несомненно, в силу слов: *Поистине, всевышний Аллах любит людей высоких помыслов* и не любит низких, [Шайбани-хан], несмотря на малость богатства и могущества, следуя высоким помыслам, приступил к завоеванию мира, согласно словам, сказанным поэтом Муганабби:

Стихи

Если ты замыслил какое-либо дело,
Не ищи малого, ибо для мужа
В деле ничтожном — вкус смерти
И в деле большом — вкус смерти.

Он соизволил углубиться в составление плана важных мероприятий и счел ничтожным [для себя] переносить невзгоды ради достижения целей, а для души признал пустяком погрузиться в волны потока трудов и лишений ради достижения жемчужин целей и надежд, до тех пор пока не появилось то, что явилось, и не вышло то, что не выходило.

Однако причиной вражды, соперничества, распри и войны с ханами Дешта, особенно с Бурундук-ханом, который сейчас является самым старшим из ханов и известнейшим из предводителей Дешта, есть зависть к огромному богатству и драгоценному, счастью, которая мучила их огорченные сердца, и также зависть к благоденствию, радости, господству, могуществу, и [само] присутствие вселяло злобу в их души. Поскольку по праву -наследования ханствовать в Дешт-и Кипчаке надлежит его величеству и поскольку многочисленные и счастливейшие деда его [100] величества хана полновластно ханствовали в Дешт-и Кипчаке, то никогда те люди (т. е. казахи) не переставали думать, что если сокол намерения его величества [Шайбани-хана] направится на охоту завоевания областей Дешта, /76б/ то, конечно, перед высочайшим умом раскроются ворота победы и название ханства будет стерто с надменных лиц ханов Дешта.

У высокого ханского величества с Бурундук-ханом бывали переговоры, знаменательные дни и битвы, которые все известны в улусе узбеков, и в истории хана об этом много написано и упомянуто. Я, бедняк, слышал занимательный рассказ его ханского величества, который изволил сказать: «Однажды с сотней моих гвардейцев [мы] совершили налет на ставку Бурундук-хана, у которого, возможно, было более пятидесяти тысяч конных бойцов. Со стороны их стоянок мы вторглись в середину [месторасположения] их женщин, детей и разного скарба, не упустив ни минуты должным образом пограбить и по обычаю убивать и нападать. Храбрость и мужество их не имели никакой силы, чтобы кто-либо из тех людей вышел и отворил ворота драки, спора, единоборства и сражения и решился устранением грабежа и захватом добычи обрести славу, и прозрачной водой закаленного меча смыть со своего белого лица черные чернила позора. И мы, захватив добычу, невредимо возвратились с того поля боя убийцами, грабителями и победителями».

Подобных этому случаю у них было много. Между прочим, одно событие еще до завоевания Мавераннахра. Когда были завоеваны области и города Туркестана, над крепостью Отрар были начертаны знаки власти его величества, прибежища царства, Мухаммад Тимур-султана. Его высочество, несмотря на то что в то время был совсем

малолетним и жил в крепости Отрар, открыл врата вражды и раздора с ханами и султанами Дешта. Бурундук-хан вместе с султанами и более тридцати тысячами всадников осадил его высочество Мухаммад Тимур-султана в этой крепости и стал оспаривать его славу, с ним бороться и воевать. Его высочество султан, по мудрой поговорке: *львенок в действительности подобен льву*, несмотря на малолетство, нисколько не дрогнул и не испугался, а по обычаю обороны крепости укрепил ее /77a/ и донес барабанный бой своей власти до ушей разума ханов Дешта. В конце концов Бурундук-хан отчаялся завоевать эту неприступную крепость, так как осада длилась долго, а его войско ничего, кроме бессилия и позора, не проявляло, никто никак не мог осилить и совладеть с гарнизоном крепости. Само собой он счел [себя] слабым на арене боя, вывел наступавшего коня из вилки ⁹⁵, повернул в степь и пешком снялся с того поля. И на самом деле, [ему] в военной игре вышел мат и он потерпел поражение.

Описание искоренения владык Мавераннахра ⁹⁶

После того как были завоеваны области Мавераннахра и все пространство этой страны от дальнего Сейхуна до берегов реки Джейхун вошло [в ведение] августейшего дивана, независимые государи, которые были могущественными правителями тех областей, стали сходиться на нет. Уста божественного предопределения прочли по скрытому внушению содержание изречения: *Сколько они оставили садов и источников (Кор., XLIV, 24) тем блуждающим в пустыне и они подвергнуты наказанию (Кор., XXXIV, 37). И приговор [101] господрабов*, который ради отмщения своего, согласно изречению: *Ведь господь твой в засаде (Кор., LXXXIX, 13)*, подверг их порицанию и наказанию по слову: *Пролил на них господь твой бич наказания (Кор., LXXXIX, 12)*. Громовой удар смерти внезапно разрушил дом чагатайских старцев-султанов, и могучее войско смерти в короткое время уничтожило тех мужей, которые на арене времен были полновластны и счастливы.

У молодых людей счастье неустойчиво, разум неопытен, могущество несоразмерно. Некоторых на поле брани он поверг на окровавленную землю гибели, а некоторых на аркане плена и гибели он заключил в углы и ямы. Некоторых скрытое наказание, [согласно изречению]: *Если бы Аллах не предписал им выселения, то он наказал бы их в ближайшем мире (Кор., LIX, 3)*, подвергло несчастью и бедствиям времени, переселением и блужданием в самом изумительном виде и расстройстве. Их Бай-сункар стал моголом, соединясь с моголами, а их Бабур от бегства в Хиндустан стал кабульцем. В общем, радость и веселье, удовольствие и забава, успех в победе и удача были словно пашня, которую постигло бедствие и стала она сухим сором, который развеивают ветры (Кор., XVIII, 43), а Аллах над всякой вещью мощен! (Кор., XVIII, 43)

/77б/ Гнев божий пролил несчастную судьбу
На султанов Мавераннахра.
Все старцы исчезли и погибли.
Друг за другом их полонила земля.
Владение каждого осталось другому.
Украшение брата осталось другому брату,
В результате дело страны и защита мира
Перешли от великих к детям (Два бейта зачеркнуты).
Как только ханское знамя поднялось высоко,,
Царь вернулся к своим людям.
Все враги погрузились в печаль.
Высоко поднялось знамя Чингиза.
Покуда мир стоит, пусть здравствует государь мира
Хан, сын хана, — Мухаммад Шайбан.

После того как знамена власти его величества, солнцеподобного хана утвердились, а государство и правление моголов и чагатайцев исчезли, у ханов Дешта забились жила зависти. На самом деле они так заявили, что вследствие крайней нужды в платье и одежде, главную часть которой составляет кербас, — ведь одежда и саван для людей необходимы — они вторгнутся в пределы владений ханского величества, ибо несколько раз был издан августейший указ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода и мудрые соображения... [102]

[Затем Ибн Рузбихан приводит случаи из истории завоеваний ближневосточных стран, в частности завоевания Египта полководцем халифа Умара Амром б. аль-'Асс, и рассказывает о его военной тактике.]

При рассуждении в таком же смысле у его ханского величества, прибежища халифата, возникло намерение не допускать казахов ступить в [его] владения, где они воочию увидели бы и рассмотрели красу, благоденствие, орудия завоевания мира и преимущество узбеков. Не дай бог, лицемерие всей этой благодати толкнет казахов на путь войны и распри, и они, [казахи], в стремлении завоевать эти владения и заполучить эти украшения и вкусные яства, вытащат мечи из ножен битвы и вражды. Отразить их будет очень трудно. В настоящее время они ничего не знают о радостной жизни, благоденствии и довольстве узбеков. Суровый и грубый образ жизни, который они ведут, они представляют себе основой спокойствия и досуга, а узбеков считают поселившимися в тесных владениях и домах и не имеющими веса. Кроме своего полного недостатков образа жизни, они не признают ничего более /83а/ благородного и приятного. Поскольку, вследствие частого общения, в эту страну привозят красивые и изящные товары, особенно хорошие платяные и ковровые изделия, серебряные и золотые украшения, им становится ясно, что узбеки ударами мечей и стрел переняли полную достатка жизнь и благоденствие от чагатайцев и моголов, и сейчас они счастливы, в завидном положении, и веревки шатров их счастья крепко привязаны к кольям вечности. Конечно, они напрягут жилы своего мужества и ступят на путь старания и усилия ради завоевания этих областей. Чтобы их отразить, победоносному войску, возможно, придется испытать множество невзгод и труда. Следовательно, лучше всего пресечь взаимное соприкосновение обеих сторон и общение между ними и полностью запретить им прохождение по этим областям. И то, что его ханское величество изволил усмотреть по части запрещения казахам посещать области Туркестана и Мавераннахра, — крайне мудро. Из таких соображений [хан] поставил преграду на пути воинственных замыслов Гога и Магога казахского войска. . .

ГЛАВА XXIV

РАССКАЗ О ПОХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО НА СТРАНУ КАЗАХОВ В ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ РАЗ

Когда намерение завоевателя мира захватить области Мавераннахра осуществилось, он бросил тень внимания своего на завоевание области Хорасана. В девятьсот девятом году (1503-1504 г.) его высокостепенное ханское величество переправился через реку Амуйе. Это была первая переправа через Амуйе, которая была совершена ради завоевания Хорасана. /83б/ После переправы он в долине Балха, ради окружения той области, разбил шатры счастья на пространстве надежд. Царевич Бади' аз-Заман-мирза ⁹⁷, спасаясь бегством, укрепился в одной горной местности этой страны.

Поступило известие от султанов Дешта, что один отряд их, [казахов], направился, чтобы совершить набег на некоторые области и места страны его ханского [103] величества. Услышав это известие, протрубили поход и, повернув обратно из Балха, отправились на казахов. Пройдя через Туркестан, продвинулись вперед на несколько дней пути. У казахских султанов при известии о движении его ханского величества поскользнулась нога выносливости и твердости и дрогнула рука смелости. Они, повернув назад, обратились в бегство и направлись в свою сторону. Его высокостепенное ханское величество, здоров и невредим, с совершенным успехом, полный надежд, в превосходном состоянии, с добычей, одержавший победу и обогащенный, возвратился обратно из страны порока. Он острием покоряющего мир меча отогнал узбеков-казахов от предмета их алчности. Это был первый поход [против] казахов.

Через год (1505-06 г.), летом, когда был завоеван Хорасан, [его величество] принял твердое решение настолько истребить улус казахов, чтобы впредь ни один из них не посмел ступить [ногой] на ханские земли. Если даже вследствие похода в Хорасан и Ирак между ханским войском и областями Мавераннахра случится большое расстояние, чтобы они, [казахи], из страха отмщения не вступали бы в эту страну. Не дай бог, ибо вследствие этого его величество вышел бы в своей мести за пределы ярости Бахрама ⁹⁸.

Действительно, казахи являются такими алчными людьми, что шакалы их жадности алчными зубами разрывают шкуру овцы Исмаила и, чтобы в доме жилось жирней, уносят ее курдюк из Мекки в отдаленную Кипчакскую степь. /84a/ Из кишок делают тетиву для лука, а из желудка ее делают обертку для наконечников стрел. Само мясо ее — жертвенное, [его] сушат несколько лет, а головой ее угощают родственников из [числа] казахов. Из шерсти ее шьют сначала [себе] рубашку, а под конец делают саван и завертывают в него тело

Одним словом, с намерением отразить этот народ от Самарканда [хан] с многочисленным войском направился в Туркестан, чтобы их устранить. Когда он дошел до границ страны казахов, то, миновав Сыгнак, он приблизился к Кара-Абдалу ⁹⁹, который является серединой их зимовий. В том же году он вознамерился [пойти] на улус Бурундук-хана и совершил на него нападение. Вышеуказанный, бросив скот и имущество, обратился в бегство. Его величество прибежище халифата, хан, сопутствуемый божественной помощью, победитель, любимец воинов и раййатов, возвратился в Туркестан под сенью могущества, счастья и милостей всемогущего.

В том же году он совершил паломничество к священной гробнице и месту успокоения искреннего друга, превосходительного Хваджи Йасави, да освятит Аллах его преславную душу, и принес пожертвования и милостыню живущим при этом благословенном месте и обителям этой, многоблагодатной обители.

/84b/ Возвращаясь обратно из Туркестана, [хан] отправился в Самарканд. В этом году, который был девятьсот четырнадцатым годом (1508-09 г.), в стольном городе Бухаре он принял твердое решение отправиться на священную войну с ними, [казахами]. Улемы Хорасана выдали фетвы об их неверии, и поход на них, согласно фетвам, стал обязательным. Поскольку речь зашла о фетве на войну с казахами, то мы здесь [104] расскажем о том, что стало известно из сообщений заслуживающих доверия людей об образе жизни (казахов) в отношении вероисповедания, чтобы было ясно, почему по божественному закону война с ними необходима, *если будет угодно Аллаху всевышнему. А он содействует и оказывает помощь.*

ПАМЯТКА О ТОМ, ЧТО СТАЛО ИЗВЕСТНО О ВЕРОВАНИИ И ПОСТУПКАХ КАЗАХОВ, И ОБЪЯСНЕНИЕ ФЕТВЫ НА ВОЙНУ С НИМИ

Раньше было упомянуто, что казахи являются одним из родов узбеков улуса Чингиз-хана. Первые поколения потомков Чингиз-хана, управлявшие миром, не принимали ислам до времени Газан-Махмуда, сына Аргуна, сына Абака-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана. Газан в стране Иран является первым государем ислама. Потом его брат Олджайту-султан Худабанде и все прочие, бывшие в улусе Чингиз-хана в Иране. После принятия ислама Газаном [там] уже все стали мусульманами. А в улусе Чагатай-хана первый, кто сделался мусульманином, был Баракхан, современник Махмуд-Газана, да смилуется Аллах над ним. Можно сказать, что Газан-Махмуд, да помилует его Аллах, был превосходной звездой, появившейся на месте восхода потомков Чингиз-хана и бросившей присущим ей образом на мир свет руководства. Рассказывают, [что] в день принятия им ислама триста тысяч колчанов удостоились счастья принять ислам. Предки высокостепенного ханского величества [Шайбани-хана] тоже близко /85а/ ко времени Махмуд-Газана удостоились принять ислам.

Памятка о принятии ислама предками ханского величества [100](#)

О высокостепенном ханском величестве рассказывали, что его величество изволил сказать: «Наш предок в пятом поколении от Чингиз-хана сподобился принять ислам, поспешив приобщиться к красе превосходства истинной веры. В тот день, когда его высочество, [предок Шайбани-хана], принял ислам, весь улус Ючи-хана, состоявший из разных родов узбеков, обратился в мусульманство. Уши разума этого народа услышали призыв глашатая: *О вы, которые уверовали! Веруйте в Аллаха и его посланника* — и язык их изрек: *Веруем в Аллаха и его посланника* (Кор., IV, 135). Дарующий помощь Аллах — свет небес и земли (Кор., XXIV, 35), светом руководства объяснил [им] их путь следования, чтобы они, согласно изречению: *Ведет Аллах к своему свету, кого пожелает* (Кор., XXIV, 35), поспешили стать на путь истины и призыв Аллаха — *Он призывает к обители мира и ведет кого пожелает к прямому пути* (Кор.; X, 26) — призвал к накрытым столам рая и к достижению райских удовольствий и радостей и обратил их лицом на путь к исламу, чтобы они обрели, *что пожелают души и чем наслаждаются очи* (Кор., XLIII, 71) . [105]

Отсюда следует, что улус казахов в тот день принял ислам согласно слову:

Если будете поступать как указано свыше, то вы спасете благодаря мне свою кровь, имущество на пути ислама. Они спасли достояние, душу и рабов своих и подняли знамя мира в областях своей страны благодаря восхвалению веры. Так закрепились корни ислама в улусе казахов в начале принятия ислама в улусе Чингиз-хана. /85б/ Однако потом, как рассказывали достойные доверия люди, стало известно, что среди них распространены некоторые обычаи язычества. Как рассказывали надежные люди, среди них существует изображение идола, которому они земно кланяются. Нет сомнения, что земные поклоны идолу — есть деяние, суть которого — язычество, ибо это есть настоящее глумление над верой и божественным законом. Улемы говорят, что деяние, от которого проистекает неверие, иногда — поступки, иногда — слова. То, что является словом, есть выражения, которые факихи-ханифиты, да воздаст им Аллах добром, постарались занести в списки и написать [о них книги]. Поскольку большая часть [высказываний ханифитов] согласуется с правилами учения Шафии, да смилуется Аллах над ним, [то] шафиитские имамы согласились с ханифитами и даже записали в книге «Вероотступность», что мы-де не представили подробно выражений неверия по той лишь

причине, что это сделали ханифитские имамы в своих записях и собраниях [выражений неверия] и большая часть [их] соответствует нашим положениям. Поэтому за каждое слово, которое ханифиты считают поводом для обличения в неверии, и они признают это неверие, они выдают фетву. Мы же [с выдачей] согласны. Что касается поступков, то это деяния, которые по существу являются неуважением и насмешкой над божественным законом, как-то: земные поклоны идолу, бросание Корана в грязь и тому подобное, что является подлинным глумлением над божественным законом, неуважением и презрением к вере.

Следовательно, мы наблюдаем человека, кладущего земные поклоны перед идолом, и в то же время становящегося на молитву в часы намаза. Мы выносим приговор в его неверии и вероотступничестве и приступаем к расследованию и установлению, совершает ли кладущий перед идолом земные поклоны ради молитвы или по неведению того, что эти земные поклоны идолу есть язычество, или что он в действительности поступает вопреки божественному закону. Видя его земные поклоны перед идолом, мы просто выносим покаянный приговор в неверии. Поскольку, согласно сообщениям достойных доверия людей, казахи поклоняются идолу, — значит, они язычники. [Но] они не настоящие язычники, потому что, как мы объяснили, они во время принятия ислама /86a/ Газан-Махмудом удостоились счастья [принять] ислам.

Фетва такова: когда после установления ислама поступки или речи человека докажут его неверие, то ему выносят приговор в вероотступничестве и с ним нужно поступить как с вероотступниками, а как поступать с вероотступниками, известно и рассказано в законоведении. Следовательно, казахи, совершающие поклонение идолу после принятия ислама, являются язычниками. В этом случае не принимается во внимание их неведение того, что земное поклонение идолу является неверием. Основываясь на том, что земной поклон перед идолом есть язычество и вероотступничество по непререкаемому определению божественного закона, знать это должны одинаково и простой народ и знатные люди подобно тому, как [для них] обязательна пятикратная молитва, ибо не признающий эту религиозную обязанность тоже [106] является безбожником, разве только человек происходит с острова, находящегося далеко от населенных мест или был воспитан в горах и пещерах, и до обитателей тех пещер совершенно не дошли обязательные постановления вероучения Мухамада, да благословит его Аллах и да приветствует. Если же кто-нибудь из них придет в страны ислама и станет мусульманином, то будет [считаться] новообращенным. Но эти условия никак не применимы к народу казахов на том основании, что они уже более двухсот лет, как приняли ислам, и улемы и ученые приезжают к ним с разных сторон, как, например, улемы Туркестана и Мавераннахра, с одной стороны, улемы Хаджи-Гархана и Дербенда Ширванского — с другой, улемы Хорезма Джурджании ¹⁰¹ и Хивы, и со стороны Астрабада улемы Хорасана и Ирана также бывают у них. Их, [казахов], купцы постоянно посещали и посещают страны ислама, равно и купцы этих стран ездят к ним. Купцы этой страны вхожи в их среду, заучивают предписания мусульманства, и сейчас они вместе с ханами и султанами — мусульмане. Они читают Коран, исполняют молитвы, отдают детей своих в школу, постятся, вступают в брак и вовсе не женятся без брачного договора. Конечно, эти правила без распространения среди них, [казахов], знания не могут исполняться. И когда они приобретут столько знаний, то уже не смогут отговариваться, что мы-де не знаем, /86b/ что земные поклоны идолу есть язычество. Так как такой отговорки от них не слышно и они [продолжают] поклоняться идолам, то они вероотступники, с ними нужно поступать как с вероотступниками и война с ними обязательна.

Поступило также известие от достойных доверия людей, что пленных мусульман, которых они захватывали во время набегов на страны ислама, как-то: области Самарканда и Бухары, обращали в настоящих рабов и при купле-продаже не делали никакого различия между ними и рабами-неверными, [а также] при вступлении в незаконный брак и при превращении в слуг. Это есть разрешение для всех запретного, а разрешение недозволенного для всех есть явное безбожие по единодушному мнению улемов. В этом случае неведение тоже [не может быть] для них отговоркой на том основании, что в понимании необратимости мусульманина в рабство все верующие в ислам едины. Следовательно, это является обязательным правилом веры и неведение не может быть отговоркой. Поскольку такого рода разрешение для себя [запретного], что является причиной неверия, совершается после принятия ими ислама, то оно приводит к вероотступничеству, и казахи, вследствие такого [самовольного] разрешения запретного — безбожники и вероотступники и война с ними обязательна.

Описание кумыса ¹⁰²

От заслуживающих доверия лиц было услышано, что у казахов есть такой обычай: когда весной их лошади жеребятся, то лошадиное молоко бывает в изобилии. Из лошадиного молока делают *дуг*, по-арабски это называется *лабан ар-рамакй*, а по-тюркски — *кимиз* (кумыс). Он является самым лучшим из узбекских напитков. И на самом деле, он является очень полезным и приятным напитком. Кумыс подобен ароматному напитку из райской реки, который в чаше превратился в *молоко, вкус которого не меняется* (Кор., XLVII, 16), подносящий, [согласно слову:] [107] *И напоил их господь их напитком чистым* (Кор., LXXVI, 21), подносит чашу наслаждения входящим в вечный рай. Искусный мастер, который из вымени животного, согласно изречению: *Из того, что у них в желудках между калом и кровью, молоком чистым, приятным для пьющих* (Кор., XVI, 68), сделал источник молока, налил того белого напитка [по слову]: *Поют их вином из чаши запечатанной* (Кор., LXXXIII, 23). Яркая белизна его цвета стирает черноту печали с сердца пьющих. /87a/ От течения капель его в горле успокаивается грудь. Если его будет пить человек, страдающий болезнью полноты, то он так заставит работать пищеварительные органы, что в царство тела своего забросит беспокойство голода. А если сытый ради питания выпьет чашу [кумыса], то его пищеварительные органы в напитанном теле начнут расширяться и от питательного напитка дадут успокоение душе, и он наложит пластырь удовлетворения на язву голода. Все болезни человека, который приучит свое тело вкушать его, получают от него исцеление. В теле кумыс — и пища, и заменитель лекарств. Этот благодатный напиток вдыхает жизнь и исцеляет больное тело. Когда самая суть его паров, поднявшись от поверхности желудка до черепной крышки, поспешает вовнутрь мозга и составные части головы, в голове появляется радостное опьянение от этой огненной воды и она открывает для сердца ворота веселья и довольства и вызывает доброту и радость, а печаль, заботы и беспокойство он изгоняет из пьющего скорбь сердца. Его веселящее опьянение не достигает до предела потери разума, чтобы наложить на него запрет подобно вину. Наоборот, кумыс укрепляет мозг, освещает светом радости и веселья мрак нутра мозга.

Не лился для людей сознательных
Из хума небосвода напиток подобный кумысу.
Конь девяти небес, скачущий вокруг света,
Не выделял такого пота, как кумыс.
Молочный ручей, что существует в раю,
Сколь был бы плох, когда б не был кумысом.
Когда он капает из кобыльего вымени,
Кажется, будто капают капли жизни.
Простояв недолгие дни в бурдюке,
Обретает он иной вкус и закваску.
Когда же его перельют в деревянную кадку оттуда,

То не бывает напитка приятней, чем он.
Когда разливающий подает (его) людям,
Я собутыльник на четыре хума.
Прекрасен он, освежающий душу,
Напиток кумыс, ханский глоток.
Глоток, который он спутникам подал,
Намекнув удивительно на слова: *Он напоил их* (Кор., LXXI, 21).
Пока стоит мир, да пребудет могущество хана,
Освежает души наши — ханский напиток!

/876/ Есть фетва шафиитских улемов, позволяющая кумыс без какого бы то ни было ограничения, ибо он является молоком животного, мясо которого съедобно. **[108]**

[Основываясь на хадисах и стихе Корана V, 6 о пользе кумыса — Ибн Рузбихан настаивает на дозволенности употреблять его и конину. Касаясь употребления мяса, Ибн Рузбихан сообщает о случае, который произошел с ним в городе Тусе, где Шайбани-хан спросил его однажды, будет ли он есть блюдо, приготовленное из мяса лисы, так как оно дозволено шафиитами, к которым принадлежал Ибн Рузбихан. Автор отказался от этого блюда, ссылаясь на то, что его натура не принимает такой пищи; при этом он упомянул хадис о том, что Мухаммад тоже отказался есть предложенное Халид б. Валидом блюдо, приготовленное из мяса ящерицы, потому что оно ему было непривычно].

/89a/ Одним словом, казахи, когда пришла весна и появился кумыс, прежде чем налить кумыс в сосуд и выпить до того, как взять его в рот, обращают свое лицо к солнцу и выплескивают из [сосуда] глоток напитка в сторону востока и сразу все совершают земной поклон солнцу. Наверное, это есть проявление благодарности солнцу за то, что оно выращивает травы, которыми питается лошадь и появляется кумыс.

В минувшие времена неверные народы поклонялись всему ложному и солнцу было предметом поклонения, [теперь же], после принятия ислама, тот, кто поклоняется ему, становится вероотступником. То, о чем было сказано выше, будь оно поклонением или почитанием, есть одно из доказательств вероотступничества казахов. Поскольку со стороны этого народа обнаруживается земное поклонение идолу и солнцу, допускается [обращение в] рабство свободных жителей стран ислама, то, вследствие этих поступков и деяний, он причисляется к вероотступникам. Эти люди, [казахи], произносят *свидетельствую*, причисляют себя к мусульманам; среди них, как и у мусульман, распространены бракосочетание, убой жертвенных животных, призыв на молитву, чтение Корана, но сейчас по учению Шафии для выхода из ереси уже недостаточно [произнести] оба *свидетельства*, напротив, вероотступнику для [возвращения] в ислам обязательно принести покаяние, особенно за те слова и деяния, вследствие которых он стал вероотступником. Сколько бы он ни произносил оба свидетельства и ни читал молитву, он лишь будет творить безбожие и оно его не покинет, пока он не покается в сути своего неверия и не выразит сожаления. Итак, по учению Шафии казахи, которые вследствие вышеназванных деяний стали вероотступниками, несмотря на то что произнесут свидетельства, будут совершать намаз, останутся вероотступниками до тех пор, пока не покаются в сути земного поклонения идолу и солнцу и не откажутся от дозволения рабства **/89б/** искони свободных мусульман. Война же с вероотступниками обязательна.

Что касается убитых [вероотступником] животных, то постановление таково. Когда высокостепенное ханское величество возвратился из страны казахов и воины ислама захватили в стране казахов как добычу вяленое конское мясо, то его величество изволил запросить, [как считать мясо] жертвенных животных [казахов]. Законоведы Мавераннахра выдали фетву о дозволенности его, несмотря на то что были едины с хорасанцами [улемами] в фетве о войне с ними и в том, что казахи безбожники. Очевидно, они исходили в своей фетве из изучения Абу Ханифы, да смилуется над ним Аллах, по которому, если вероотступник произнесет оба свидетельства, хотя и не покается в сущности того, что определило его вероотступничество, он [все же] станет

мусульманином и все предписания для мусульман будут им исполняться. [Ибн Рузбихан далее пишет, что он воздерживается от фетвы]. [109]

/91a/ ГЛАВА XXVI

ПАМЯТКА О ПРИЧИНАХ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО В ТРЕТИЙ РАЗ НА СВЯЩЕННУЮ ВОЙНУ С КАЗАХАМИ

В девятьсот тринадцатом году (1507-08 г.), когда его хаканское, ханское величество наместник всемилостивого божьей помощью и при счастливом сочетании небесных светил завоевал стольный город Герат, он стер знаки неограниченной власти сыновей Султан-мирзы Байкара в области Хорасана. После захвата Герата, через короткое время, он пошел на Кандахар, область Заминдавар ¹⁰³ и Кабулистан. Амир-заде Бабур, сын 'Умар-шайха после убийства Зуннун-Аргуна ¹⁰⁴, возымел желание вместе с братом и отрядом людей завладеть Кандахаром и Заминдаваром. Он сразился с сыновьями эмира Зуннуна: преславным эмиром, умнейшим, ученейшим Шах-Шуджой ¹⁰⁵ и покойным эмиром, справедливым и великодушным, амир-заде Мухаммад Мукимом ¹⁰⁶, нанес им поражение, подверг область разграблению и поднял знамя [своей] власти в областях Кандахар, Заминдавар и Сеистан. Опасаясь прихода узбекских войск, [амир-заде Бабур] предпочел бежать и вернулся во владение Кабул, а своего брата, Султан-Насира ¹⁰⁷, сына 'Умар-шайха, оставил в Кандахаре. Высокостепенное ханское величество [Шайбани-хан] в самый разгар жары из стольного города Герата через Убих и горные районы той страны пошел в наступление и через восемь дней или больше неожиданно подошел к Кандахару. Остававшийся там Султан-Насир из страха перед волнами войск, [многочисленных] как полчища звезд, /91б/ счел, что жизнь, душа и достояние [его] потонут в буре бедствия, согласноизречению: *Я спасусь на горе, которая защитит меня от воды* (Кор., XI, 45), укрылся в горной крепости. Победоносные войска осадили крепость и, начав бой, ударами топоров и ломов разрушили стороны неприступной крепости. Султан-Насир попросил пощады и устами немощи и слабости доложил: «Если августейшие знамена отойдут от Кандахара и удалятся на один переход, то я жизнь свою спасу от гибели, а крепость сдам наместникам августейшего». Царское милосердие хана приняло просьбу пленника крепости немощи и слабости, и он соизволил возвратиться в Герат. После отхода войск [Шайбани-хана] Султан-Насир оставил крепость Шах-Шудже, которому августейший диван вверил область Кандахар и те районы, и воспользовался удобным случаем унести голову и душу из того полного опасностей побоища.

После завоевания этих областей победоносные знамена с победой и славой вернулись в Герат. Во время возвращения на летних становищах Герата не очень задерживались. Поход на Серахс и Мерв сделался предметом ночных бесед [его] лучезарного, словно солнце, сердца. От отправил отряд [своего] многочисленного войска вслед за амир-заде Бадиаз-Заманом, который в это время бежал из области Сеистан и вступил в Кухистан ¹⁰⁸. Прибытие отряда войск и бегство его в Астрабад совпали друг с другом. Августейший кортеж в возрастающем день ото дня могуществе отправился на зимовье в Мерв. Через несколько дней пребывания в Мерве до наместников августейшего дошли слухи, что Шах Мухаммад Бахши-йи Дивана с толпой [110] искателей приключений и уцелевшими от меча остатками чагатайского войска укрылся в крепости Келат ¹⁰⁹, а сардары эмиров и чагатайских царевичей рассеялись по Хорасану. Августейший ум принял твердое решение осадить Келат и изгнать чагатайцев из пределов Хорасана. [Шайбани-хан] направился в Нису и Баверд. В это время прибыли заявления султанов Мавераннахра, в частности 'Убайдаллах-султана, о том, что султаны [Кипчакской] степи, собрав большое полчище, намереваются совершить нападение на области Мавераннахра. А сын Джаниш-султана /92a/ по имени Ахмад-султан с

благородной знатью, казахскими богатырями и именитыми их султанами направился для нападения на область Самарканда и Бухары. Если августейшие знамена не выступят против них, то они здесь ни минуты не упустят поднять мятеж, противодействовать, завести смуту и злодействовать. Когда это известие было услышано покорными порогу высокой, как небосвод, обители и картина нападения казахов была представлена наместникам августейшего, то, несмотря на то что уже был сделан один переход от Мерва к Келату, он тотчас же счастливо направил поводья быстроходного [коня] на Мавераннахр и в быстроте движения превзошел скорость утреннего и вечернего ветра. В два дня или больше он переправился через реку Джейхун и миновал Кара-Куль ¹¹⁰. Земля, по которой совершали счастливый переход к Бухаре, от пыли благоухающего кортежа стала [предметом] зависти чистой амбры.

Ахмад-султан, сын Джаниш-султана, с бесчисленными войсками, [состоявшими] из опытных бойцов и славных богатырей и превышающими пятьдесят тысяч человек, сел на коня с намерением совершить нападение. На отдохнувших лошадях, копыта которых еще не стерлись на путях набегов того года, он вознамерился совершить набег на области Мавераннахра и даже осадить Бухару и Самарканд. Но молва о движении августейшего кортежа поколебала и потрясла здание их выносливости и основание их стойкости. Где им было проникнуться мыслью, что на первом году завоевания Хорасана, несмотря на то что весь Хорасан и его внушительные крепости были набиты чагатайскими государями, именитыми эмирами, у августейшего кортежа ханского величества [все же] найдется возможность возвратиться в Мавераннахр? При такой твердой уверенности в улусе они, прокричав «Пошел!», погнали коней отваги на поле безрассудства, думая, что кортеж ханского величества занят устранением чагатайцев и удобного случая повернуть обратно в Мавераннахр не представится, а у войск Мавераннахра не окажется силы противостоять и сражаться с ними. Следовательно, завоевание Мавераннахра /926/ для них осуществится скорейшим образом и в самое ближайшее время без задержки и промедления. Внезапно извещенные осведомителями, они узнали, что августейший могущественный кортеж пересек Джейхун и теперь области Самарканда и Бухары сделались местом расположения славных войск. Тотчас же пробил барабан выступления, и среди них раздался звук трубы бегства, наподобие ворона, предвещавшего разлуку с ними. Совершив нападение на округ Куфин, на крепость Дабуси ¹¹¹ самаркандского вилайета, тумана Согд и на некоторые бухарские вилайеты, находившиеся по ту сторону реки Кухак ¹¹², они захватили в полон мусульман, рабов, скот и все, что нашли из имущества и утвари узбеков и райятов, и как можно скорей повернули обратно [111] через Бухарскую степь. Они переправились через Сейхун напротив крепости Узгенд и прибыли в юрт Джаниш-султана, который находился по соседству с юртами казахов в области Туркестан. И они укрылись в убежище безопасности от прибытия войск ханского величества. Говорят, что они так торопились, что захваченным и обращенным в рабство мусульманам, которых взяли в виде добычи, они проткнули уши, продели сквозь них бечеву, привязали ее к лукам седел и вереницу за вереницей тянули на веревке, погоняя рабов божьих, куда поспешно не довели их до своего юрта и становищ. Число рабов-мусульман, которых угнали во время набега, превысило несколько тысяч. Когда приносящий счастье кортеж расположился здраво и невредимо в городе Бухаре, то [Шайбани-хан] обратил внимание на состояние людей той области, семьи которых погромили и ограбили казахи. Устами соблезнования и благосклонности он расспросил о положении тех бедняков и изволил дать обещание отомстить тем злосчастливым злодеям. Когда дни нападения казахов миновали, и толпы их улуса вернулись в [Кипчакскую] степь, срок /93a/ устранения их был перенесен на будущий год (Т. е. в 1508-09 г.). И царские милости получили значение слов: *Окажите милосердие [тому], кто на земле, тогда вам окажет милосердие тот, кто на небе*, и он оказал милосердие тем бедным, которые жаловались [ему]. Он заботливо предоставил много верблюжьих поклаж кербаса, чтобы жители Куфина и. подчиненных Бухаре и

Самарканду местностей, приготовив выкуп за своих пленников, отправились бы в [Кипчакскую] степь и вернули обратно своих пленных.

Счастливые знамена переправились через Джейхун и превратили вследствие переправы реку Амуйе в подобие Млечного Пути, [когда по нему] проходит Сириус, и, пройдя пустыню Шир-и Шутур, прибыли в Мерв. В Мерве [хан] соизволил остановиться на один день. С намерением искоренить остатки чагатайцев он, идя от стоянки к стоянке, до летних пастбищ Астрабада не сделал ни одной остановки. Еще до прибытия августейшего кортежа в Мерв, могущественный государь 'Убайдаллах-султан со знатными лицами августейшего войска прибыл к священной гробнице [имама] Ризы ¹¹³ в качестве сторожевого отряда. Мухаммад Касим, сын Султан Хусайн-мирзы, с уцелевшими в бою чагатайцами, после движения предвещающих счастье знамен в Мавераннахр, возвратился из Ирака в Хорасан и находился в Мешхеде [имама] Ризы. Ибн Хусайн-мирза и Фаридун Хусайн-мирза ¹¹⁴, сыновья Султан-Хусайн-мирзы, подняли знамя власти в Себзеваре, Нишапуре, Туршизе ¹¹⁵, в округах Турбата ¹¹⁶, Заве ¹¹⁷ и в окрестностях и занялись взиманием налога и сбором доходов. 'Убайдаллах-султан и могущественные эмиры, находившиеся в кортеже его высочества, вместе с победоносными войсками прибыли в Мешхед. Мухаммад Касим, сын Султан-Хусайн-мирзы, построил заграждения на улицах и превратил Мешхед в крепость. Войско Убайдаллах-султана в одно мгновение разрушило основание стены их крепости и вошло в город. Мухаммад Касим был побежден его могучей рукой и убит. Отдохнув после захвата Мешхеда, они направились в Нишапур и Себзевар. Ибн Хусайн и Фаридун Хусайн с многочисленным войском, собранным в Себзеваре, и чагатайцы, которые потеряли своих лошадей и пожитки, в надежде ^[112] на победу, частью верхом на слабых животных, частью пешие, отправились в бой.

В местности Рабат-и Дудар /936/ они открыли перед собой две двери: беды и несчастья, урока и пагубы. Несмотря на то что светильник их могущества начал угасать, они [еще раз] вспыхнули, как бывает со светильником перед тем, как погаснуть. В конце концов они открыли свой колчан мужества рукою тех, кто побеждает, и оба бежали с этого поля боя.

Себзевар и прочие области Хорасана вновь были завоеваны августейшими войсками. Поскольку это очень знатная победа, то в дни, когда августейший кортеж, переправившись через Джейхун, сделал остановку в Мерве, побывал в Астрабаде и вернулся обратно, я, бедняк, ради описания ее послал «царю поэтов» Маулана Бинаи Харави ¹¹⁸, да приветствует его Аллах всевышний, эту газель с описанием того, что произошло в Хорасане: победы Убайдаллаха в Мешхеде и Себзеваре, убиения одного государя и обращение в бегство двух других из Герата, чтобы он, [Бинаи], доложил, когда явится возможность, августейшему с извинением за то, что я не исполнил обязанности неотлучного служения, не явился на ежедневные приемы с приветствием в дни возвращения [ханского величества] из Мавераннахра, пребывания в городе Мерве и походе в Астрабад и возвращения [оттуда]

Августейший кортеж после завоевания областей Астрабада и Джурджана ¹¹⁹ и ограбления туркмен йакка ¹²⁰, когорые являются улусом Саин-хана, ¹²¹, дошел до лугов Бистама ¹²². Ради описания летних становищ Астрабада и весенних прелестей областей этой страны, описания цветов и ароматных трав, /94a/ которые растут в этой степи, в благоухающем цветнике его ханского величества сложилась на тюркском языке касыда, содержащая в себе стихи о весне. . .

[Далее наш автор расхваливает касыду Шайбани-хана, воспевающую весну. Ибн Рузбихан говорит, что «каждое слово стихов [касыды] подобно бутону мыслей». В похвалу этой касыды автор написал в свою очередь стих и поместил его в этой же главе.]

После победы и овладения областями Джурджан, Табаристан и Кумис, во-первых, Астрабадом, во-вторых, Сари ¹²³, в-третьих, Бистамом и Дамганом, одаренные счастьем знамена двинулись в стольный город Герат и первого числа [месяца] раби ал-аввал девятьсот четырнадцатого года (В конце мая 1508 г.) благополучно и невредимо, сопутствуемые небесным успехом и божественным преуспеванием, расположились в саду Джаханара ¹²⁴. Пребывание в Герате длилось три месяца. В начале месяца джу-мада-лахир (Август — сентябрь 1508 г.) выступили для осады крепости Келат. После нескольких дней стояния под крепостью [хан] решил двинуться на зимнюю стоянку в Мерв. Расположившись за [городом] Мерв, /946/ построили из цыновок мечеть и теплушки, построили из камыша и дерева большие шатры и шалаша. Пребывание в Мерве, продолжалось два месяца. А когда усилились зимние холода, [хан] с намерением [113] встретиться с султанами Мавераннахра и обновить договор о дружбе с сыновьями и родственниками, отправился из Мерва в столицу Бухару, как было сказано в начале книги. В субботу двадцать второго шабана (16 ноября 1508 г.) состоялся въезд в славный город Бухару. Дни [месяца] рамазана прошли полностью в том владении. Все дни этого благословенного месяца он провел в распространении наук и просвещения и в обсуждении истинного смысла тонких научных понятий и мыслей. Действительно, во время пребывания в Бухаре наблюдалось много удивительных и примечательных событий, так что ум поражался их необычностью, рассудок становился в тупик от их непостижимости. В славном городе собрались десять знаменитых султанов, могущественных государей и повелителей, у каждого из которых при себе было свыше десяти тысяч всадников и множество эмиров и боевых молодцов. Несмотря на то что был конец зимней поры и дороговизны зерновых хлебов, скудости продуктов питания, на базарах непрерывно одну за другой ссыпали громадные кучи зерна, и никогда никто не жаловался на скудость и дороговизну его, и ни в ком не поднималась злость на отсутствие кормов для животных.

ГЛАВА XXVII

ПАМЯТКА О МОЛИТВЕ ПРОРОКА АЙЙУБА ЗА ЖИТЕЛЕЙ БУХАРЫ ¹²⁵

[Приводится рассказ о том, как жители Бухары, отличающиеся гостеприимством, встретили пророка Аййуба в местности, которая сейчас носит название Чашме-йи Аййуб. За хорошую встречу пророк будто бы молился за них.]

<Было сделано такое сравнение: если бы сборище тех войск и множество и обилие животных оказались бы в каком-либо городе Хорасана, Ирака, Азербайджана или даже в царствах Египта и Рума, то возможно, что у них, [жителей перечисленных стран], не хватило бы сил выполнить поставки [разных] благ этим пришельцам и не достало бы зерна в округах тех стран и продовольствия для поставки этим людям. Нет сомнения, что эта способность Бухары осуществится благодаря услышанной молитве высокостепенного и высокодостоинного пророка.

Описание праздника в Бухаре

[Описывается праздник разговения, который войско Шайбани-хана встретило в Бухаре. По этому случаю к ханскому двору приходили богато одетые султаны со своими войсками, и каждого султана встречали торжественно с музыкой, и прибывший ранее народ выходил им навстречу.]>

<Описание войска узбеков в праздничный день>

<Таким же образом славные эмиры и могущественные, как судьба, правители, более тысячи эмиров и амакчиев, из которых каждый был правителем какой-либо страны и сборщиком хараджа с какого-либо земного пояса, еще на рассвете прибыли в Чахарбаг ¹²⁶. Должно быть, сто тысяч знатных вооруженных всадников в [114] намерении гонять тыкву и метать в тыкву стрелу счастья собрались на прострaнстве Чахар-бага, на дорогах и полях той местности. . .

[Затем следуют стихи автора такого же содержания.]

Внезапно наступило настоящее утро встречи, и из-за горизонта величия появилось солнце престола халифата. Высокостепенное ханское величество обрел честь поклониться преславной матери [своей] и, согласно [изречению]: *Рай под стопами матерей*, поспешил в эдем вдохнуть ароматы. Он соизволил выйти в свете покорности и в одежде халифата, повязав голову вместо венца Джамшида чалмой благочестия, вместо пера венца царей, осыпанного драгоценными камнями, распустив свисающие локоны, следуя обычаю пророка и украсив благословенное тело белой одеждой. Мы вместе с их высочествами великими султанами, благородными улемами, могущественными эмирами удостоились чести приветствовать и поздравить его с благословенным праздником.>

//IV// <Описание [стрельбы] по тыкве>

<Все высокие султаны, каждый из которых был могущественным Джамшидом, сев верхом в августейшем кортеже, поспешили в путь совершенства учтивости и служения, и его величество, прибежище халифата, по обыкновению халифов в праздничные дни, воссев на коня, прибыл на поле стрельбы по тыкве. Тыква находилась на месте прохождения его величества, на праздничном поле. Испытывающие силу молодцы ради большего устрашения, по слову: *И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; или вы устрашите* (Кор., VIII, 62) и толкованию сподвижников [пророка], что слово «сила» здесь означает метание стрел, подзадоривая друг друга, занимались наскоками на тыкву. И что за тыква! Глыба наподобие дерева без ствола (Кор., XXXVII, 146), с шаром на голове или богатырского воина, который под стрелами подставил тыкве (образцовую) голову, голова свободна. Однако, несмотря на свободу, она не избавлена от камня стрел молодцов. Она [подобна] суку самшитового дерева, вобравшего в голову деньги и выставляющего себя на виду богатырей на стрельбище. Гнездо голубей, которых камень стрел заставляет взлетать, или образец райской финиковой пальмы, показывающий себя его величеству, наместнику [нашего] времени.

Стихи:

Что за тыква! [Как] стрелы на стрельбище,
Мчатся на нее кони воинов.
От всех летят жестокие стрелы,
Стрелы испытания разят в лоб и с тыла,
[Но] деньги она отдаст не скоро,
Лишь когда разобьется шар ее головы.
Некий голый бедняк на этом поле
На своей голове держал деньги с безопасностью.
Узбеки отовсюду пускают стрелы,
Просыпь, мол, деньги на землю!
Что же он отвечает свирепым стрелкам?
Пока головы мне не сломишь, тебе денег не дам!
Когда хан Шайбани явился на гулянье,
То словно милая пришла в объятия. [115]

В общем, испытывающие силу узбекские молодцы в присутствии его величества хана метали в тыкву получающие одобрение стрелы, потому что присутствие хана приносило счастье. Было, быть может, тысяч до десяти славных всадников, каждый из которых, словно лев, сделав когти из стрел и лука, мчался на тыкву, и все пронеслись мимо нее, наподобие того, как действуют в рассыпном бою, возвращались назад и пускали стрелы в поднятую на двести гязов тыкву. Да, в тог день была показана большая мощь ислама, и войско ислама с красотой, отвагой и искусством в бою предстало на смотр халифа [того] времени. Уста восторга всех [людей] говорили: «С таким вооружением наготове и снаряжением мы ради священной войны пошли по пути божьему. Мы совершим все, что укажет его величество хакан всего света, высокостепенный хан».

[После этого идут стихи автора с изъявлением преданности хану.]

Августейший кортеж в полной красе и высокостепенные султаны, [находившиеся] на службе, прибыли в Бухару.

[Затем автор рассказывает, что воины, упражнясь, готовились к войне. В Чахарбаге собрались все султаны, улемы и родственники хана и был устроен большой пир. На этом пиру присутствовали также ученые из Ирана и Турана ¹²⁷. Хав всех одарил царскими халатами и другими подарками. Ибн Рузбихану хан уделил особое внимание и попросил его сесть ближе. После пира началось собеседование на суфийские темы.]

После собеседований [хан] велел, чтобы били в [барабан] радостной вести блаженного праздника и что сегодня день свободный от дискуссии и день наслаждений. Согласно изречению: *У каждого народа есть праздник, а это — наш праздник, /[/V]/* сегодня — праздничный день, следует устранить диспуты и рассказы суфиев и аскетов. После этого [хан] сказал, что на рассвете того дня была сочинена тюркская газель, и в этой газели говорится о выступлениях Хаджи Маулана [Ибн Рузбихана]. Было приказано, чтобы чтецы августейшего собрания прочли громко эту тюркскую газель. Так как содержание газели рассказывает о величии этого праздника и название газели указывает на совершенство набожности и скромность его величества, подобает, чтобы она была здесь упомянута.

Газель такова:

Видел ты, все султаны на этом празднике воскресения из мертвых.
До каких пор мне подвергать себя лишениям, о шейх!
О, Хваджа Маулана, слушай, что за шум?
Это же сад счастья — устрой счастливый праздник,
На этот счастливый праздник прибыли все султаны.
Возьми чашу вина наслаждения, бей в барабан радостной вести.
Ты видел нас в праздничный месяц, мы лишились сил и исхудали.
Это указание он сделал аскету и суфию.
В обычае твоём, о суфий, осуждать вино, отрицать флейту!
Пей вино, будь человеком, оставь этот обычай, о суфий!
Твои приметы — четки и плащ, о шейх.
Возьми чашу чистого вина, брось эти знаки.
Твой стан, о чтец Корана, Шайбани совсем не по нраву.
О виночерпий розоликий, покажи свой рост и стан,
Бог возвысил Шайбани, чтобы день и ночь
Надевал он на голову этот венец благочестия. [116]

После окончания праздничных дней и обращения доброго намерения на важные дела государства мусульманской общины и завершения надлежащих совещаний, как упоминалось выше, было бесповоротно решено отправиться в поход на казахов, и в понедельник восьмого шавваля (30 января 1509 г.) стоянка Каср-и 'Арифан, находящаяся поблизости от мазара Хаджи Парса, стала местом развязывания грузов державной ставки. Как подробно упомянуто в начале книги, переправились через реку Сейхун и на том

берегу реки Сейхун, напротив города Сыгнака, собрались все султаны, вспомогательное войско Туркестана и войска окрестных мест. Явилось тысяч триста колчанов. Отсюда выступили в страну казахов. Теперь, если будет угодно богу, будет упомянуто обстоятельство, как враг был раздавлен губительным ударом нападения и ограбления под копытами попирающей судьбу конницы. *А помощь исходит от Аллаха и у него просят помощи.*>

ГЛАВА XXVIII

ПАМЯТКА О ДВИЖЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ИЗ ПРЕДЕЛОВ СЫГНАКА НА УЛУС КАЗАХОВ

<Августейшие знамена с благодатным намерением и возрастающим день ото дня счастьем вместе с султанами стран света выступили из пределов области Сыгнака в страну казахов. Триумф справа и слева и победа при августейшем стремени (сопровождали их) наподобие путевых гонцов.

Описание города Сыгнака

Владение Сыгнак — конец благоустроенных земель северной стороны области Дешта. В старину он был очень большим, цветущим городом. Вся эта область весьма благоустроена и возделана, и всему тому краю содействовали всякого рода блага и спокойствие. Этот город в действительности является пограничной заставой Дешт-и Кипчака и славится по всему миру обширностью площади и наличием безопасности и спокойствия. От заслуживающих доверия людей той страны стало известно, что в прежние времена и предшествующие эпохи в этом благоустроенном владении и обильной радостями стране было так много жителей и обитателей, что ежедневно на рынках жарили пятьсот верблюдов и к вечеру на базарах не оставалось ни куска. Поистине, эта земля способна поддаваться такому благоустройству. Оросительные каналы ее обработанных полей все выведены из реки Сейхун. Степи и поля той страны богаты водой, травой, кустарником *так* для топлива. В степях того владения, как стада овец на пастбищах, пасутся дикие сайгаки, куланы, степные бараны и разные другие животные. Все люди, обитающие в том владении в незимние дни много охотятся и заготавливают на зиму запасы продовольствия. Мясо животных, добытых на охоте, в том владении бывает дешевым, стоит мало. В эту страну со стороны Дешта, из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как-то: шубы из меха киша и тина, [117] то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия. Так как [Сыгнак] является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дешта, то купцы владений и местностей Дешт-и Кипчак до пределов реки 'Адил, которые, являются северным краем благоустроенных [земель] и примыкают к побережью Бахр ал-Мухит (***) - *здесь: Каспийское море*), сделали город Сыгнак местом складов своих [и] приводят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен. Поскольку эти торговые сделки совершаются в Сыгнаке, то это владение постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра и товаров всех стран там в изобилии. Обитателей [Сыгнака] хотя и немного, но все они воины и /[/VI]/ люди боевые, закинувшие луки за плечо мужества и опоясавшиеся саблями на битву. Никто из казахов не жаждет напасть и ограбить их земли, и они проживают в том всюду благоустроенном владении и радостном краю в полном спокойствии и веселии под сенью богатства и изобилия.

Стихи

Славен город Сыгнак,
Что является местом проезда и Дешт-и Кипчак.
К нему дары Дешта везут
Все, что привозят оттуда, к нему везут.
Он — пограничная застава всех владений Туркестана,
В нем народу спокойно и безопасно.
Уже раньше эта спокойная страна
Была местом, жительства ученых людей.
Из нее составитель книги «Нихайа» ¹²⁸,
Из нее толкователь трудных мест «Хидайа».
Если наша жизнь продлится долго,
Мы еще раз станем сыгнакцами.

Коротко говоря, августейший кортеж расположился напротив Сыгнака со стороны Сейхуна, на склоне высокого песчаного холма, который представляется в виде небольшой горы в том владении и расположен к северу от Сыгнака. Говорят, что тот высокий холм является краем Туркестанской области и началом владений узбеков. Могилы и гробницы всех ханов узбеков из шибановцев, юрты которых в старину были близки к Туркестану, находятся в самом Сыгнаке и в его округе, потому что он является окраиной благоустроенной области, в которой имеются город, городские власти, основание мечети и рынок, а по ту сторону его — обширная степь, где нет ни признака благоустройства. Признаков городов в ней совсем не существует. Поневоле, из именитых ханов Дешта гроб каждого, кому наступал час predetermined смерти, обязательно доставляли в Сыгнак, и над могилой его воздвигали здание, похожее на купол.

Описание могилы Абу-л-Хайр-хана в Сыгнаке

Озаренная светом гробница и пречистая могила его величества хана мира, хакана времени Абу-л-Хайр-хана, да осветит Аллах его доказательства, [118] расположена вне города Сыгнака, и зодчий высоких помыслов нашего ханского величества построил над могилой доброго деда очень высокое здание ...

[Далее следует фантастическое описание гробницы Абу-л-Хайр-хана и стихи автора, посвященные этой гробнице.]

Августейший ханский кортеж высокостепенного ханского величества, снявшись с песчаного склона [холма], вступил в страну и юрт казахов. Сделав смотр славным султанам, могущественным эмирам, громадной рати, загонявшей львов, многочисленной как муравьи, он, соблюдая обязательную осторожность и благоразумие, отправился по берегу Сейхуна среди разнообразных зарослей и теснот тех кровавых дорог. Передовым полком победоносного войска был 'Убайдаллах-султан со славными войсками и вращающей мир ратью. Когда вышеназванный выступил со славной своей конницей и попирает округу кроважного Дешта копытами войска, стремительного, как горный поток, и с помощью клинков мужественных решений проходил по тесным дорогам, то высочайший кортеж высокостепенного ханского величества, двигаясь вслед, совершал переходы. А славные султаны с бесчисленными, как пылинки, и блистательными, как солнце, войсками, проторяя дороги по сторонам того пути и открывая путь следования, шли вслед за вращающим небосвод кортежем.

В таком порядке, идучи и едучи, передвигались они от стоянки к стоянке в чрезвычайно сильную стужу и мороз. Стужа была настолько [сильна], что сопровождающие августейшее знамя, несмотря на то что привыкли к зимним холодам того края и много лет тело и душу подвергали невзгодам холода той страны, единодушно

решили, что мы-де никогда не испытывали такого холода и не терпели с таким трудом и тяжестью мучения стужи.

Описание холода во владениях казахов

Стужа была такая сильная, что ни у кого не было силы высунуть руку из рукава или засучить рукав ¹²⁹. Ноги так замерзли в меховых сапогах и в шелковых обмотках, ты сказал бы, что в мех и войлок завернули кусок льда. Лицо замерзло от стужи, ты вообразил бы, что оно — стальное зеркало, которое вынули из войлока. Каждый волос, покрывшись непрерывными, похожими на иней каплями и парами, казался веткой, на которой расцвела весна, или пальмой, сверху донизу покрытой цветами белой розы и жасмина. Глаза от стужи и сильной боли у впадины покраснели, как кровь, а ресницы [стали как] сухие колючки, воткнутые вокруг той пучины крови. Каждый палец на руках и ногах будто слиток золота, который нужно надолго положить в тигель, чтобы он от жара расплавился. Ногти посинели от стужи, ты подумал бы, что [это] ляпис-лазурь на перстне, которая наложила на ноги и руки печать покоя и застоя. В открытом леднике рта слюна от стужи застыла, будто белые зубы, а о теле, ты подумал бы, что оно гранат, в котором замерзла кровь и холод разложил его на части. Дыхание от страха перед холодом убежало в печь груди, а жилы высохли подобно струнам чанга и лопнули. . .

[Далее стихи автора такого же содержания.] **[119]**

Описание обилия снега в стране казахов

Одним словом, холод был чрезмерно сильным. То, что было упомянуто здесь относительно стужи в том краю — не преувеличение, которым украшают сочинители речь, а [сказано] на основе того, что есть действительно, потому что морозу того края нет никакого сравнения в той мере, как это слышали мы от верных людей, говоривших: «Стужа была столь сильна, что ни один пылающий жаром юноша из узбеков и туркестанцев, находящийся в расцвете молодости, не мог высунуть руку из шубы и одежды и подтянуть на коне подпругу». Кто на рассвете седлал лошадь, ты подумал бы, что он тащит буйного необузданного коня небес под седло покорности. Во всей той степи никто не мог очистить от снега и льда ни одного шага земли, чтобы на часок преклонить голову и прилечь. Белый снег так покрыл поверхность земли, что на ней населенные места казались черными точками на чистом листе [бумаги]. Белизна снега, казалось, сочетается с солнечными лучами, которые проникали в дом через все окна. Поверхность земли ты вообразил бы белой бумагой, на которую никогда не садилась черная пыль, и мастерская рука каллиграфа не нанесла на ней ни одного черного знака домов. Степь и пустыня от белизны снега [стали] как старец, согнувшийся вдвое, и следы [стиха:] *И голова запылала сединой* (Кор., XIX, 4) — появились над степью и пустыней. Белый цвет снега покрыл окрестности так, что в них не было никакого следа черноты и если бы на глаза людей не легла сурьма ночи, то никто от слепоты не мог бы видеть. На нивах мира от снега появилась тысяча хлопковых насаждений, их хлопок усиливал страдания от холода. От его весенней белизны расцвела тысяча роз, однако весна была такая, что от нее все замерзли. . .

[Затем автор повторяет то же самое в стихах.]

Одним словом, снег от края до края, выходящий за пределы описания. Так как из-за множества людей обилия продуктов страны им не хватало, то с неба в виде непреходящего сахара для них сыпалась мука из снега. Однако мороз так действовал, что никто не мог согреться. Переходы совершались при таком сильном холоде. На каждой

стоянке от сильной стужи орде наносился значительный урон, ибо из живых существ, должно быть, погибли от холода десятки тысяч (***) - здесь в значении "много") верблюдов. Погибло также и много людей. Однако молодые воины претерпели страшную невзгоду и не очень пострадали от холода. Туркестанцы, хотя большая часть их сделала не более нескольких переходов, очень пострадали.

Короче говоря, августейший кортеж через десять дней движения постепенно прибыл в местность Кара-Абдал, а она близка к середине зимних стойбищ казахов. Она является юртом крупного племени, [подчиненного] одному из казахских султанов. Их верховный повелитель в настоящее время называется Джаниш-султан. У него есть брат по имени Таниш-султан, и он близок к этому султану. В улусе каждого [из них] более пятидесяти тысяч знатных казахов, из которых каждый является славным воином и достойным батыром. У Джаниш-султана был сын по имени Ахмад-султан, который в прошлом году пошел походом и с большим полчищем пришел в Бухару и разграбил округ Куфин и прилегающую к Бухаре округу, как упомянуто раньше. Сейчас намерение высокостепенного величества таково: [120] по обещанию, которое он изволил дать жителям Бухары и Самарканда, возместить их ущерб и положить наказание за злодеяния и грабеж Ахмад-султана, сына Джаниш-султана в полу его поступков. Пусть снова поймут казахи, что следы могущества и счастья будут сметены с их лица. До тех пор пока вера казахов не пойдет прямым путем, среди них не появятся следы благочестия, они не откажутся от идолопоклонства и преклонения перед солнцем, они не будут в безопасности от ударов его ханского величества. Рука предопределяющего *И ведь наше войско оно-то победоносно (Кор., XXXVII, 173)* благословенной помощью веры всегда будет делать войско ислама победителем. Однако если всевышний господь удостоит их светом наставления на путь истины и они вденут послушную голову в ошейник рабского служения хану, то, согласно изречению: *Если они поступят так, что они сохраняют от меня свою кровь и свое достояние, кроме того, что принадлежит исламу, их счет тогда будет у Аллаха, их достояние в безопасности от грабежа, их кровь защищена от пролития. А Аллах поведет того, кто пожелает, да благословит Аллах господина нашего Мухаммада и его сыновей и да приветствует.*>

ГЛАВА XXIX

ПАМЯТКА ОБ ОСТАНОВКЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ПОСЕРЕДИНЕ СТРАНЫ КАЗАХОВ В ЮРТЕ КАРА-АБДАЛ И ОБ ОТПРАВКЕ СУЛТАНОВ ДЛЯ НАБЕГА НА ВЛАДЕНИЕ ДЖАНИШ- СУЛТАНА

<В середине месяца зул-ка'да (Первые десять дней марта 1509 г.) остановка августейших знамен и победоносных воинов высокостепенного ханского величества состоялась в местности Кара-Абдал, которая является одной из срединных местностей страны казахов. В этой местности Кара-Абдал, несмотря на то что это было начало весны и начало солнцеворота в созвездии Овна (Середина марта), что называют днем султанского нового года, мороз был настолько силен, что от надежных людей пошел слух: «Невозможно было на земле установить котлы, вследствие того что кругом снег выпал на несколько гязов и покрылся льдом, потому что стоянка была на поверхности большого *кака*, вода которого замерзла на глубину нескольких гязов. Снег же лежал на нем как будто на воду набросили мрамор, и на нем расположились крепко сложенные самаркандцы. При таком положении никак невозможно было поддерживать огонь. Когда мы разжигали огонь, то тотчас же холод льда тушил его. Наконец, мы предприняли [против] льда такую меру: над огнем поставили подобие треножника и к нему словно фонарь подвесили котел. Под ним мы изо всей силы разжигали огонь, давали свариться

немного мясу и ели. Бывало, пока варилась какая-нибудь пища, мы несколько раз разжигали огонь и каждый раз холод срывал алый цветок нашего гранатника и нашу кухню лишал силы огня. Действительно, после возвращения августейшего кортежа из Кара-Абдала в Йаси мы на его челе воочию увидели следы действия того холода, ибо краски потемнели и на чертах лица преобладали бледность и сухость. В конце концов всеобщая молва подтвердила, что мороз дошел [121] до чрезвычайности, а люди на морозе были без рук и без ног. Травы и растения в той степи все утонули под снегом и, кроме верхушек тростника, торчавших из-под снега, в тех зарослях никаких кормов вроде ячменя или травы не было. Их свежим и вяленным мясом был только сухой и мокрый тростник, а ядом и противоядием этих немых существ был тоже один только тростник, который должен был их питать».

/[IX]/ Когда расположились на какой-то стоянке, то разбили среди снега палатки и большие шатры, быстрые на руки слуги с огромным трудом и старанием расчистили от снега место для палатки его ханского величества, постелили кошмы и много ковров, и главу куполообразного шатра возвели до высшей точки Аййука среди весеннего расцвета снегов, ты сказал бы, это золотистый купол солнца воздвигнут в свете утра или престол повелителя роз возвели в дни весеннего блаженства. Затем на своих стоянках, на льду и в снегу, разбили шатры войска в полнейшем беспорядке вследствие непрерывных страданий от холода и постоянных лишений из-за снега и льда. В ту самую зиму, терпя бедствия и невзгоды, они в сердцах своих сеяли семена верности и преданности его ханскому величеству. В общем, при этих непрекращающихся лишениях высочайших знамен в Кара-Абдале, который стал августейшей стоянкой [в] юрте Джаниш-султана, вышел высочайший приказ, чтобы их высочества славные султаны и высокодостойные эмиры в своих кортежах отправились в набег на улус Джаниш-султана. Тотчас же их высочества славные султаны, повинувшись высочайшему приказу, сразу же приготовились в опасный путь и направились на бой с Джаниш-султаном. От движения огромного войска и стремительного, как горный поток, хода знаменитой рати со всех сторон в степи поднялся крик и шум. Знатные всадники как подобает снарядились и приготовились, и все султаны пошли на улус Джаниш-султана. Молниеносно, как пламя, зажигающее пожар, оставив покой и неподвижность, они пустились в путь для набега на землю врага.>

Его высочество 'Убайдаллах-султан с храбрыми воинами и славными богатырями, из которых каждый полагал льва небосвода пленником своей смелой и могучей длани, а каждый молодец считал горного барса убитым камнем его отваги и мужества, выступил в передовом полку. Так же и его высочество Суюндж-Хваджа-султан и Кучум-султан с другой стороны выступили, чтобы сразить недруга и занести руку отмщения для резни и истребления злосчастного врага, который в удобное для себя время совершил злосчастное [нападение]. Так же и Хамза-султан со славным своим конным отрядом прибыл на место искания расплаты и кровной мести. Суть этих слов в том, что Джаниш-султан покусился на брата его высочества Хамзы-султана и убил его. Согласно приговору, высказанному мудрецами, божья помощь на войне оказывается двоим, во-первых, тому, кто ищет веру, во-вторых, тому, кто ищет отмщения за обиду. В нашем войске, которое добилось единства, устройства и сплоченности ради изгнания злосчастных врагов, обе причины божьей помощи оправдались... И конечно, всевышний и могущественный бог по милости августейшей надписью *И ведь наше войско, оно-то победоносно* (Кор., XXXVII, 173) украсил победные знамена высокостепенного ханского величества, потому что спор с казахами совершается для того, чтобы они оставили безбожие свое, и его высочество Хамза-султан, который был на положении /95a/ главы отряда того блистательного войска, выступил, ища отомстить тем грешникам. [122]

От стоянки Кара-Абдал до юрта Джаниш-султана и местопребывания его народа было больше десяти дней пути. Быстрые, как звук, воины, поспешно решившись, с ревностным усилием и предельным мужеством и отвагой, подошли к земле Джаниш-султана, а она находилась на берегу реки Сейхун, изобилующая бесчисленными стадами и покрытая древесными зарослями, со староречьями и омутами повсюду. Джаниш-султану стало достоверно известно о походе на него победоносных войск. Однако в его улусе сведения были такие, что для нападения на улус Джаниш-султана пришел с лично принадлежащим ему войском его высочество Суюндж-Хваджа-султан. Где им было представить себе, что его величество хан, несмотря на дальнейшее расстояние, в короткое время придет из Хорасана в область зимовий узбеков, завоюет эту страну и с намерением произвести грабеж, резню и битву поднимет знамя войны и сражения и швырнет головы начальников улуса под ноги гибели. В общем, когда Джаниш-султан узнал о движении победоносных войск, он тоже пошел на сбор войск, на сбор воинов и богатырей улуса. Воины [его] улуса сами тоже приготовили оружие для отражения грабежа и нападения и ради защиты своих семей отправились на бой.

Обычай казахского народа таков: всегда, когда на них делают набег, то все роды, составляющие один улус, и стоящие в одной местности, собираются с оружием и снаряжением для защиты своих семей и имущества и пускают в ход секущие мечи усердия и пыла. Каждый отряд, состоящий из нескольких семейств, становится впереди своих семей и имущества. Если же казахское войско соединится в одном месте с намерением отразить неприятеля [и] поднимет знамя сопротивления, то отразить его весьма трудно, /956/ разве только дурное предзнаменование прогонит их за недобрые дела в долину гибели и следы их дурных поступков станут результатом их злодейской природы. Силе руки, испытывающей мощь, иногда случается быть действенной и полезной в деле удачи и победы, потому что приговор оказывающего помощь господу есть победное счастье и милость господня с помощью полчищ, приносящих счастье звезд, поддерживает руку успеха. Так как победа сопутствовала вековечной державе высокостепенного ханского величества, то непременно открылись ворота помощи и были пожалованы средства победы, как будет рассказано [ниже], *если будет угодно Аллаху единому.*

ГЛАВА XXX

ПАМЯТКА О СРАЖЕНИИ СУЛТАНОВ [ШИБАНИТОВ] С ДЖАНИШ-СУЛТАНОМ, О ПОБЕДЕ ПОБЕДОНОСНОГО ВОЙСКА, О ПОРАЖЕНИИ ДЖАНИШ-СУЛТАНА И ОБ УБИЕНИИ ЕГО СЫНА АХМАД-СУЛТАНА

Когда разнесся слух о приближении войска султанов, люди улуса Джаниш-султана собрались в одном месте. [Число] их превышало тридцать тысяч человек, из которых у каждого было много слуг и подчиненных, так что число [всех] их достигало до ста тысяч. Это сборище, полагая, что явился Суюндж-Хваджа-султан, выступило с намерением обороняться. Если бы до их слуха дошло, что на них [123] двигается высокостепенное ханское величество и что он ступил на землю казахов ногой отмщения, то, быть может, они не мешкали бы ни одного часа. Предполагается, что их терпеливое выжидание основывалось на слухах о движении султанов.

Описание сражения в зимний день [130](#)

Короче говоря, при встрече обеих сторон разнесся слух о битве, и какой битве! Загорелся огонь и сжег терпение и твердость. Копье связывало разбитое тело, а прямая стрела летела без промаха. Узбеки из рода казахов отбивались от войск узбеков-

шибанитов, стреляя из луков. Узбеки-шибаниты побеждали их добротностью оружия, ханской ясой и царским державным величием (т. е. ханским порядком, правилами. — *Р. Д.*). Между ними произошло такое побоище, что от пыла его в выси небосвода звезды засияли как раскаленные угли, а у солнца от огня битвы горело в груди. В самый сильный мороз, когда он дошел до высшего предела, от сражения разгорелся такой пожар, что дух доблести изгнал из головы холод, а искры от его полыхания жаром лишили стужу силы. Если бы стрела, когда ее вынимали из колчана, не делала прибежищем [своим] спину лука, то она, наверное, примерзла бы к тетиве лука так, как подвижники на морозе. Поскольку тетиву лука свалил удар натиска зимнего месяца дея, то она [боялась] выйти из Под войлочной ушанки до сердца узбека. Поскольку сабля находилась в войлочных ножнах, то она отсекала бы того, кто [вздумал бы] вынуть ее. Пока она не успокаивалась в [чьем-нибудь] черепе, она страшилась сломаться от чрезмерной стужи. Когда дротик останавливался у груди, то его зубья становились острее ожесточения вероотступников, от них поднимался огонь, и он согревал себя жаром [этого] огня. Бой узбеков произошел в холодный день!

/96a/ Когда огни битвы разгорелись в полную силу, славные султаны проявили в ней то, что обязательно для храбрости и мужества. В самый [разгар] боевой схватки и сражения они показали деяния отваги. Казахи тоже создали условия мужества в проявлении необходимых решений и терпения, устранении причин гибели и бегства. Из религиозного усердия и ревностной веры они не допускали, чтобы жены, дети, скарб и имущество достались на разграбление, чтобы во время сражения кто-либо был утрачен, подавлен и бежал с поля кровавой битвы. Они, разумеется, твердо стали на поле боя и начали оказывать сопротивление и мужественно сражаться. Так что, если бы след их смелых натисков дошел до Прочных гор, ты прочел бы слова: *Когда сокрушатся горы сокрушением (Кор., LVI, 5)*. А если на землю опустилась бы пыль от их конницы, ты произнес бы: *Так нет! Когда будет расплостерта земля плоско (Кор., LXXXIX, 22)*, ибо мощь и полное бесстрашие казахского войска, которое в минувшие времена, в начале выступления Чингиз-хана, называли татарским войском, известна и упомянута на языке арабов и не арабов. То, что появилось на страницах эпох, на скрижали времени в прежние времена и предшествующие годы о бесстрашии и силе их противоборства, того язык пера ни одного писателя не был бы способен [124] даже частично. Кровожадные полчища людей, из которых один, если по-считать, может противостоять тысяче, ради чести и достоинства, семьи и воинской славы являли чрезвычайное старание и усердие. Они оборонялись от злого грабежа узбеков-шибанитов (т. е. войск Шайбани-хана. — *Р. Д.*). Было совершенно несомненно, что они проявят при таких обстоятельствах все необходимые усилия и старания. Несмотря на подобного рода воинов, */96б/* узбеки-шибаниты, благодаря удачливости и счастьем его величества хана, силой и мужеством разбили их наголову.

Подробности картины - были таковы: когда победоносные войска [Шайбани-хана] дошли до окрестности улуса Джаниш-султана, то стали видны кибитки, которые [казахи] устанавливают на колесах при передвижении, стада и хозяйственные постройки. Джаниш-султану и прочим султанам его улуса стало известно близкое прибытие султанов [шибанитов]. Отряд войска с военачальниками вышел па поле боя из кустарников и камышовых зарослей, покрытых льдом и глубоким снегом, и зажег огонь сражения. Узбекские войска на службе султанов наносили мужественные удары, и пожар битвы разгорелся в полную силу. Когда объявились знамена победы и знаки успеха на достигающих до неба знаменах войск высоких султанов, узбеки [шибаниты] из присущей им любви к грабежу, по причине желанья напасть на жилища казахов, заметив первые признаки победы, бросились грабить и хватать добычу еще до завершения битвы. Знатные

лица войск большей части султанов отправились искать добычу, нападать на жилища и имущество.

Джаниш-султан со знатными казахами до сих пор стоял в большом полку, а другой их отряд выдвинулся и встал на место обороны и сопротивления. Джаниш-султан и казахские султаны выжидали удобного случая, чтобы при возможности броситься в бой, И с нашей стороны отряд султанов вышел на место схватки с тем отрядом, который выдвинулся [вперед], большая же часть направилась к жилищам и имуществу и занялась захватом добычи и пожиток.

Джаниш-султан с отрядом, который был основой войск, узнал, что большая часть войска [узбеков-шибанитов] отправилась грабить жилища и что захват ими добычи стал причиной оставления боевых рядов, что они занимаются грабежом и большой полк их лишился опытных воинов. Выбрав удобное время, Джаниш-султан построил ряды и, пробив в боевые барабаны, наподобие воинственного льва, вышел по узким тропинкам и сквозь чащу деревьев и тростниковых зарослей и произвел сокрушительный натиск на войско султанов [шибанитов]. Каждый из жаждущих мести султанов был львом леса мужества и опытным в бою барсом, несмотря на то что большая часть бойцов их войска в предположении, что битва окончилась и враг пустился в /97a/ бегство, отправились в набег и на захват добычи, и ряды войска султанов поредели.

Описание боя Убайдаллах-султана [130a](#)

Когда Джаниш-султан со значительным войском и храбрыми бойцами вышел из тесноты зарослей и нашел ряды войска султанов [шибанитов] опустевшими, он захотел [ударить] на славное войско его высочества 'Убайдаллах-султана. Последний поднялся с места отваги и мужества и вступил в бой. Произошло великое побоище. Убайдаллах-султан, один из знаменитых богатырей улуса Шибана и [125] яростный лев в сражениях богатырей, ступил твердой ногой на место терпеливости и протянул руку мужества к колчану храбрости. Он сперва с помощью смертоносных стрел обратил груди врагов в мишень стрел бедствия и несчастья. В том кровавом сражении, сила которого гласила: *Когда упадет падающее (Кор., LVI, 1)*, дыхание храбрецов в тех рядах от изнеможения [намекало]: *Нет ничего отрицающего ее падение (Кор., LVI, 2)*! Ураган кровавых волн дул, так сказать, *унижая и возвышая (Кор., LVI, 3)* ! Убайдаллах-султан ударом закаленного клинка причинил гибель кровожадному и коварному врагу; во время схватки и двойных ударов кинжалом и саблей он с необычайной силой и мужеством совершал смелые наскоки. Однако поскольку конь предопределения помчался по неверному пути, то ему повредил дурной глаз и он упал с боевого коня, но все так же готов был нападать, обороняться и убивать.

Памятка о милости его ханского величества [131](#)

Внезапно, когда рука врага занеслась над ним, из высочайших милостей его высокостепенного величества хана одна необычайная милость проявилась на поле боя. Если скажут, что, быть может, эта книга составлена для описания и занесения в нее этой милости, то это [будет] недалеко [от истины]. Рассказ об образе этой милости таков: когда славные султаны выступили из местности Кара-Абдал с войсками, сопутствуемыми счастьем, с намерением совершить нападение на улус Джаниш-султана и сразиться с ним, то отправились все отряды войск султанов, и каждый, у кого были крепкие кони и сила в теле, отправился на битву с казахским войском. Высокостепенное ханское величество повелел личным своим чухраям и амакчиям и воинам, которые сопровождали ханский кортеж из Хорасана, отправиться сейчас же на врагов вместе с султанами под сенью

счастливого знамени его высочества, прибежища царства, султана-военачальника хорошо устроенного войска, Султан-Мухаммад Тимура и могучей дланью мужества нанести врагам поражение. В то время когда ханская гвардия, [состоявшая] из славных амакчиев и храбрых чухраев, намеревалась выступить, с вдохновенных уст высокостепенного ханского величества сошли слова: «Вы, которые являетесь воинами и амакчиями [моей] гвардии, должны мужественно выступить на врага и никоим образом вы не должны обращать внимания на добычу и грабеж и во время сражения не стремиться к мирским благам. Вашим полем зрения должно быть сражение с врагом и победа над ним, и не следует, увидев добычу и предмет грабежа, тотчас же набрасываться на них. Если вы поступите так, то останетесь без помощи и не увидите лица победы [даже] во сне. Если же вы под сенью знамени его высочества Мухаммад-Тимур-султана проявите терпеливость и не направитесь никуда, кроме как на врага, на битву и сражение, то всемилостивый и всевышний господь удостоит вас поддержки, а ханское /98а/ величество сочтет своим долгом выдать вам из казны благоустройства равную долю того, что другие узбеки унесли с помощью набегов и грабежа, потому что вы во время битвы под сенью счастливого знамени его высочества Тимур-султана, проявляя терпение, выжидаете и совсем никуда не отклоняетесь для набегов [126] и захвата добычи. Ханские наместники вознаградят вас из ханских урожаев и имущества».

В общем, им было указано стать в день боя под сень знамени его высочества Султан-Мухаммад-Тимура, совершенно отказаться от разбоя и грабежа имущества и захвата добычи и никоим образом не отделяться от султанского высочества, если даже воины разграбят все богатства мира. Таким образом, назначенные люди выступили под сенью счастливого знамени его высочества султана. Когда они прибыли на поле боя, войско улуса Джаниш-султана, состоявшее из знатных людей улуса казахов, частью выступив вперед, вело сражение, а воины султанов, заметив, что их войско одолевает, отправились на захват добычи и разбой. Джаниш-султан вышел со всей своей ратью и между ним и султанами [шибанитами], большая часть войск которых ушла на грабеж, завязался бой. Когда Джаниш-султан с многочисленным войском вышел из засады, то оказался перед Убайдаллах-султаном. Разгорелся сильный бой, и те несчастные свалили Убайдаллах-султана с коня. Названный султан мужественно сражался мечом, кинжалом и [другим] оружием и, наступая и отступая, очистил вокруг себя пространство. Повернуть обратно — не воинское дело, а стоять на месте было свыше сил воинов. Однако его высочество, упомянутый султан, все так же стойко стоял на поле боя, устремив приветливый взор на большую дорогу милости: *Помощь от Аллаха и победа близка (Кор. ХLI, 13)*. Он обратил ухо разума к пути услышания голоса: *И обрадуй же верующих и мужественно боролся*. В это время, когда опасность дела миновала и знаки божественной помощи были совершенно ясно начертаны, внезапно во мраке битвы засияло, подобно освещающему мир солнцу, победное знамя великого государя султана, достойного прославления, высокочтимого /98б/ Султан-Мухаммад-Тимура. И светило сферы битвы, много раз описанное солнце того поля сражения сделалось покоряющим мир знаменем его высочества. У войск султанов, попавших в долину растерянности и погнавших коня утраты надежды на помощь и победу на тесное поле мученья и ужаса, у всех у них появился в очах свет надежды от восхода полумесяца на знамени победоносного султана. От частиц пыли победоносного кортежа глаза всех засветились, тела и души успокоились, а расстроенные умы избавились от беды и тревоги, обрадовались и возликовали.

Бой накр и большого султанского барабана, возвещающего радостную весть о ханском счастье и могуществе и распространяющего известие о победе и славе ханских войск, звучали в ушах всех словно бой барабана благой вести в праздничные дни [132](#). Появление знаков полков и войск этого совершившего много подвигов султана как будто гласило о наступлении проблесков рассвета настоящего утра, в котором засияло солнце

счастья и победы, и благодаря ему в пустыне появились переливающиеся разными цветами лучи зари победы.

[Затем автор столь же высокопарно говорит о значении прихода подмоги.]

В общем, от прибытия сопутствуемых счастьем знамен высокостепенного высочества султана у всех нашлись свежие силы и в мыслях представилась победа и [127] триумф над негодными врагами, и огонь намерения сразиться с врагом вновь воспламенился подобно огненным факелам.

/99a/ Его высочество прибежище султанской власти со знатными людьми своих войск, гвардией и амакчиями высокостепенного ханского величества направился на поле боя и там оказал помощь богатырскую и мужественную и раскрыл ворота смерти и гибели противникам вековечной державы. В тот день благодаря соколу султанского намерения двинулись вперед на охоту за коварными и злодейскими врагами, так что у сизого ястреба голубых небес сломались когти, а сокол судьбы высказал тысячу похвал отважной султанской длани. Его высочество султан совершил такой натиск, что от мощи его персидский Рустам опустил голову в колодец смущения, а у Исфандийара от досады на силу боя ноги провалились бы в яму гибели. Стрела из страха перед храбростью боевых молодцов вонзилась в землю. У лука от чрезмерной силы сражения спина сгибалась надвое, копьё с кривым древком, словно змея в норе, останавливалось, утонув в крови. Меч, выйдя из ножен, не находил себе местопребывания, кроме черепов врагов. Кольчуга проливали кровавые слезы на врагов из тысячи глаз. Щит, хотя и выставлял вперед железную грудь, но от ударов тяжелых булав, сморщив лицо, терял силу.

Одним словом, после того как начался ожесточенный бой обеих сторон, после того как они приступили к обязанностям биться и драться, к победоносным войскам султанов подошла сила и подмога со стороны его высочества султана. Согласно слову: *Мы поможем нашим посланникам и тем, которые уверовали* (Кор., XL, 54), приступили к делу. Знаменем войска ислама были явлены знаки победы и помощи, и, согласно изречению: *И обратили они их в бегство с дозволения Аллаха* (Кор., II, 252), в войске Джаниш-султана стали очевидны следы бессилия и поражения. Его высочество султан вместе с [прочими] султанами совершил храбрый натиск и бился как лев. /99б/ Джаниш-султан обратился в бегство. Ряды войска казахов смешались друг с другом и, с соизволения Аллаха всевышнего и по его воле, бросились бежать. Разбитые, они отправились в области Бурундук-хана. Многие из их знаменитых богатырей были убиты. Ахмад-султан, сын Джаниш-султана, после мужественной борьбы получил отмщение ударом стрелы и сабли за судьбу каждого из богатырей. После поражения своего отца Джаниш-султана, он попытался бежать, но поскольку рука божьего предопределения положила возмездие в полу его дурных деяний за то, как он в прошлом году поступил с пленными и женщинами области Мавераннахр, то теперь возмездие сказалось на нем. Сколь ни желал он из этого кровопролитного сражения выбраться к спасительным берегам, волны урагана несчастья поглотили его, и он в воздаяние за пленение мусульман попал в могущественные и сильные руки августейших воинов. И [воины], схватив, привели его к царскому высочеству Хамза-султану, который был самым старшим из султанов, в действительности главным военачальником войск ханского величества. Пламя султанского гнева разгорелось на того злодея и за кровь брата его высочества Хамзы-султана, который ранее был убит из мести Джаниш-султаном, этот пленник аркана несчастья подвергся смерти и уничтожению ¹³³. Его голову, плененную кудрями волос, освободив от пут кудрей, отправили вместе с радостной вестью о победе к подножию высочайшего престола. Торжествующий звук барабана радостной вести и плач от бедствия грабежа распространили по всем [128] местам той страны. Вестники-скороходы,

позаимствовав скорость у молнии и ветра, пойдя быстрым шагом по долинам кровавой степи, понесли весть о победе вместе с головой наказанного и побежденного врага к подножию ошастливленного судьбой престола его величества наместника всемилостивого [Аллаха].

[Далее следуют стихи автора такого же содержания.]

ГЛАВА XXXI

ПАМЯТКА ОБ ОГРАБЛЕНИИ СУЛТАНАМИ УЛУСА КАЗАХА ДЖАНИШ-СУЛТАНА И О ВОЗВРАЩЕНИИ СУЛТАНСКИХ ВОЙСК В ХАНСКУЮ СТАВКУ

/100a/ В середине месяца зу-л-ка'да девятьсот четырнадцатого года (**Начало марта 1509 г.**) произошла знаменитая казахская битва. Джаниш-султан бежал, а его сын Ахмад-султан был убит. Победоносные войска великих султанов-победителей с божьей помощью, преисполненные радостью от успеха, после победы отправились на грабеж и забросили в улус казахов жалобный плач и трубные звуки боя. Невозможно описать, сколько они награбили в той местности всякого добра, [сколько] унесли как добычу и [сколько] увели в полон. Язык [наш] в описании подробностей краток и не склонен к повествованию. В общем, доставили на повозках свыше десяти тысяч шатров! в повозки впрягли верблюдов и увезли с поля сражения. Ах какие шатры! Замки, воздвигнутые высоко, дома, построенные из дерева в воздушном пространстве.

Из березового дерева [казахи] весьма искусно делали очень прочные и крепкие стрелы и тахты с украшениями и производили разноцветные войлоки с необычайными узорами, и нарезанные ремни, очень красивые и изящные. Степень достоинства каждого жилища доводили до терема небес. А что касается домов и жилищ их знатных людей и султанов, то они представляли собой большие прекрасные шатры. Каждый большой шатер мог вместить двадцать или более человек, чтобы сидеть в нем спокойно и удобно. Такой большой шатер привязывали на повозке, в повозку впрягали несколько верблюдов и везли. */100б/* Внутри больших шатров находились женщины и дети знатных людей и начальников их. Одному узбеку-шибаниту подчас доставалось несколько больших шатров, и он тащил их из того сражения рукой разбоя, грабежа и добычи. А еще дома прочих людей. [Их] делали продолговатой формы с полным мастерством и изяществом, впрягали в повозку [с домом] одного верблюда или более. Спереди и сзади этих домов делали оконца, чтобы обитатели их могли выглядывать. Такого рода жилищ в руки славных воинов попало очень много.

Рассказ

В первый день, когда я, бедняк, присоединился за городом Йаси к августейшей ставке, высокостепенное ханское величество все еще не соизволил вернуться из **[129]** города Йаси в войсковой стан и я, бедняк, в тот день еще не видел награбленного войском имущества, которое отобрали у казахов. Когда я около юрты высокостепенного ханского могущества ознакомился с теми домами, которые увезли от казахов, я много удивлялся необычайному строению домов, которые [будто] воздвигли в воздушном просторе. Какие преогромные шатры я увидел, поставленные на колеса! Узрел я обширные дома с окошками, прикрытыми войлочными занавесками очень красивыми и искусными. Около жилищ всех султанов и эмиров я также видел подобные большие шатры и подвижные дома, и казалось, что вся ставка наполнена этими превосходными, стоящими на высоком основании домами, так что разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества.

На другой день, когда я удостоился чести беседовать в августейшем собрании, то в присутствии ханского величества я принес поздравление с победой и счастливым триумфом над врагами, сказав: «Всевышний бог о победе мусульман над неверными евреями племени Банй-Надир ¹³⁴ изрек: *Он дал вам в наследие их землю, их жилища, их достояние* (Кор., XXXIII, 27), то есть бог всевышний оставил в наследство мусульманам землю неверных, их страны и достояние, что соответствует данному случаю в том смысле, что землей и страной казахов были эти дома, которые перешли в наследство к воинам ислама, а их земля и страна /101a/ — вот эти дома-повозки — теперь унаследованы войском ислама, которое увезло их из той страны. При всяких завоеваниях победители увозят из жилищ достояние и имущество, а в этой священной войне привезли самые жилища. Следовательно, получение в наследство земли и страны в этом случае вполне ясно. В общем, воины августейшего величества завладели полностью подвижными домами с конями, верблюдами и теми средствами, которыми перевозят эти дома; все вывезли из этой страны...»

А что касается одежды, утвари, товаров, вьючных животных, коров, верблюдов, овец, то количество их сосчитать невозможно. Хотя августейшие войска находились в стране казахов свыше сорока дней и у них не было ни зерна хлебных злаков, все средства существования и еды их ограничивались бараниной. Как стало известно от достойных доверия людей, каждый человек ежедневно резал по несколько овец. Так как холод был чрезмерным, то все время горел огонь аппетита к еде. Был человек, который резал несколько овец и съедал, а конечности и внутренности их выбрасывал. Несмотря на то что множество народа, как мы упомянули, обнаруживали такую чрезмерность в убое овец, из той страны в города Туркестана пригоняли их бесчисленное количество. От надежных людей шел слух, что через несколько месяцев, когда августейшие знамена благополучно и невредимо возвратились из страны казахов, то рассказывали, что узбекский народ и жители Туркестана все еще заняты доставкой домов и овец казахов. В общем, подобного ограбления и потери имущества у войска казахов никогда не случалось. Такого позорного разгрома, который пришлось претерпеть от августейших войск, они ни в одну пору не испытывали. Все это — от могущества и счастья высокостепенного ханского величества.

/101b/ Короче говоря, после поражения войска казахов и завершения ограбления,[захвата] добычи и разбоя, которые производили августейшие войска, их высочества [130] великие султаны со славой и почетом, добившись целей и исполнения желаний, приняли решение возвратиться на поклон к высокостепенному ханскому величеству. Медленно, в полном спокойствии, отбросив всякую спешку, они передвигались от стоянки к стоянке. При сильной стуже, страдая от холода, они проявили терпеливость, чтобы победоносные воины в душевном спокойствии, не волнуясь, без тревоги и сомнений доставили добычу и награбленное в Туркестан. Через несколько переходов они в полном благополучии и с возрастающим счастьем удостоились чести прибыть и примкнуть к августейшей ставке. Чтобы достигнуть [возможности] облобызать подножие престола славы и прибежища халифата его ханского величества, тени Аллаха, наместника всемилостивого, они поспешили пойти по этому пути. Когда [они] удостоились чести явиться в августейшее собрание, его ханское величество, окинув всех великих султанов взором милости и царского благополучия, удостоил всех царской ласки.

Был издан высочайший указ, чтобы красноречивые писцы развязали перо изящного стиля и написали бы послания о победе во все стороны Туркестана, Мавераннахра, Хорезма, Хорасана, Кандахара, Астрабада до области Дамгана и довели бы до сведения жителей этих владений и до прибывающих по дорогам и путям картину этой великой победы, которая долгие годы была желанной целью знаменитых султанов и предметом стремления и желания высокостепенных хаканов, но рука ни одного высокостепенного

хана не срывала завесу победы с лица цели. Чтобы [писцы] с тонким красноречием, большим умением и мастерством довели до [сведения] моливших помощи и написали бы необыкновенно красивые послания, дабы память о хане распространилась и стала известной во всем брэнном мире на многие годы. И вышло высочайшее повеление, чтобы в начале каждого послания о победе написали по-тюркски эти начальные стихи ¹³⁵.

Красноречивые писцы, согласно августейшему повелению, усердно потрудились его исполнить, в совершенстве изготовили послания о победе, разослали [их] с посланцами по всем владениям и довели весть о славной победе до жителей всех городов и обитателей всех областей и краев.

Получил славу быть изданным августейший указ, чтобы вместе с посланиями о победе возили по Мавераннахру и Хорасану голову Ахмад-султана со свисающими на висках кудрями, /102a/ и, вывесив ее в каждом владении на несколько дней, били бы в барабан радостной вести, чтобы злополучные враги видели, что таков конец всякого, кто противится августейшему величеству: он увидит голову на шесте, а [оставшись] с головой — будет сидеть вдали от друзей и помощников. Слава Аллаху за. благодеяние, милость, дары и благоволение его и да получают подданные безопасных владений, особенно жители Куфина и области Бухары, полное покровительство вечносчастливейшей державы, потому что августейший кортеж для отмщения тем людям, которые в прошлом году (1507-08 г.) их ограбили и увезли добычу и попрали их ногами унижения и пагубы, обременил себя таким делом, как карательный поход и большой важный труд. [Его величество] по совершенному милосердию и состраданию, испросив [от Аллаха позволения] отплатить за позорные деяния казахов, отрубил голову Ахмад-султану, главе той смуты, и, обернув ее блестящими кудрями, привязал к столбу смерти. И благополучие мастерской казахов, которая в течение [131] долгих лет процветала на базаре всего света, было разбито управляющей рукой и ударом меча.

[Далее идут стихи.]

ГЛАВА XXXII

ПАМЯТКА О ВЫСТУПЛЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО НА ВОЙНУ С БУРУНДУК-ХАНОМ И О НАБЕГЕ НА УЛУС ТАНШИ-СУЛТАНА, БРАТА ДЖАНШИ-СУЛТАНА

Когда великие султаны, достигающие цели, вернулись обратно с войны на казахов и награбленное в улусе Джаниш-султана добро дошло до августейшей ставки, а следы радости от победы стали явны и отчетливы на лицах всех [людей], то покоряющее мир и захватывающее страны намерение высокостепенного ханского величества не удовольствовалося одной этой победой. Если бы кому-либо другому из султанов мира и государей арабов и неарабов досталась подобная победа, то, быть может, он сделал бы ее источником славы /102б/ и звуки барабана радостной вести разнес бы во все страны света, а по авторитетному и вескому мнению высокостепенного ханского величества она не имела значения даже соломинки и в высочайших помыслах [его] не стоила и горчичного зерна.

Ханские намерения не соглашались на то, чтобы воюющие мир войска повернули обратно из той кровавой страны и возвратились в области Туркестана и Мавераннахра раньше, чем копытами коней растопчут прочие земли казахов и главное зимнее стойбище Бурундук-хана. Ибо, когда сокол ханского решения полетел уже на охоту, то, до тех пор пока не схватит в орлиные когти небесного ястреба, возвращение его на нарукавник

счастья невозможно. Великим славным ханом казахов в то время был Бурундук-хан, а единственным богатырем и знаменитым [воином] того времени среди них — его славный брат Касим-султан ¹³⁶. Расстояние между их зимними стойбищами и местностью Кара-Абдал, где в то время находилась блистательная ставка сопутствуемого счастьем ханского величества, было, должно быть, дней пятнадцать пути. Обилие снега и льда и стужа достигали такой степени, что выше невозможно представить и рассказать, и описать их нельзя. Несмотря на потери сил и лишения, которым подверглись кони и верблюды победоносных воинов, и на то, что большая часть этих животных погибла от сильной стужи и снега, и они проваливались в каждую яму, ханские намерения решительно воспретили возвращаться из того места, пока он не искоренит улусы Бурундук-хана, Касим-султана и других казахских султанов и пока им не дадут попробовать вкус страдания и примерного наказания. Возвращение в области Туркестана при важных делах ханских намерений казалось чрезвычайно далеким. Поэтому в дни, когда султаны после сражения с Джаниш-султаном, его поражения, ограбления и убийства его сына возвратились, намерение ханского величества воевать с Бурундук-ханом стало бесповоротным. [Воины] выступили со стоянки в Кара-Абдале и сделали один переход в сторону зимнего стойбища Бурундук-хана. Во время этого перехода погибло свыше нескольких тысяч верблюдов и лошадей. /103а/ Весной снег падал на землю так же, юза как осенью сыплются листья с деревьев. Холод необыкновенно усилился, и от обилия сыпавшегося на пути снега у вьючных животных ноги совсем скрывались в снегу. [132]

Так как выпадавший снег от сильного мороза покрывался льдом — начало Овна так действовало на него, — то ноги животных не могли стоять на льду и погружались в недра снега. Это тоже увеличивало трудности прохождения по тому мучительному пути. Если у какого-нибудь верблюда или коня нога проваливалась под лед, то местами оседала в снег и лед по грудь. От слабости и бессилия, охватившие животных от бескормицы, они уже не могли избавиться и спастись от той беды, и в этой суматохе погибло много славных верховых лошадей и быстроходных верблюдов. В общем, во время этого перехода от сильной и мучительной стужи и слабости животных для воинов орды приключились большие бедствия в такой степени, что во всех других походах они подобных невзгод и трудностей не испытывали.

На другой день выступили и с той стоянки и прошли на этих славных ослабевших животных среди снегов и льда еще несколько фарсахов. Мучения и бедствия этого перехода удвоились, и на этом переходе [также] много погибло животных, и еще более ухудшилось состояние людей. Содержанию [слов]: *Там испытаны были верующие и потрясены сильным потрясением* (Кор., XXXIII, 11)! — соответствовало положение тех людей, и ни у кого не было силы о том говорить, потому что намерение его величества хана пойти на зимнее стойбище Бурундук-хана и Касим-султана и искоренить их улусы было бесповоротным. Если бы они таким порядком шли от стоянки к стоянке, то, быть может, через несколько переходов не осталось бы в живых ни одного животного из животных орды и уста тех людей о [своем] положении читали бы содержание [стихи]: *Неужели ты погубишь нас за то, что делали следующие лжи* (Кор., VII, 172).

ГЛАВА XXXIII

ПАМЯТКА О ПРОСЬБЕ СУЛТАНОВ; ЧТОБЫ АВГУСТЕЙШИЙ КОРТЕЖ ВОЗВРАТИЛСЯ ¹³⁷

Когда их высочества великие султаны воочию увидели гибель животных и уничтожение людей, то они со слов дошедших до слезного моления и терпящих нужду людей доложили августейшему собранию о полном беспорядке и гибели бесчисленных

животных и представили: «Слава богу, счастливый и преуспевающий в могуществе и полновластии кортеж /1036/ изволил выступить в сторону казахов. Улус Джаниш-султана, одного из великих казахских султанов, был подвергнут грабежу и захвату добычи; разгромленный и разбитый владетель улуса пустился в бегство, а его любимый сын был пойман арканом гибели. Победоносные воины в этом нападении добились успеха в ограблении и захвате многочисленной добычи путем похищения разного рода богатств и разнообразного дорогого убранства. Сегодня почти сорок дней, как августейшее знамя с совершенной славой, величием и великолепием стоит посреди страны казахов. Отряды и дружины победоносных воинов совершают набеги в разные стороны и грабят. В течение столь долгого срока ни один из казахов и людей улуса Бурундук-хана и Касим-султана не имел никакой возможности постараться и поусердствовать, [чтобы] хоть немного шевельнуться с места их пребывания и двинуться вперед со стоянки мужества и храбрости с намерением [133] защищаться и противоборствовать. Подобно приставшему к земле камню, подобно застывшему среди камышей льду, они никого не высылали на разведку, потому что вместо того, чтобы идти в поход, показать себя или быть побежденными — а это есть доказательство крайней слабости, которая заставляет их, спрятавшись в ямах среди зарослей, пустить по ветру всюду известную честь и славу казахов, — они решительно [не желают] выходить на поле боя и обороны. А августейший кортеж уже долгое время переносит разные невзгоды и неприятности пребывания в этих стесненных условиях.

Победоносные воины, несмотря на дальние расстояния, водят в эти области небольшие отряды, постоянно верхом на конях отваги и мужества доставляют в августейшую ставку со всех сторон этой страны награбленное и добычу. И до сих пор, пока в лошадях и в верблюдах еще замечались остатки жизни, в усердии и старании тех людей не было недостатка. О положении их уста гласят такие слова: *Ступай же ты и твой господь и сражайтесь вдвоем, а мы здесь будем сидеть* (Кор., V. 27.).

/1046/ Однако теперь, когда войско гибели повернулось на животных этих людей и среди коней и верблюдов раздался голос смерти и на каждом переходе их гибнут тысячи и больше, каждый всадник в долине кончины читает:.. *то ведь предел Аллаха приходит* — и погоняет коня жизни к стоянке смерти. Пока войско дойдет до пределов зимовья Бурундук-хана, не останется следа от их животных, у них нет иной еды и питья, кроме смерти.

Сейчас, если его ханская милость желает своему войску [сохранить] жизнь и существование, то [следует] ограничить думу о нем позволением войску возвратиться в области Туркестана. Может быть, остаток животных, которые сейчас страдают от бедствия исчезновения и смерти, спасется из этой пучины событий, бедствий, урагана несчастий и опасных мест на берег жизни. Иначе отсутствие пищи и сил загонит всех людей и животных в долину кончины».

ГЛАВА XXXIV

ПАМЯТКА ОБ ОТВЕТЕ ЕГО ХАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА СУЛТАНАМ

Когда отмеченные знаками величия султаны доложили с такой подробностью августейшему собранию его величества, наместника всемилостивого, о слабости состояния и полном развале войска, его величество, побуждаемый рвением и чувством чести, которые являются признаком царей высоких помыслов, соизволил сказать: «Мы приняли твердое решение пойти на священную войну с казахами и прибыли из Хорасана в область Мавераннахра, а могущественные сыновья и царственные братья еще раз

заострили свои смелые намерения, ступили на путь мужества и вторглись в пределы областей казахов. И, хвала Аллаху, была одержана такая славная победа, какая в течение веков и эпох не доставалась ни одному могущественному царю. Добыча и награбленное у казахов добро дошли до всех сторон нашего государства. Как же совершенство нашего решения, которое словно закаленный клинок рассекает чаяния коварных врагов, /1046/ позволит нам повернуть отсюда обратно, раньше чем Бурундук-хан и Касим-султан, око и светоч рода казахов, и предводители и военачальники славных ханов Кипчакской степи проглотят шербет мести из чаши нашего могущества и от ударов нашего меча отдадут тело [134] и душу в плен долины небытия, и мы пройдемся по полю сечи и битвы, тем более что оба войска приближаются друг к другу и близка встреча обоих полчищ? Если, предположим, они от отсутствия стыда не сделают предметом своего стремления защиту чести и доброго имени и не пустят стрелу смелости и отваги в наше войско, в яме сокрытия спрячут голову в воротник укрытия и не разорвут воинственной рукой завесу бытия, — как нам будет позволено после вторжения отступить и спокойным шагом пойти по пути возвращения назад, когда [враг] близок? Как решение царей позволит нам пойти долиной бессилия и небрежения, не протоптав -тропу борьбы на большую дорогу соперничества и противоборства?

Если даже предположим, не останется ни одного обессилевшего коня и верблюда, и все животные не смогут пройти эту кровожадную долину, то в нашем табуне сейчас имеется десять тысяч бесстрашных, сильных верховых верблюдов, каждый из которых бежит по земле и кружит по свету подобно ветру. В их слабом строении видна тысяча видов силы бежать. Во внешнем виде их, несмотря на худобу, заметны знаки совершать бесконечные переходы. Каждый быстроходный верблюд бросает крик своего прохождения на стоянки семи планет неба. Каждая верблюдица скоростью оживляет рынок пешеходов. В один миг, делая шаг, она на земле запечатлевает четыре луны и на каждом шагу из четырех хаузов своего вымени дает путникам приятную живительную влагу.

[Далее Ибн Рузбихан сравнивает верблюда со стрелой и смерчем и приводит свои стихи.]

/105a/ Поскольку у нас наготове такие верблюдицы и они дают возможность бродить по миру, то нам стоит посадить на десять тысяч верблюдиц десять тысяч славных молодцов, из которых каждый на поле боя кровожадный барс и в сражении — злой дракон. С подобающим вооружением и снаряжением мы успешно пройдем лютое расстояние до областей казахов и врасплох обрушимся наподобие предопределенного смертного часа на Бурундук-хана и [его] брата. Пробудясь от сна беспечности, они раскроют глаза на стоящую наготове смерть. Когда они предпочтут осведомленность омуту спокойствия, то увидят себя объатыми ураганом бедствий и поневоле душу оставят в узах гибели и смерти, а тело на аркане злополучия и плена. Достояние, средства существования, жилища и скот свой найдут уничтоженными бурным потоком грабежа и захвата добычи, а остатки их поспешат дорогой бегства и по пути утраты [всего]. А мы благодаря содействующему счастью и сопутствующему успеху победим и одолеем своих врагов и рукой отваги и мужества сотрем со страницы времен имена и следы неприятелей».

Славные султаны, несмотря на то что войско утратило способность и силу, читало стих: *Господи наш! Не возлагай также нанос то, что нам невмочь* (Кор. II, 286), не слишком глубоко вникали в эту отвагу и храбрость, а удивились совершенству решения и мужества высокостепенного ханского величества. Вдев послушные головы в ярмо покорности, они подтвердили и признали согласие [свое] на наступление и совершенно стерли со скрижали сердца знаки неповиновения ханскому мнению. Они

приступили [к своему] намерению пройти то опасное расстояние и направили свое внимание на зимнее стойбище Бурундука и Касима. Было решено на другой день тронуться в путь от стоянки к стоянке. [135]

ГЛАВА XXXV

ПАМЯТКА О ПРИХОДЕ ХУШХАБАРА И ПРОВЕДЕНИИ ИМ ВОЙСК К УЛУСУ ТАНИШ-СУЛТАНА ¹³⁸

Поскольку божественное счастье содействовало [хану], а основа царского благополучия была прочной, то из мира невидимого была оказана необычайная и удивительная милость, так что умы [человеческие] ею были ошеломлены. Она стала причиной сохранения жизни отмеченного небесной благодатью войска. А картина события такова.

/1056/ У некоего казаха из улуса Таниш-султана, брата Джаниш-султана, был индийский гулям в возрасте около четырнадцати лет. Вследствие дурной услуги, которая была им оказана, он подвергся страданию от когтей наказания и порицания господина и пояснице его доставили боль сильными ударами, и вследствие мучительных ударов и наказания он был охвачен страданием и болезненным беспокойством. В их улусе шла молва, что его высочество Суюндж-Хваджа-султан выступил на зимнее стойбище Джаниш-султана для нападения со стороны Ташкента и Туркестана. По обычаю узбеков, добыча и награбленное добро, которые захватывают при набеге, попали в его руки, и он возвращается обратно в области Туркестана. В улусе Таниш-султана не было совершенно никаких известий о прибытии войск, принадлежащих лично высокостепенному ханскому величеству. И этот народ совсем не слышал о происшедшей битве султанов с Джаниш-султаном, его разгроме и бегстве и об убиении его сына Ахмад-султана. О близости стоянки ханского величества к их стоянкам никто никоим образом сведений не получал, а в августейшей ставке тоже никому совершенно не было известно, что улус Таниш-султана от них близок, потому что казахи располагаются среди камышовых зарослей по берегу Сей-хуна вразброс. Между стоянками и зимними их стойбищами иногда бывают далекие расстояния. Вследствие снегопада, льда и сильной стужи они совершенно не имеют никаких сведений и известий о положении друг друга. Итак, у людей улуса Таниш-султана не было никаких вестей о прибытии войск ханского величества и о происшедшем с Джаниш-султаном, но они слышали молву, что Суюндж-Хваджа-султан сделал набег, пограбил и возвращается обратно. Поскольку судьба содействует и поддерживает счастье и благополучие ханских войск, в голову тому маленькому гуляму пришла мысль бежать от хозяина и скрыться из улуса, как бывает с гуля-мами, и пристать к орде Суюндж-Хваджа-султана. Когда он прошел сутки или более, то случайно вдруг скитальцу в пустыне бегства от хозяина удалось пристать к августейшей ставке и лагерю счастья и благополучия, вздымающих голову до высшей точки Айюка. Наступил конец дня и он понял, что это стоянка его величества хана. Тотчас же он направился */106a/* к царскому приемному шатру и обстоятельно доложил ханским амакчиям и чухраям о близости стоянок улуса Таниш-султана, об их неведении о прибытии счастливых и удачливых ханских знамена эти края, о спокойствии и высокомерии их, о легком способе взять у них добычу и ограбить. Те люди тотчас же довели [об этом] до сведения могущественных заместителей. От радостной вести все подняли знамя ликования и веселья. Его ханское величество того индийского гуляма за распространение радостной вести соизволил назвать Хушхабар («радостная весть»).

Получил честь быть изданным августейший указ султанам направиться в ту сторону, куда указывает этот гулям, но не слишком доверять сообщениям гуляма, [136]

потому что у вестника два недостатка в свидетельском показании: во-первых, [его] состояние в рабстве и, во-вторых, малолетство, [надо] раскрыть ворота бдительности и осмотрительности и соблюдать благоразумие и осторожность и ни в коем случае не допускать насилия и битья. Так приказал [поступить его величество], и все султаны с принадлежащими им войсками и окрестными людьми, в общем со всеми, кто имел охоту пограбить и захватить добычу, сделав гуляма проводником. пустились в путь.. .

[Далее описывается ночь и приводятся стихи.]

/1066/ Их высочества славные султаны, приведя в порядок войска и подняв знамя войны для [совершения] набега и резни, выступили из августейшей ставки. Это алчущее крови войско под покровом темной ночи шло быстро наподобие копья, вонзающегося в кровь врага, и словно стрела, [летающая] вслед врагу. Земля под его шагами от мужественного топота дрожала словно вода, а ветер от скорости бега резвых коней медленно ковылял вслед. Падающие звезды небес, быстрые как огонь, летящие по небосклону, гасли от стремительного их бега. Сияющий месяц, который проходит по небесной дороге, предоставил им путь ночного перехода. . .

[Далее описывается наступление утра. Говоря о восходе солнца, автор цитирует свои стихи.]

Их высочества славные султаны с войсками, приводящими к счастью, дошли до зимнего стойбища улуса Таниш-султана, брата Джаниш-султана, и застали там беспечных людей, погруженных в спокойный сон, с тяжелой головой и раздетых. Казалось, беззаботность накинута завесу на их глаза, и ничегонеделание и безрассудство воинов поставили их безопасность и покой на площади самоуспокоения. Содержание слов: *Когда мы сойдем на площадь народа, то плохо будет утро увещаемых* (Кор., XXXVII, 177) — соответствовало их положению. И ниспослание наказания, заключающегося скрыто [в словах]: *Разве обитатели городов были уверены, что к ним не придет наша ярость ночью, когда они спят* (Кор., VII, 95), */107a/* стало для них указанием пути в долину страдания и смерти. Когда их высочество султаны дошли до улуса, то они тотчас же в войско [казахов] бросили грохот литавр, [рев] труб и шум драки. Воинственные, привыкшие грабить узбеки-шибаниты выхватили из ножен мщения кровожадные сабли и вытащили из-за пояса мужества отнимающие жизнь кинжалы, двинулись на воинов улуса Таниш-султана. Казалось, шум того раннего утра печали и брани был образцом смуты утра дня Страшного суда. Сотрясение земли от топота копыт арабских коней, стирающих небосвод, воздействовало как страх; *Когда сотрясается земля сотрясением* (Кор., LVI, 4).

Таниш-султан с частью своих воинов и людей некоторое время бился за [свое] семейство, добро и достояние, но так как сопротивление этим знаменитым воинам выходило за пределы его силы и стойкости и превосходило границу его мощи и способности, то он в конце концов обратился в бегство. С тысячью трудностей и мучений, с сотней бед и огорчений он, посыпав голову прахом позора отступления, пролив слезы печали при прощании с семейством, добром и достоянием, спас жизнь. Все — достояние и добро, перевозочные животные, скот, караваны верблюдов, шатры, [137] большие палатки, одежда, кибитки, повозки, вьючные верблюды — подверглось набегу августейших воинов и разграблению...

[Далее Ибн Рузбихан передает в стихах содержание этого рассказа.] В этом набеге, как при нападении на улус Джаниш-султана, августейшей рати досталось во властные руки около десяти тысяч юрт с обитателями — луноликими девами с косами, как арканы, красивыми мальчиками, гулямами, невольницами, драгоценными вещами всякого рода. Все, что

было, вошло в круг завоеванного воинами. Их высочества славные султаны опять возвратились из этого сражения победителями. . .

[Далее следуют рассуждения автора о бренности мира и стихи на эту же тему.]

/1076/ ГЛАВА XXXVI

ПАМЯТКА О ВОЗВРАЩЕНИИ СВЕТОЗАРНОГО ЗНАМЕНИ ИЗ СТРАНЫ КАЗАХОВ В ОБЛАСТЬ СЫГНАК

Когда победоносные воины во второй раз одержали такую победу над казахами, то и на этот раз в их руки попала несметная добыча и богатство. Непрерывно приходили известия, что Бурундук и братья, услышав о движении на них победоносного знамени, выпустили из рук силы и твердости бразды стойкости и терпения, и обратились в бегство по пути бесславия и позора, и направились в Кипчакскую степь. Содержание этого бейта, который во время движения победоносного знамени в области казахов окончательно сложился в Туркестанской степи благодаря ниспосылающему вдохновению, сошло с уст сего влюбленного, как выше было упомянуто. Этот бейт таков:

Когда устремился на войну Мухаммад-Шир Шайбани,
Бурундук, словно лань, обратился в Китайскую степь.

Эта лань китайской степи, пустившаяся по пустыне дорогой неверной и порочной, узнав о движении сопутствуемых удачей знамен и признав сопротивление и противоборство выше пределов своих сил, поспешила по пути бегства.

Все главы и военачальники улуса казахов после присоединения к ним Джаниш-султана **/108a/** и попыток победы и отмщения людям, которые ограбили улус и пролили кровь его любимого сына на землю унижения и гибели и посыпали прах несчастья на темя его чести, поскольку дело оказалось выше их силы сопротивления и меры их стойкости, признались в слабости и бессилии и, ухватившись за полы отсрочки и всемогущего, тоже направились в степь с чадами и домочадцами, которые уцелели в той резне, не сделались пленниками несчастья и ужасов [и] с тысячью опасностей вынесли жизнь на спасительный берег. Услышав эти известия, августейшему уму высокостепенного ханского величества стало ясно, что те люди направились в степь, глотнув яду неистовой силы и смелости, [порожденного] желанием отметить. Собраться с силами после того, как они, [казахи], уйдут в степь, будет не лишено трудностей. Само собой, он отменил [поход] для остатков победоносных войск, **[138]** страдав ших от снега и охваченных несчастьем и бедствием от стужи. Барабаны пробили выступление с намерением [вернуться] в Туркестан, направились в Сыгнак. У большей части победоносных воинов животные из [числа] верблюдов погибли и пропали. И если в небольшом количестве животных еще теплилась жизнь, то они совершенно не годились ни для верховой езды, ни для [перевозки] грузов. Поневоле большая часть людей пустилась в путь пешком. Колчаны, которые у них раньше были подвешены к поясу, стрелы, которыми поражали врагов, теперь они ввалили на плечи; сердца друзей от того сокру**/108б/**шались.

[Далее следует описание коня Шайбани-хана, которого якобы не мог обогнать конь легендарного Рустама. Ибн Рузбихан рассказывает об искусстве верховой езды Шайбани-хана и сравнивает езду хана с ездой пророка Мухаммада.]

/109a/ В общем, отряды воинов, которые сопровождали его величество на том пути, в начале утра удостоились вследствие слабости перевозочных животных ехать при нем, и ханское величество двигался по своему усмотрению. Но когда наступил полдень и час пополуденной молитвы, от тысячи всадников вследствие слабости ездовых животных

осталось не более двадцати. Таким образом они ехали, передвигаясь от привала к привалу, очень медленно из-за бессилия верховых животных, обилия добычи и награбленного добра, кибиток, бесчисленных, несметных овец, которые попали в руки многолюдного войска. Если бы августейший кортеж подвигался быстро, то, возможно, многое из добычи осталось бы в том краю. Поэтому [ханское величество] совершал переходы медленно. Из удивительных событий одно было такое. Когда сделали два-три перехода по дороге на Сыгнак, некоторые осведомители сообщили, что в той округе в лесных и тростниковых зарослях есть юрты казахов, которые находились в незнании и неведении о прибытии шагающих по всему миру войск. Вышло высочайшее повеление, чтобы отряды победоносных войск все отправились на захват добычи и ограбление их. Воины напали на них со всех сторон и на том зимнем стойбище было захвачено около десяти тысяч юрт казахов с имуществом: скарбом, утварью и скотом — несметными, бесчисленными овцами. Победоносные воины, захватив в добычу все те юрты с обитателями, овцами и прочими животными и совершив ограбление, присоединились к августейшей ставке. Это был третий раз, как ограбили казахский улус, и каждый раз похищали около десяти тысяч юрт со скарбом, перевозочными животными и овцами, попадавшими в руки победоносных воинов. /1096/ В общем, такого ограбления, какое казахи в этих случаях испытали от августейших ханских войск, с ними, быть может, никогда не случалось, и, вероятно, никто то кровожадное племя ни в какие времена не подвергал подобному ограблению и захвату добычи. Когда всевышний Аллах из скрытых в потустороннем мире побед милостиво даровал подобную победу ханским войскам и совершающим великие подвиги ханским войскам досталось то, что есть крайнее благодеяние и милости, которыми награждает господь, то ханское величество, вознеся установленную благодарственную молитву за такую славную победу и исполнив обязательные предписания беспредельного восхваления и прославления, торжествующий и победоносный, отягощенный богатством и радостный, в славе и удовольствии через несколько дней, покуда шли по полному бедствий пути и очень страшной дороге, в день Арафы ¹³⁹, который бывает раньше дня жертвоприношения ¹⁴⁰, здоровый и невредимый, расположился с августейшим кортежем в городе Сыгнаке. Такое огромное дело успешно завершили благодаря силе устремленного к цели намерения. [139] Славную победу сделали украшением триумфальных знамен и своего непоколебимого могущества.

На рассвете счастливого дня высокодостойные султаны имели честь исполнить [обряды] поздравления с праздником новой победы и с праздником жертвоприношения. Все единодушно совершили восхваление и прославление великого государя, много благодарили [его]. Утром дня жертвоприношения его высокостепенное ханское величество соизволил исполнить обязательные праздничные, религиозные обряды у лучезарной могилы его величества, покойного Абу-л-Хайр-хана, как-то: совершение молитвы и величания и того, что подобает правилам поклонения и величания в этот славный и великий день. То высокое место он сделал местом проявления великолепия и величия и местом столов изобилия и щедрот. Глаз небес остался в изумлении и затмился от случившейся встречи подобного общества на могиле знаменитого деда и высокодостойного отца. Все вдоволь воспользовались ханскими дарами и хаканской благосклонностью и достигли своих целей и желаний, явились, чтобы достичь величия покровительства и ради устройства дел. О состоянии присутствующих по сравнению с высотой достоинства, степени, величия чести и славы его ханского величества уста произнесли следующие стихи. /110a/

[Далее следует хвалебная касыда, превозносящая Шайбани-хана выше Александра Македонского.]

Когда, хвала Аллаху и благой помощи его, могущественному величеству удалась такая знаменитая победа от щедрот творца, то [хан], здоровый и невредимый,

преисполненный качеств повелителя, со знаменем, подобно солнечному блеску, изволил вернуться из страны казахов в область Сыгнак.

[Далее Ибн Рузбихан говорит, что все это он изложил в своей книге красиво и доступно.]

Сейчас [мое] намерение таково: я опишу здесь картину своего состояния со времени, когда я расстался со счастливыми знаменами в окрестности Сыгнака, до момента, когда я снова обрел в прекрасном городе Йаси счастье служения его величеству, наместнику всемилостивого.

/1106/ ГЛАВА XXXVII

ПАМЯТКА О СОСТОЯНИИ ПИШУЩЕГО ЭТИ ЛИСТЫ СО ВРЕМЕНИ, КОГДА [ОН] ОТПРАВИЛСЯ В СЫГНАК, И ДО ТОГО. КАК УДОСТОИЛСЯ ЧЕСТИ СЛУЖЕНИЯ ХАНУ В ГОРОДЕ ЙАСИ

[Автор рассказывает о болезнях, которые он претерпел в пути. Сопровождавшим его лицам он велит написать под его диктовку завещание, чтобы над его могилой поставили плиту с надписью из трех бейтов на арабском языке, провели проточную воду и ставили кувшин для прохожих. Для подтверждения сути своего завещания Ибн Рузбихан приводит рассказ из хадиса о Са'ад б. 'Ибаде.]

/1126/ Описание города Сабрама ¹⁴¹ [140]

На третий день султанского Нового года ¹⁴² я со следами слабости и болезни захотел из города Сыгнака проехать в город Сабрам и в конце месяца зу-л-када (**Середина марта 1509 г.**) прибыл в Сабрам и нашел его необыкновенно приятным городом. Построен [он] в открытой, ровной степи. Он чрезвычайно веселый, светлый, с мягким, бодрящим воздухом, который придает разуму радость и силу. В окрестностях его, подобно овцам, пасутся стада диких коз и во всей округе растут и виднеются разного рода красивые деревья. Самый город окружен высокой стеной, которую нельзя быстро взять властной рукой, а вокруг нее неприступный ров, который препятствует казахам войти.

[Затем следует газель автора, сложенная им в честь этого города, где он хвалит казахских девушек.]

Его высокородие прибежище садров Маулана Шарафаддин 'Абдаррахим, да продлит Аллах его управление, происходит из этого радостного города, земля которого вначале была местом произрастания сплошных цветников, а жители его все отличаются доброй любезностью и прекрасными свойствами. Несмотря на остававшуюся слабость, в течение девяти дней **/113a/** в прекрасном городе Сабраме каждый день созывались собрания для собеседования, и образованные люди того края являлись на собрания и внимали чтению преславного маулана, Маулана Абу Саида Сабрами, книги «Светильники» (*ал-Масабих*) Багави ¹⁴³. Среди присутствовавших в собрании, слушателей бывал гордость сейидов и благородных людей сейид 'Абдаллах ал-Йамани ал-Хадрамаути. Остаток болезни все также был [моим] надимом и собеседником до тех пор, пока в субботу четвертого зу-л-хиджжа (**26 марта 1509 г.**) запретного я не обязал себя паломничеством к лучезарной могиле и благоуханной гробнице его святейшества, полюса времени, руководителя славнейших шейхов мира, Хваджи Ахмада ал-Йасави, *да освятит Аллах его драгоценную душу*. На рассвете этого дня я вышел из Сабрама, и в конце того же дня мы удостоились поклониться благословенной гробнице. По милости святой души того единого полюса я был в безопасности от злодейств и бед [того] времени. И [житье по] соседству с этой благодатной могилой и гробницей, вокруг которой вращается небосвод и которая является каабой шествующих по путям строгого воздержания и кыблой подвижников на пути служения богу, стало причиной уверенности и спокойствия.

В начале дня в той священной обители святых и обители мира друзей, где пришлось остановиться, [у меня] от крайней слабости не было сил сидеть, потому что я добрался до этого благословенного места сидя в *каджаве* ¹⁴⁴. Началось чтение нараспев всего Корана, и я совсем не предполагал, что смогу прочесть одну десятую часть. . .

/1136/ [Далее Ибн Рузбихан говорит о том, что шайх ал-ислам Шайх Шамсаддин Мухаммад Махим-шайх ¹⁴⁵, потомок Ахмада Йасави, читал ему книгу [141] имама Мухии ас-сунна ал-Багави «Светильники». Автор пишет, что шейха слушали его ученики, улемы, муфтии Туркестанского края, путешественники и живущие при мазаре. В городе Йаси автор прочел одно из сочинений Ахмада Йасави, написанное на тюркском языке. В заключение следуют хвалебные стихи автора в честь Ахмада Йасави.]

Описание здания гробницы Хваджи Йасави ¹⁴⁶

Город Йаси, который является гробницей его святейшества Хваджи, — обширное и плодотворное владение, столица областей Туркестана. Округа его свежи и цветущи, словно цветник. Это северная область окраины узбекских владений и конец путей из Андижана к границам Китая, которые являются восточной благоустроенной окраиной. */114a/* В город Йаси привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он, [город], является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам. Что касается здания гробницы его святейшества Хаджи, *да освятит Аллах его душу*, то оно — одно из достопримечательных построенных в мире зданий и удивительных творений сынов человеческих. Высоковозведенное куполообразное строение, рядом с которым здание пирамиды представляется невзрачным, а орел поднебесья летает под его сенью. Дворец Гумдан ¹⁴⁷ в Сане Йеменской оно [здание] называет вместилищем горя, своим превосходством разрушает его основание и швыряет в Садйр и Хаварнак камень неудачи. Суффа по высоте является редкостью во всем свете, аркада его по высоте ниже этого сталактитового свода [и] по высоте доходит до основания купола этой [гробницы]. Высоты айвана насмеваются над зубцами [башни] Сатурна, а ступени его ярусов, в смысле прочности не одобряют здание голубого небосвода. Двор его ханаки — рассказ о приятнейшем месте райского сада, а обширная площадь его намекает на ступени лестницы восхождения на небо. Его поглощающая сточные воды яма является образцом обильного [водой] водоема Каусара, доставляющего вечную прозрачную воду блаженной жизни жаждущим в долине искания, а глубокий колодезь его — начало источника Сальсабил, который дает отведать напиток отдохновения блуждающим в долине утомления.

[Далее следуют стихи автора, восхваляющие здание гробницы Ахмада Йасави].

В течение двенадцати блистательных дней я удостоился пребывать в соседстве этого возвышающего душу места, в уединенной молитве и благочестивом собеседовании в собрании, где поучал и сам учился, совершенно отказавшись от всего прочего. Мой взор ожидания был прикован к широкой дороге сошествия всемилостивого великодушия, то есть прибытия знамен хаканского величества хана. В этом месте услышания и принятия мольбы я воздымал руки моления за здоровье и невредимость его величества, чтобы приносящая удачу судьба и растущее с каждым днем счастье сделались путеводителем [его], и его величество изволил пожаловать. *Хвала Аллаху за это!*

/1146/ ГЛАВА XXXVIII

ПАМЯТКА О ПОЕЗДКЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ИЗ СЫГНАКА ДЛЯ ПОКЛОНЕНИЯ СВЯЩЕННОЙ МОГИЛЕ ХВАДЖИ ЙАСАВИ, ДА УВЕЛИЧИТ АЛЛАХ СИЯНИЕ ЕГО ВО ВСЕМ МИРЕ

Выше было упомянуто, что его высокостепенное ханское величество в день праздника жертвоприношения в городе Сыгнаке изволил остановиться ради исполнения обязательных праздничных обрядов. На другой день, который был началом дней ташрика [148](#), августейшая ставка снялась из Сыгнака, и остановка произошла в степи этой области. Через два дня небесный кортеж направил бразды в сторону города Сабрама, и [хан] соизволил повторить приятное лицезрение города, радостного и прекрасного края, воздвиг в предместье того владения шатер могущества. Выступив оттуда, поставили в степи города Йаси большой шатер великолепия и наместничества до высшей точки небес. В ночной беседе он соизволил принять решение поклониться его святейшеству хадже, да освятит Аллах его душу, и утром в четверг пятнадцатого зу-л-хиджжа (6 апреля 1509 г.) он поднялся над горизонтом города Йаси подобно сияющему солнцу. Надев на себя ихрам [149](#) поклонения могиле его святейщества хаджи и отвечая «слушаюсь» на призыв божий, он от чистого сердца совершил [ритуальный] обход вокруг той ка'бы прошения, побежал по тропе молящихся и со смирением и покорностью поспешил пойти поклониться к жилищу *муджавиров* из совершающих коленапоклонение и земные поклоны. То, что подобает по обязательным правилам прославления и чествования такого преславного и чтимого места, было исполнено почтительным слугой. Снаружи куполообразного здания, на краю западной суффы, которая находится у порога могилы, он оказал честь присесть, и чтецы слова божия приступили к благопристойному чтению нараспев. *Муджавиры* поднесли великолепные вкусные яства. . .

[Далее повествуется о разлуке автора с Шайбани-ханом. Ибн Рузбихан с ханом встретился только в городе Йаси, и на вопрос Шайбани-хана о его здорвй, автор ответил стихами *Саади*:

Я говорил, когда ты придешь, я расскажу о печали своего сердца.
Что бы мне рассказать, когда ты придешь, чтобы из сердца удалась печаль?

Ниже автор привел слова Шайбани-хана о пользе поклонения могиле Хваджи Ахмада Йасави.]

Затем [хан] изволил спросить о положении *мударрисов* и о степени их учености и установил, что некоторые ученики мои, которые учились в этих краях, получили разрешение преподавать хадисы и читать лекции в медресе, построенном эмиром Тимуром Чагатайцем, который построил и гробницу Хваджи и превосходительного сейида Шарифа Джурджанй, *да помилует его Аллах всевышний*, сделал там *мударрисом*. Он приказал, чтобы им и назначенным студентам выдавали содержание из его, [хана], личных вакфов и ханских пожертвований. Точно так же назначили *мударрисов* и студентов в Сабраме и в других городах Туркестана. **[143]**

Описание мечети в Йаси, которую повелел построить его ханское величество [150](#)

Всемиловитый строитель, его величество, изволил построить в городе Йаси чрезвычайно высокую мечеть. Возвышенный помысел его перевел взор от здания мира сего на вечное здание, согласно речению: *Тот, кто построит Аллаху мечеть, тому Аллах построит в раю дом*, подобный ей, достался он и воздвигающему здания мечети и основания мест поклонения. Пройдя во врата обещанной мечети, он еще раз соизволил обновить знаки следов [своего] правоверия, [чему] свидетельствуют слова: *Если увидите, что человек обязался [построить} мечеть, то свидетельствуйте, что он исповедует истинную веру*. [Это] такая мечеть, высокий купол которой достает до вершины древа лотоса и могучее здание которой представляет очам народа образ [храма] Байт ал-акса [151](#). Ее линии напоминают линии обещанных гробниц благочестивых [старцев], и врата ее раскрыты пред лицом набожных людей. Великий собор города Йаси, высокая мечеть, ныне тому доказательство.

/116a/ [Далее автор приводит стихи своего сочинения, восхваляющие мечеть в Йаси.]

Когда хан освободился от обязательных обрядов посещения и от обрядов поклонения, обнаружились милости и благодеяния господа над прибежищем наместничества, то он, попросившись со священным мазаром, исполнил долг поклонения [могиле] ее величества «Высокой колыбели», великой супруги, пречистой родительницы его высочества, прибежища царства Мухаммад-Тимур-султана, которая удостоилась чести быть похороненной рядом с могилой святейшего Хваджи Йасави. В полдень того же дня [хан] отдохнул в Чахарбаге за городом Йаси.

Его высочество Кучум-султан приступил к обязанностям устройства торжества. В конце дня перешли в августейшую ставку, расположенную в степи Йаси. Оттуда выступили к Сейхуну, чтобы перейти через него по переправе у Аркука.

ГЛАВА XXXIX

ПАМЯТКА О ПЕРЕПРАВЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ЧЕРЕЗ РЕКУ СЕЙХУН, ИЗВЕСТНУЮ ПОД [НАЗВАНИЕМ] РЕКИ ХОДЖЕНТ, С НАМЕРЕНИЕМ ВОЗВРАТИТЬСЯ ИЗ ТУРКЕСТАНА В РАЕПОДОБНЫЙ САМАРКАНД

Поскольку благодаря божьей милости доброта беспредельной благосклонности [есть] помощь в ведении священной войны, достойной обладателя великого владения и наместника преславного халифского достоинства, то она дозволила его ханскому величеству, прибежищу халифата, возвратиться домой здоровым и невредимым с той похвальной войны, и уста бойцов за веру восторженно провозглашали: *Возвращающиеся, кающиеся, поклоняющиеся господу нашему, восхваляющие* (**Вольно переданная часть стиха. Кор., IX, 113**)..., то проникательный ум его величества наместника всемилостивого соизволил подумать о защите пограничных областей Туркестана. Управление теми владениями было закреплено за Саид Ашиком, славой господства и надзора, опорой окрестных [144] эмиров и хакимов. Названный [Саид 'Ашик] прежде был вали священной гробницы Ризы, а ныне он управляет областью Карши со стороны дивана его высочества прибежища султанской власти, Мухаммад Тимур-султана. Управление стольным [городом] Ташкентом и подвластными ему землями, которые называют областью Шаш, было закреплено за его высочеством Кучум-султаном. Престол Андижана до границ Кашгара был закреплен за его высочеством, прибежищем султанской власти, Суюндж-Хваджа-султаном. После исполнения всего необходимого для защиты тех областей и назначения правителей и даруг августейшие знамена в намерении направиться в сторону Самарканда двинулись к переправе через реку Ход-жент и вышли из округи города Йаси. Через четыре перехода, которые сделали в весеннюю пору среди цветников яской степи и вдоль берега реки, отдых августейшей ставки состоялся на берегу реки Сейхун, напротив крепости Аркук. Еще раньше вышел высочайший указ, чтобы туркестанский казий и казий Сабрама для переправы августейших войск /116б/ связали на реке Сейхун плоты и построили из судов переправу и мост. Так как стояли весенние дни и воды очень бурлили, то устройство переправы было не лишено трудности. Несколько раз суда связывали друг с другом, производили предварительные работы, но бурный паводок и обилие воды разрушали их. В конце концов решили переправиться на тех судах, которые были приведены для наведения моста. Кстати, это было в такое время, когда вода Сейхуна, благодаря обилию, кипела и бурлила. Каждая волна этой переполненной реки была похожа на гору Каф, [нависшую] над океаном; каждая струя этой кровожадной реки была подобна бездне небосвода на просторе волнующегося моря волн. Каждая волна — чудовище, силой вырвавшее с корнем деревья лесных зарослей и тащившее их с собой.

Если бы ей встретилась на пути гора, она снесла бы ее как песок на дно пучины. Она — будто зеленое море небосвода, по которому плывут корабли, подобно звездам на синем небе, согласно слову: *И каждая плавает по своду* (Кор., XXI, 33). Или она — будто море событий времени, в бурление и кипение которых все схвачены и втянуты. Шум волн ее — это рассказ о битве полчищ, погружение в пучины ее животных и зверей, это подобие погружения душ в геену огненную...

[Далее идут стихи без указания автора, возможно, что они принадлежат Ибн Рузбихану. В них дается описание Сейхуна при паводке.]

В общем, в самое бушевание реки Сейхуна мы остановились на берегу ее с намерением переправиться [на другую сторону]. На краю этого кровавого моря стояло бесчисленное множество людей с [вьючными] животными и скотом, пораженных, не знающих, что предпринять. Там были собраны несколько судов, готовых для перевозки ханского имущества, снаряжения и утвари. Остальные, каждый кто находил силу построить плот из тростника и дерева, прилагали к тому старание и с большим трудом переправлялись через лютую реку. В суматохе этих происшествий погибло и пропало множество верблюдов и [других] животных и много пожитков людей, вроде добра, [необходимого] для здоровья, потонуло в глубине беспредельной реки. Несмотря на то что ко мне было /117a/ почтительное и бережное отношение со стороны знатных амакчиев и эмиров, я не мог найти столько возможности, чтобы переправить своих верблюдов по бокам судна: все еще [во мне] оставались следы слабости. В общем, верблюды погрузились в ту бескрайнюю реку [145] и все потонули в бездне гибели. В самую передрагу и давку на опасной переправе, несмотря на телесное недомогание, у меня в мыслях сложились вот эти стихи:

В Туркестане я так жестоко страдаю от мук и лишений,
Или в Йаси [себе] устрою могилу, или потону в Сейхуне.

В общем, в том опасном походе в силу необычайности божьего предопределения наблюдались удивительные дела. Однако в них содержалось много поучений и тонкие вопросы богословско-философских наук. Однажды в городе Йаси во время усиления болезни и продолжения разных несчастий, из которых каждое могло быть причиной гибели тела, [мне] пришло в голову, что этот полный опасностей поход может обеспечить воздаяние в загробной жизни и быть причиной достижения желаний на этом свете. Но все же мне не подобало бы менять клад отшельничества и угол одиночества на эту суматоху и шум, а [лучше] бы в тихом месте спокойно заниматься преподаванием и сочинительством. Оставить Герат в полном здравии и пойти в Туркестан, подвергнуться там разным бедствиям, испить яд разлуки с друзьями и горечь болезней и пыток, несмотря на существование [во мне] силы воли предпочесть Герат Туркестану, [все это] было очень далеко от здравого смысла и казалось далеким от пути знания и разума. . .

[Затем описывается диспут, где обсуждался вопрос о судьбе. Темой диспута было: «Судьба и превосходство предопределений божьих над мерами человека».]

Словом, августейшие знамена в середине месяца зу-л-хиджжа (**Первые десять дней апреля 1509 г.**) переправились через реку Сейхун и в конце того же дня, снявшись с берега реки, проехали мимо крепости Аркук. Августейшая остановка произошла за крепостью Кучан ¹⁵², из числа туркестанских крепостей. Оттуда [хан] соизволил начать движение по степи, которая находится между Туркестаном и Самаркандом, делая переходы и остановки вдоль берега Сейхуна. Распространяя на каждой стоянке и переходе разного рода полезные поучения, благополучно направились в области Мавераннахра. Была

весенняя пора. Какая весна! С наступлением весеннего равноденствия пришли дни милостей господних. . .

[После этих слов в присущем Ибн Рузбихану стиле следует восторженное описание степи. Описание автор сопроводил стихами.]

/118a/ Когда посередине зеленого поля, свежего и цветущего, воздвигали престол халифата и его величество делал основание этого трона местом величия и могущества, он соизволил сказать: «Эта местность расположена напротив области Отрар и Халадж ¹⁵³». Все эти луга, которые сейчас подобны изящной и красивой линии молодости, блеску радости и кокетства, в пору Близнецов (***) - соответствует маю) заполняются травами, от изобилия которых стада диких [животных] становятся невидимыми, хотя они пасутся повсюду и их время проходит в спокойствии и благополучии. У них, [животных], нет и тени страха пред хищными зверями, нет в этом округе никого, кто бы осмелился [своей] охотой нарушить их спокойную жизнь. Нет сомнения, что они проводят время в полном спокойствии и становятся очень жирными в такой степени, что устают от быстрой ходьбы и движения. Можно сказать, что в это время побережье реки Сейхун от множества травы, речной и земной дичи, приятности воздуха, чистоты земли представляет рай.

[Далее автор приводит стихи такого же содержания.] **[146]**

Описание засолоненной степи Самарканда ¹⁵⁴

Итак, мы шли от стоянки к стоянке по пространству той степи, пока через восемь дней [пути] от берега реки Ходжента не вступили в засолоненную степь ¹⁵⁵ Самарканда. Эта степь удивительно кровожадна, пустыня необычайно знойная. Песчаные холмы ее словно горы, а глубокая низина ее — бездна преисподней. Для путников она сделалась бедствием для души и жизни. */119a/* Растительность той пустыни беспощадна, не дает защиты никому, кроме тушканчиков и ящериц. Кроме аравийского терновника, в ней никто не позарился поселиться. Небо над ней от обилия мути и пыли похоже на землю, а земля ее, словно небо в хмурую ночь, — темна и пыльна. Ее овраги будто долины адского огня, друзья и наперсники раскаленного зноя там-муза. Почва ее — пыль серы, которая воспламеняется каждый день от жары. Вода в ней — философский камень, ибо ничей ум не может постигнуть, где ее источник. Воздух ее называет ветер самум зephyром райских садов. Огонь ее *шадзкар ан-нар* гонит всех в долину смерти. Солончаки ее — злосчастье для влюбленных, ибо в ней не растет трава надежды, или несчастье для обиженных судьбой, где погрязли ноги счастья и бегут лишь тропой невзгод. Почти три-четыре фарсаха [нужно] пройти по соляным долинам, так что если с неба выпадет лишь немного росы, то славнейшее конное войско будет слабее муравья, проходящего по поверхности чаши меда; гонец мечты о миновании ее — это проводник в долине смерти.

[Далее то же самое изложено в стихах.]

Следуя по той соляной степи, проходя по лютой пустыне, августейшей ставке случилось остановиться в одном рабате, где имелась водяная яма. После вечерней молитвы из Хорасана прибыл счастливый вестник и доставил донесение превосходительного эмира Камбар-бека ¹⁵⁶, правителя Мерва. Названный [эмир] в это время был назначен с хорасанскими войсками на осаду крепости Келат. Его донесение принесло весть о взятии с помощью покоряющего могущества счастья той, подобной Хайбару ¹⁵⁷, крепости вместе с головой Фаридун-Хусайна, сына Султан-Хусайн-мирзы, осажденного в той крепости, и головами других злодеев, которые в битве за крепость сложили их в долине несчастья и смерти. Поскольку взятие этой крепости является одним из милостивых деяний господних и славных знаков ханского могущества и счастья, здесь

будут рассказаны подробности этого события, чтобы стало известно, как в одном наступлении божественная помощь соизволила объединить взятие слугами августейшей державы крепости Келат с победой в стране казахов. *А помощь исходит от Аллаха, защитника, коему поклоняются.*

ГЛАВА XL

ПАМЯТКА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КЕЛАТ В ГОДУ ПОБЕДЫ НАД КАЗАХАМИ

Из неприступных крепостей мира и крепких замков вселенной самая знаменитая есть ось небосвода — Келат. Эта крепость в минувшие времена и предшествующие эпохи была опорой и местом пребывания и покоя царей земли Иранской. [147] Положение ее, как частью наблюдается воочию, а частью было слышано от людей надежных и осведомленных, таково: бог, велик он и всемогущ, сотворил среди гор страны Тус несколько незыблемых гор. Все те горы являются как бы крепостными стенами. Каждая гора вознесла вершину до высшей точки небосвода, а подножие мощи возвела выше небес. Посредине этих гор есть несколько фарсахов ровной земли, которая вся годится для хлебопашества и обработки. В центре гор появляются из источников и от дождей воды (***) *здесь: горные ручьи* для орошения. Благодаря излишку воды для земледелия в той крепости, который уходит наружу, [соседние] области благоустроены. В горных ущельях имеется много дичи, которая поступает в помощь питанию жителям крепости. В общем, неприступность и сила сопротивления крепости поражают разум, а глубина рва вокруг нее [заставляет] витать воображение. Серны ее гордо вознесенных вершин бодают рогами соревнования Козерога небес, а зубцы ее замка насмеваются над высотой крепости Сатурна. В завоевании ее аркан разума бездействует, ибо в ней нет ни возможности сойтись, ни места для боя. Поскольку крепостные стены — высокие, непоколебимые горы, проникнуть внутрь нее посредством подкопа нельзя, а поскольку твердость гор отражает дробящие камни, то камнеметы и пушки перед ней жалки. Долгие годы осады никакого вреда для гарнизона не причиняют, потому что пищевые запасы его заготавливаются с помощью земледелия и охоты, а затруднения от скудости воды у них представить себе нельзя. Каждый, кто укрепился в той крепости, может в час беспечности подвергнуть окрестные владения ограблению и уничтожить до основания строения жителей той страны.

/120a/ [Далее автор цитирует стихи, где дается описание крепости.]

В то время когда владение Хорасана было в руках джагатайца, Султан-Хусайн-мирза отдал эту крепость вкупе с областью Тус в руки сына своего Кепак-мирзы ¹⁵⁸. Тот в крепости сложил большие запасы и укрепил в ней свое семейство и людей. Когда Кепак был убит в Мешхеде клинками ханского войска, эта крепость с остальной областью Туса, Нисы и Баверда попала под власть его величества хана. И когда все враги державы потерпели неуспех и несчастье, никто не позаботился охранять тот крепкий замок до того года, когда августейшие знамена вознамерились пойти в Бухару для отражения казахов. В первый раз после завоевания Хорасана сыновья Султан-Хусайн-мирзы пришли в Хорасан. Некий Шах-Мухаммад Диване из джа-гатайских бахшиев прибыл в вилайет Баверда, и люди этого вилайета, негодующие [на Шайбани-хана], испугались и стали опасаться вследствие дерзости, которую они проявили в убийстве даруги Баверда. Шах-Мухаммад их ввел в заблуждение, совратил с пути послушания и вместе с ними укрепил крепость Келат. Людей тех было много, и они сочли крепость основой защиты благополучия, души и достояния своего. Всех увели в ту крепость. Они открыли ворота неповиновения и сопротивления и начали чинить насилия над слабыми. Они приготовились, несколько раз спустились из крепости и производили опустошения в областях Мешхеда и Туса. После

возвращения в Мавераннахр вышло высочайшее повеление их осадить. Для устранения злодеяний тех разбойников и для воспрепятствия мучительству своевольников августейшие знамена двинулись из стольного города Герата на осаду той крепости. Собрались окрестные войска и несколько раз вступали в сражения [148]

Но, поскольку нет никакого способа захватить крепость, как уже было написано, некоторые бахши, находившиеся в августейшей ставке, имели честь представить в прошении и просьбе о защите, что Шах-Мухаммад, дескать, докладывает, что если высочайшие знамена, оказав внимание и сострадание, снимут осаду и произойдет отход на зимовье к Мерву, то я, мол, выйду из крепости, сдам ее [ханским] слугам и удостоюсь счастья явиться на поклон [к хану] в Мервской области. Ханское величество изволил сжалиться, смилостивиться и отойти в сторону Мерва. В зимнюю пору он несколько времени пробыл в Мерве и наконец отправился в Бухару. Шах-Мухаммад не сдержал обещания. В то время когда августейшие знамена пребывали в Мавераннахре, Фаридун-Хусайн, /1206/ сын Султан-Хусайн-мирзы, которого милость ханского величества отпустила из крепости Дамган, оказала [ему] покровительство, отправила в Ирак и отказалась от отщепенства, в это время возвратился в Хорасан и подошел к крепости Келат. Шах-Мухаммад впустил его в крепость. Фаридун-Хусайн написал послание к эмиру Камбару и эмирам, державшим осаду, и заявил в нем, что я-де раб ханского величества и его величество отказался от мщенья мне и я, покуда жив, буду слугою и рабом его приказа и сохранию крепость для слуг [его]. Когда лучезарные знамена будут возвращаться из страны казахов, я сдам крепость, а сам удостоюсь примкнуть к августейшему кортежу. Превосходительный эмир Кам-бар его представление отослал к подножию высочайшего престола, и представление было доложено в Кара-Абдале.

ГЛАВА XLІ

ПАМЯТКА О ЯВЛЕНИИ ХАНСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ «ЧУДА» ¹⁵⁹ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЗЯТИЯ КРЕПОСТИ КЕЛАТ

Из замечательных «чудес» ханского величества было явлено «чудо» весьма изумительное. Один из приближенных его величества рассказал, что когда прибыло донесение эмира Камбара и он в нем сообщал об изъявлении покорности Фаридун-Хусайном, и содержание донесения указывало на взятие крепости Келат, то некоторые из присутствующих доложили: «Дескать, крепость Келат взята, было бы уместно пробить в барабан радостной вести». Его величество изволил ответить:

«Поскольку полного взятия еще не случилось [и] по одному только этому письму искренность речей, связанных Фаридун-Хусайном, не ясна, то бить в барабан радостной вести не представляется уместным». Он изволил произвести эти слова и на некоторое время погрузился в думу. Потом поднял голову и сказал: «[Теперь] пусть бьют в барабан радостной вести, ибо крепость взята». Люди изумились этому, ибо запрещение пробить радостную весть и разумное указание повременить бить в барабан, а вслед за тем сразу же приказание огласить и объявить радостную весть о победе — дело, происхождение которого, должно быть, потусторонний мир. После объявления победы стало известно, что святой возвышенной душе его величества, согласно слову: *Люди могущественные вдохновляются [свыше]*, та мысль стала ясна путем вдохновения и в то же самое время в зеркале сокровенного мира представилась картина победы, обнаружилась и проявилась в силу внутренней чистоты его величества в его душе. /121a/ А картина, как происходило взятие крепости, была такова. Эмиры, осаждавшие крепость, слышали, что громадный сель хлынул в крепость и [149] разрушил крепостные ворота. Храбрецы августейшего войска вместе с эмиром Абкашем отважно взобрались наверх со всех сторон крепости и

завязали бой, но наступление их успеха не имело, а сидящие в крепости исправили место, где прорвался сель. Однако некоторая часть людей, сидевших в осаде, вошла в соглашение с находившимися снаружи крепости победоносными войсками, и они обещали, что, когда те пойдут на приступ, эти вошедшие изнутри в соглашение люди введут отряд победоносных войск путем, оборона которого лежала на их обязанности. Согласно этому договор между ними был приведен в действие. Эмир Камбар со своим войском завязал бой, а люди внутри крепости, заключившие соглашение, крепость отдали. Перед августейшим могуществом открылись ворота победы. Эмир Камбар со своими воинами вошел внутрь крепости. Шах-Мухаммад Дивана бежал и горной дорогой ушел в крепость 'Имад ¹⁶⁰. Фаридун-Хусайн, убежав и скрываясь, попался в руки августейших войск и пострадал: ему отсекали голову, которая была головой всяческого зла и несчастьем любой головы. [Ее] с другими головами и донесением о победе отослали к подножию высочайшего престола. После вечерней молитвы в степи выше Самарканда к подножию высочайшего престола прибыл посланец эмира Камбара и накры радостной вести пробил еще раз. То, что его величество наместник всемилостивого постиг с помощью божественного вдохновения и таинственного наставления, объявилось. Случайно в ту ночь я, бедняк, расположился вблизи спальни его хаканского ханского величества, и по причине радости от той победы, которая была преддверием других побед, я очень возликовал и приступил к обязательному исполнению [благодарственной] молитвы за победу и молитвы за благополучие [его величества]. В ту же ночь из мира сокровенного в сердце-запала эта кыта и стихи ее запечатлелись на скрижали сознания. Вот эта кыта:

Счастьем Мухаммад-хана Шайбани, мудрого шаха,
Казахи повержены, и дело [их] пресечено.
Еще на душе ощущалась от того приятность сладкого вкуса,
Как со стола, дарующего победы, пришло другое благо.
Началось с Келата, удалось взятие крепости!
Этакая победа пришла из сокровенного мира, такая победа в начале!

/1216/ На другой день августейший кортеж, выступив от колодца в степи, остановился в окрестности крепости Саур, которая является началом самаркандских владений. Поздним утром эта кыта была доложена и была с одобрением принята. Когда августейшие знамена прибыли в Мерв, некоторые из сподвижников рекомендовали кыту эмиру Камбару и названный эмир попросил меня, бедняка, прочитать ее. Я, бедняк, ему прочитал. Прочитав три двустишья, я экспромтом присоединил к тем бейтам еще этот бейт:

Всякий, кто станет гулямом владыки мужей, сотню возьмет крепостей.
Ворота Хайбара сломал 'Али, а ворота крепости этой — Камбар.

В общем, из-за завесы сокровенного мира явилась такая победа. При радостной вести об этой победе, ставшей причиной благоустройства Хорасана и безопасности жителей этой крепости, во все сердца вселилась разного рода радость и удовольствие. Августейшее знамя с остановки в Сауре направилось в богоспасенный Самарканд. *А помощь от Аллаха единого. [150]*

ГЛАВА XLII

ПАМЯТКА ОБ ОСТАНОВКЕ АВГУСТЕЙШИХ ЗНАМЕН В БОГОХРАНИМОМ САМАРКАНДЕ

Когда августейшие знамена, миновав остановку в крепости Саур, расположились посередине вилайетов 'Алиабада и его высочество, прибежище султанской власти, Мухаммад-Тимур-султан, отделившись в Туркестанской степи, двинулся вперед на

Самарканд, то вельможи и жители Самарканда, представив себе, что чудесно счастливые знамена войдут со стороны Бухары в область Мавераннахра, пошли навстречу по другой дороге. Когда его высочество султан изволил сделать остановку, они, осведомившись о близости места остановки августейшего кортежа, удостоились лобызания подножия престола [всемилоствивого] и принесли поздравления [по случаю] победы над казахами с обязательным пожеланием добра и восхвалением, подобающими высочайшему кругу и собранию. Милость его величества наместника всемилоствивого обласкала всех и расспросила [о здоровье]. К ним было проявлено много сочувствия и соболезнования. На первом собрании шла речь о многих научных темах и ученых определениях, пришедших на ум по наитию сокровенного мира во время туркестанского похода. На меня, бедняка, была возложена [обязанность] произвести проверку некоторых из этих тонких определений.

/122a/ На другой день августейшие знамена, выступив с той стоянки, соблаговолили остановиться в двух фарсах от Самарканда. Оттуда [следующей] остановкой случилось быть местности Хваджа-Дйдар ¹⁶¹. На этой остановке имели честь прибыть ее величество родительница государя с обществом царского гарема, которая отправилась из Бухары для встречи. Его величество, прибежище султанской власти, Абу-л-Хайр-султан удостоился лобызания руки его величества наместника всемилоствивого и взор надежды ее величества был обрадован свиданием с дорогим сердцу сыном. Августейшее сердце наслаждалось и ликовало от счастья этой встречи. На другой день, в четверг восьмого числа месяца зу-л-хиджжа (19 апреля 1509 г.), чудесно счастливые знамена, переправившись через реку Кухак, изволили остановиться в богохранимой столице Самарканде. Баг-и Нау ¹⁶², который находится за воротами Чахаррахе ¹⁶³, сделали местопребыванием трона халифата и престола великолепия и власти и снова прекрасный город Самарканд сделали местом распространения деяний правосудия и источником важных дел милости и внимания. . .

[Далее описывается Самарканд, который автор называет земным раем. В заключение Ибн Рузбихан повторяет свое восторженное описание в стихах.]

/122b/ Описание праздника, устроенного в первый деньего высочеством Мухаммад-Тимур-султаном в Баг-и Нау ¹⁶⁴

В этот раз пребывание обладателя престола имамата в этом веселящем сердце городе продолжалось четыре дня. В первый день, когда среди цветов сада Баг-и Нау разбили величавый шатер наместничества и проворные [слуги] искусно и красиво убрали праздничное место собрания, в этот блистательный день его высочество прибежище султанской власти Мухаммад-Тимур-султан, предварительно устроив все необходимое для торжества, распахнул перед прибывающими ворота щедрости [151] и снисхождения к накрытым столам. Состоялось превеликое пиршество и роскошное собрание до тех пор, пока на небесный стол и скатерть поставили Млечный путь и звездные кубки. Никто не видывал столь роскошного стола.

Люди занимали места вокруг этого просторного и возвышенного места по сословиям, согласно различию степеней и чинов. Вельможи и эмиры славных войск расположились и заняли места под тенью больших зонтов и шатров.

Высокий шатер, который был местопребыванием августейшего собрания, наполнился славными султанами, выдающимися улемами, могущественными эмирами, влиятельными учеными. После отдания должного ученым диспутам состоялся диспут о

жертвенном животном казахов. Диспут о предписании войны с казахами, о котором я упомянул в этой книге, был начат мной. . .

[В заключение автор цитирует свои стихи, где восхваляется щедрость Мухаммад-Тимур-султана.]

ГЛАВА XLIII

ПАМЯТКА ОБ ОСМОТРЕ ЕГО ХАНСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ САМАРКАНДСКОЙ МЕДРЕСЕ

На второй день хан решил отправиться на прогулку в Мадраса-йи 'Алиия, которая построена лично его величеством. В субботу утром подвели к дворцу халифата коня счастья и благополучия под красивым седлом и в убранстве. Его ханское хаканское величество счастливо воссел на коня, а присутствовавшие могущественные султаны, сановные улемы и славные эмиры под сенью знамен оси мира, сопровождая [его величество], въехали через ворота Чахаррахе в бесподобный город Самарканд. . . Августейший кортеж, миновав спокойно и важно рыночные площади этого города, соизволил остановиться у высшей ханской медресе. . .

[Далее следует в форме рифмованной прозы описание медресе Шайбани-хана в Самарканде, недалеко от которого был похоронен брат хана Махмуд-султан. Шайбани-хан, будучи в медресе, поклонился могиле брата, а затем вместе с улемами приступил к диспутам.]

Я, ничтожный бедняк, сел возле могилы напротив августейшего собрания. Когда чтецы Корана кончили читать нараспев Коран и пожелали молитвой продления счастья, его величество наместник всемилостивого, оказав мне, бедняку, с особой милостью и благосклонностью внимание, попросил сесть поближе и начал задавать вопросы. Подобаает упомянуть здесь некоторые из тех ученых сообщений, которые были на том собрании.

ГЛАВА XLIV

ДИСПУТЫ АВГУСТЕЙШЕГО СОБРАНИЯ, [ПРОИСШЕДШИЕ] В ХАНСКОЙ МЕДРЕСЕ В САМАРКАНДЕ

После того как [хан] попросил меня, бедняка, сесть поближе, первый вопрос, который он соизволил задать, был следующий: «Каков по сунне [пророка] размер высоты могилы и ее форма?» Я, бедняк, ответил: «По сунне высота не превышает высоту пяди...» [152]

[Диспут ограничился вопросами о высоте могил и намогильных строениях. Автор отвечал на вопросы Шайбани-хана и других улемов и приводил в подтверждение своих слов высказывания Шафии, Абу Ханифы, Малики, Несаи и др.]

ГЛАВА XLV

ПАМЯТКА О ТОРЖЕСТВЕ, УСТРОЕННОМ В КАН-И ГИЛЕ ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ СУЛТАНОМ ДЛЯ РАБОВ ЕГО ХАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

/126a/ За городом Самаркандом есть яйлак, называемый Кан-и Гил ¹⁶⁵. Я слышал от некоторых ученых, что он якобы является местом, избилующим агиром и его называют тюркским агиром. . .

[Описывая окрестности Кан-и Гиля, Ибн Рузбихан пишет, что над рекой Кухак и на холме расположена обсерватория и что ни в одной стране не найти яйлака подобного Кан-и Гилю, что яйлаки в Сирии, Египте и гератский Кахдистан ¹⁶⁶

уступают самаркандскому, а что же касается Тебриза, Исфахана и Шираза, то они поблизости от себя не имеют таковых. Затем описывается ханская резиденция, построенная в центре Кан-и Гиля. Описания эти повторены в стихах.]

/[X]/ <Описание августейшего собрания в Кан-и Гиле>

<На третий день, когда бесподобный край Самарканда стал местом расположения августейшего, обильная деяниями ханская душа пожелала прогуляться по кани-гильскому яйлаку и ранним утром выехала из Баг-и Нау. Их высочества великие султаны, удостоившись сопутствовать и сопровождать, направились в то радостное и счастливое место. Посередине западного айвана канигильского дворца воздвигли до зенита небес престол счастливой судьбы. По сторонам айванов постелили разноцветные ковры. Счастливая правая сторона украсилась сидением улемов, а на левой стороне расположились их высочества добронравные и могущественные, как судьба, султаны в совершенном великолепии, величии и достоинстве. Великие эмиры и почитаемые благородные мирзы в августейшем кругу удостоились занять места согласно своим степеням и чинам. Ханские амакчи и чухрай, построившись в ряды на местах славы и величия, имели честь встать для оказания почестей и величания. . .

[Затем следует описание пышного пиршества и упоминание о том, что на пиру присутствовали также и главы и начальники узбекского войска, а потом стихи, посвященные приезду Шайбани-хана в Кан-и Гил. В заключение главы автор сообщает, что] на почетном месте укрепляющей небосвод правой стороны сидел я, несчастный бедняк. После того как собралось дарующее жизнь хаканское собрание, приступили к ученым спорам. Некоторые из этих полезных поучений, которые ныне остаются в моей бедной памяти, будут здесь вкратце изложены. *А помощь исходит от Аллаха единого.* [152]

/127a/ ГЛАВА XLVI

УЧЕНЫЕ СУЖДЕНИЯ НА СОБРАНИИ В КАН-И ГИЛЕ

После того как обосновались <на том прекрасном месте сбора,> [ханское величество] изволил запросить мнение и совет насчет положения некоторой части имений, которые их хозяева в настоящее время, запустив [и] подняв знамя отхода в другие края, превратили из возделанных земель постоянного своего местожительства в пустоши [и] стали <сеять семена в других областях.> «У группы людей в этих краях имелись в распоряжении имения. Без притеснения со стороны какого-нибудь соперника и без препятствования какого-либо противника <они уже свыше тридцати лет>, как те имения оставили лежащими втуне и праздными <и в этой области нет никого, кто бы от их лица те имения возделывал и <их заседал повсюду, чтобы страна> не клонилась от благоустроенного состояния к разрухе, не лежала бы втуне, а также чтобы ливанские налоги оставались постоянными. Те имения в настоящее время приобрели значение старых пустошей и значение мертвых земель. Если кто-нибудь снова возьмется их оживить и будет так, что он мертвую землю оживит, то станут ли пребывающие в подобном состоянии имения после восстановления и по исполнении [всего] должного для их оживления имением того человека, который приступил к их благоустройству и возвел со ступени невозделанности на ступень цветущего состояния, или нет?»

Одним из присутствующих в том собрании была слава ученых мужей, Маулана 'Абдалгаффар ¹⁶⁷, балхский казий. В ответ он сказал: «Вынести решение о недействительности прежнего права владения трудно; однако если отстранение владельца имения установлено, то дозволение на обработку той земли второму [лицу], которое возделало землю, дать можно». Ханское величество сказали: «Одной только дозволенности для дела, ставшего для нас причиной запроса, недостаточно, потому что

вопрос в том, можно ли владельца обязать возделывать втуне брошенную землю, чтобы страна процветала и поземельные подати были постоянными, ибо если податные земли возделывать, то с них должно будет платить подать. Если же земледелие забросят, то правителю придется сумму подати переводить на владельца, почему-де пренебрег обязанностями [творить] пользу для мусульман. Затем, если у земли найдется владелец, которого можно обязать [исполнением] одного из двух предписаний или заниматься земледелием, или платить обязательную подать соответственно состоянию запустения, то станет явной и цель возделывания земли и установления суммы поземельной подати. В противном же случае, в силу предоставленности [земли] для общего пользования, обе эти цели не будут достигнуты на том основании, что неизбежным следствием дозволенности для всех обрабатывать пашню явится отпадение требования платы за пользование, то есть, когда владелец сделал [свою] землю дозволенной для обработки каждому, кто захочет, то требовать плату за пользование его землей отпадает. Однако падишаху не приходится его обязывать: либо обрабатывай землю, II либо плати установленную поземельную подать. Наша цель в этом вопросе /1276/ — изобразить картину так, чтобы он по существу последовал одному из двух предписаний, а о дозволенности земли [речи] нет, как ясно было [154] сказано, потому что к тому, кто дозволенную для всех землю обработал [и] перестал [ее] обрабатывать, на следующий год никаких обязательств предъявлять нельзя» и область от запустения <все также не обеспечена.>

На сей <счет> говорили и <другие> муфтии и <рассуждения затянулись> надолго. В конце концов ханское величество назначил меня, бедняка, <выработать окончательный ответ.> Я, бедняк, доложил, что ось шариатских дел <покоится на договорах и если какой-нибудь договор требует> [исполнения] какого-нибудь дела, то обязательное исполнение договора <по какому-либо предмету не теряет силы только за давностью времени.> Например, одна из числа сделок есть купля-продажа, и если кто-нибудь посредством купли-продажи сделается владельцем имения, то если пройдет даже тысяча лет и он никакой деятельности по своему усмотрению в том имении не проявит, то его состояние владельцем того имения вследствие давности времени не потеряет силу. Непременным следствием купли является состояние владельцем и только вследствие того, что прошло много времени после [купли], оно от него, [владельца], не отвратится, и по одной только причине отстранения вследствие отъезда не возникает повода к тому, что земледелие на том имении дозволено всем. Вид дозволенности, о которой говорили в том собрании, улемы даже обрисовали на предметах ничтожных. Например, если кто-нибудь идет по дороге и находит финик или виноградную ягоду, упавшие на дорогу, то если известно отстранение их владельца — люди часто отстраняются от вещей ничтожных, — то [нашедший] может в таком незначительном деле поступить по своей воле, присвоить себе и употребить. Но если он, предположим, найдет кошелек с деньгами или предмет одеяния, то на том лишь основании, что он их увидел и нашел, он не становится [их] владельцем. Это находка, нужно сделать уведомление, и на тот предмет распространить предписания о находках. Итак, ясно, что вследствие одного лишь отстранения владельца от чего-либо оно не делается дозволенным для всех предметом и им нельзя распоряжаться, как владением. Если бы, предположим, некоторые законоведы не сделали ограничения для предметов ничтожных и отстранение владельца посчитали дозволением для присвоения [их] чужим лицом, то, конечно, для предметов не ничтожных тоже применили бы такую же меру, потому что владелец имения отстранился без какой-либо необходимости, а не потому, что причиной отстранения и бегства стали множество притеснений и обид, тягость поземельной подати, ливанской поставки продовольствия и султанских повинностей и он оттого принужден был отстраниться.

О Самаркандской же области известно, что часть людей, покинув свои имения, отстранились от них вынужденно и рассеялись по разным местностям. [Это] происходит

вследствие того, что люди не могут /128a/ проживать в местах своего постоянного жительства и в своих имениях по причине большого количества ливанских поставок продовольствия, не имеют возможности распоряжаться [имениями] как владельцы. Следовательно, как же можно считать их отстранение причиной для дозволения на присвоение, как же можно распоряжаться на их имениях подобно владельцу ? [155] И какое касательство имеют длительность и краткость времени к состоянию владельцем и отсутствию его? Ведь в делах, подобных этому, никоим образом нельзя себе представить, чтобы время оказывало какое-либо влияние. Затем я упомянул рассказ об атабеке Абу Бакре ибн Са'де Занги ¹⁶⁸, который был падишахом Шираза, и о Маулана Шамс 'Умар ¹⁶⁹.

Рассказ

Я рассказал: «В "Истории Вассафа" ¹⁷⁰ упомянуто, что атабек Абу Бакр ибн Сад Занги, падишах страны Фарс, однажды издал постановление, чтобы каждый, кто в стране Фарс владеет имением в течение пятидесяти лет, представил *банчак* и документ своего права владения, для того чтобы его состояние владельцем этого имения было подтверждено и длительность [времени] его владения тем имением установлена по праву. Каждый, кто не представит *банчак* и документ о праве владения на свое имение или дарственную, [тот] пусть имение передаст в диван, потому что первоначально страна была ливанской. Если кто-либо не докажет пятидесятилетнего срока своего владения, то нужно имение вернуть в первоначальное состояние и считать его в числе бесхозных, а бесхозное принадлежит правящему падишаху.

Итак, согласно сказанному, он привел свое постановление в действие. Дела людей пришли в большое стеснение, потому что большая часть людей была такого рода, что не могла представить документа о передаче [имения] даже два года тому назад. Под этим предлогом атабек Абу Бакр завладел имениями людей. Люди являлись, и для каждого, кто предъявлял документ пятидесятилетней давности, выносили решение о состоянии его владельцем. В противном же случае изымали из его распоряжения. Такое положение оставалось долгое время. Так как он был падишахом могущественным и властным, то никто из улемов и прочих не имели силы и смелости представить ему мерзость этого дела и свести его с того пути.

Говорят, однажды в присутствии атабека находились улемы. В числе улемов имел честь присутствовать некий Маулана Шамс 'Умар, выдающийся ученый своего времени в Ширазе. В этом собрании кто-то предъявлял документ о состоянии владельцем по передаче ему имения еще сорок лет тому назад, но на время свыше этого срока документа о передаче [ему имения] у него не было. Атабек спросил: “Доказал ли этот человек в этом собрании свое состояние владельцем упомянутого имения, или нет?” Маулана Шамс 'Умар ответил: “Да продлится жизнь атабека на многие годы! /1286/ Этот человек сделается владельцем своего имения в течение следующих десяти лет, а в настоящее время он не владеет. Через десять лет он станет владельцем”. Так как в этих словах заключается изъян, то атабек спросил: “Каким образом можно представить себе кого-либо, у кого есть имение и он сейчас не владеет [его], а сделается владельцем через десять лет?” Маулана Шамс 'Умар ответил: “Издано постановление, чтобы владельцы предъявили документы о передаче им [имений] пятьдесят лет тому назад, в противном случае они не будут считаться владельцами. Этот человек представил документ о передаче [ему имения] сорок [156] лет ¹⁷¹ тому назад, а на остальные годы свыше у него [документа] нет. Если подождать еще десять лет, то он представит документ о передаче [ему имения] за полных пятьдесят лет и сделается владельцем имения. Так как поторопились и сейчас полных пятидесяти лет нет, то по предъявленному документу он не является владельцем”. Люди изумились этим словам, а падишах понял, что изданное

им постановление не свободно от несуразности и недомыслия и не основано на законе шариата и разума, потому что время никакого отношения к имению не имеет. Если кто-либо является владельцем имения и имение находится в его распоряжении хоть один год, хоть тысячу лет, он остается владельцем, и значение его отстранения от имения имеет такое же значение, как если бы он отстранился на тысячу лет: он все такой же владелец. Одно только отстранение недостаточно для дозволенности его имения. Атабек уразумел тонкость смысла мудрого суждения, которую растолковал Маулана Шамс Умар, и отказался от того постановления, а люди успокоились».

Его ханское величество, прибежище халифата, соизволил сказать: «Так как давность времени не влияет на права владения, то как же поправить имения, от которых отстранились, каким образом их привести в цветущее состояние, чтобы и страна процветала, и поземельная подать была постоянной?» Я ответил: «Хозяев имения, которые сейчас известны, надо расположить к себе и облегчить подати, чтобы они вернулись на места постоянного жительства. По возвращении надо их побудить, чтобы они распоряжались в своих имениях как владельцы. Тогда страна благоустроится и поземельная подать установится. А если владелец [имения] не известен, то имение является бесхозяйным и владение должен взять на себя падишах и обрабатывать его, снимать урожай и стремиться к тому, чтобы в любое время, когда найдется владелец [имения], отдать ему плату за пользование имением из государственного казначейства. В этом случае и страна благоустроится! и поземельная подать утвердится, и не пропадет и не потеряет силу право хозяина, и хозяева имений, которые из опасения разрушения, опустошения и отсутствия у них возможности, скрылись и спрятались, снова вернутся обратно и станут распоряжаться своими имениями. Будучи заинтересованы, /129a/ они станут жить на местах постоянного жительства, займутся благоустройством и земледелием, и все страхи совершенно пройдут». В общем, эти слова были одобрены прекрасным умом его величества, *да наставит его всевышний Аллах и да продлит навеки сень его наместничества*. Потом состоялось еще много совместных ученых бесед и его величество наместник всемилостивого с намерением разрешить трудности повелел [исполнить] разного рода важные полезные дела.

[Далее рассказывает о пиршестве, на котором стол ломился от яств, тут же цитируются стихи аналогичного содержания.]

Когда каждый достиг своих желаний и целей, августейший кортеж пожелал вернуться в город Самарканд. /129b/ Таково было праздничное событие в Кан-и Гиле, о котором сейчас перо сообщило кое-какие подробности. [157] Автор «Книги побед Тимура» ¹⁷² в своей истории описал праздничное торжество в Кан-и Гиле, устроенное эмиром Тимур-Турагаем Джагатаи в дни его могущества, показанное своим потомкам. . .

[Ибн Рузбихан критикует Шарафаддина Али Йазди за то, что он включил в свою историю описание торжества, устроенного эмиром Тимуром. Он говорит, что Йазди не поскупился на восхваление поступков Тимура и тем самым допустил кощунство над религией. Затем Ибн Рузбихан говорит, что у Шайбани-хана никогда не бывало собраний, которые не соответствовали бы законам шариата, и что сам он, когда у него оказывается в распоряжении немного свободного времени, посвящает его молитве, чтению Корана и устройству диспутов. В конце главы автор помещает в стихах панегирик в честь Шайбани-хана.]

ГЛАВА XLVII

ПАМЯТКА О ЧЕТВЕРТОМ ДНЕ, [ПРОВЕДЕННОМ] В САМАРКАНДЕ

/130a/ Утром на четвертый день из четырех дней его высокостепенное ханское величество соизволил взойти в Баг-и Нау на трон халифата и в преславном *харгахе*, по обычаю высокодостойных ханов, он оказал честь ханскому престолу своей благородной

особой, а полновластные султаны, сидящие на тронах сановитости, величия и славы заняли места соответственно степеням их положения. Его султанское величество Хамза-султан, удостоившись /1306/ величия приветствия и оказания почестей [хану], расположился по правую сторону счастливой руки. Удостоились почета и чести соответственно их службе хану и другие султаны. Имели честь присутствовать в том радостном собрании и высокодостоинные улемы и ученые, совершившие много трудов. Каждый занял подобающее место согласно рангу и чину.

ГЛАВА XLVIII

ПАМЯТКА О ВОССТАНОВЛЕНИИ САМАРКАНДСКИХ ВАКФОВ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕ УЧеным И БЕДНЫМ

После созыва раеподобного собрания и соединения [в одно месте] всех султанов на земле высокий ханский помысел пожелал послушать ученые доклады. Были осуществлены разного рода подобающие обсуждения. Ученые, заслуженные деятели, знатные мужи и самые достойные люди принялись за разрешение трудных вопросов и открыли в установлении порядка устные прения. В этом собрании августейший ум изволил обратить внимание на оказание покровительства самаркандским ученым и обучающимся наукам. Вышел высочайший указ об обследовании вакфов этой области. Я, ничтожный бедняк, вследствие небольшой слабости от недомогания, которое у меня было, в тот день не удостоился чести явиться на поклон и предпочел недолгое время провести в одиночестве. Ласкающая бедняков милость высокостепенного ханского величества приехала узнать о моем, бедняка, состоянии и изволила спросить у распорядителя приема гостей: «Где такой-то, его сегодня в этом [158] собрании не видно?» Распорядитель приема гостей, передав мое, бедняка, извинение, рассказал обстоятельства. Было дано высочайшее указание, /131a/ чтобы вместе с казием Самарканда [мною] было произведено обследование вакфов и степеней *мударрисов* и учащихся [в медресе] этой области и истинное положение дела доложено в августейшем собрании, дабы для слуг [государевых] стали ясны условия жизни садров и лиц, достойных управления вакфами. После обследования и доклада на стоянке ханского могущества получило честь быть изданным августейшее решение» чтобы медресе и *ханака*, которые стали приходить в упадок, вследствие событий времени, привели в благоустроенный вид, а содержание *мударрисов* и учащихся довели до заслуживаемых ими размеров и условий, [установленных] учредителями вакфов и чтобы в *ханака* и мазарах получаемые пожертвования и милостыни раздавали бы имеющим право на закат, соответственно восьми разрядам ¹⁷³. И вышел указ, чтобы достославный стих Корана: «*Милостыни только для бедных, нищих работающих над этим.*» (Кор. IX. 60) писали в начале приказов высокого дивана, издаваемых на счет *ханака* и мазаров. В общем, ханское внимание направило бразды благосклонности в сторону покровительства ученым, заслуженным деятелям и бедным и уничтожило вновь заведенные правила и несправедливости, которые случайно установились в вакфах. Всех [его величество] областал милостивыми взорами и вниманием. На случай нарушения условий вакфа он сделал предупреждение садрам и пригрозил [им] с убедительными устрашениями. Дела на базаре науки, которые в предшествующее время пришли в застой, снова начали оживляться. Товары знания, благодаря ханской заботе, на рынках мира подорожали, а степени достоинства ученых и заслуженных мужей благодаря соответствующему покровительству и благоприятному содействию среди народа выросли.

[Далее следуют стихи, где описывается роль Шайбани-хана в восстановлении законности в вакфах. Затем, говоря о пире, автор пишет, что «тот, что во всей жизни своей не получал и ножки муравья, уносил на плече конскую спину, а тот, кто не имел возможности распорядиться ребром саранчи, бросал под ноги конскую ногу с лопаткой. Короче говоря, такое

обилие житейских благ и такая дешевизна мяса редко когда наблюдалась ищущими благодеяния и просящими приглашения».]

/1316/ Когда прекратилось расстилание скатерти радости и веселья, [все] изъявили благодарность Аллаху, вознаграждителю за дары и бесконечную милость. *Кобчачи* и казначеи его высочества прибежища державы Мухаммад-Тимур-султана начали подносить подарки и разного рода необыкновенные дары.

[Были преподнесены и показаны присутствующим золотые и серебряные блюда, наполненные золотыми и серебряными монетами, ткани, халаты, предметы военного снаряжения, лошади. Ибн Рузбихан пишет: «По милости высокостепенного ханского величества третья часть этих подарков сразу же была пожалована его высочеству прибежищу державы Хамзе-султану, чтобы он разделил ее между своими воинами и людьми, а другие две трети [хан] приказал разделить между своими гвардейцами, разными слугами из чухраев, амакчиями и между теми, кому принято делать подарки». Глава кончается на том, что было получено известие о смерти в Бухаре матери Шайбани-хана.] **[159]**

/132a/ ГЛАВА XLIX

ПАМЯТКА О КОНЧИНЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОРОДНОЙ ХАНСКОЙ РОДИТЕЛЬНИЦЫ, ДА СМИЛУЕТСЯ НАД НЕЙ АЛЛАХ

/1326/ Суть этого хода речи — сжигающее душу, преисполненное печалью событие с ее величеством, Высокой Колыбелью, великой госпожой Кубра-бегим, да успокоит Аллах ее душу и рассыплет по царству небесному ее милостыню, ибо она, простившись с земной обителью, успокоилась в месте пребывания божественного милосердия. Покинув друзей на этом свете, она нашла покой под сенью вечной милости и в прибежище господнего благоволения. Она испила глоток из рук виночерпия смерти, так что предала забвению вкус к жизни и ухо сознания ее услышало от возглашающего приговор господний: *Возвращайся* — и она прервала мирские разговоры молчанием. И действительно, добродетели и нравственные достоинства, благородное происхождение и мусульманская доблесть ее величества, рассказы [о ней] и обстоятельства жизни [ее] упоминаются и известно, что она может быть полным перечнем прекрасных свойств добродетельных людей и тогрой ¹⁷⁴ на царской грамоте достоинств целомудренных людей всего света. Происходила ее величество из рода знаменитых узбекских ханов и преславное естество ее было сотворено для совершенной благосклонности и заботливости ко всем созданиям человеческим. Она была всеобъемлюще милосердна, в совершенстве великодушна, полна сострадания и доброты ко всем. Она была словно Билькис [своего] времени и Кидафа ¹⁷⁵ той эпохи. Несмотря на полную независимость и распространение ее власти на имение и достояние живущих на свете, она никогда не поступала несправедливо ни с кем из неотлучно состоящих при дворе ее величества и всегда стояла на страже подданных и подчиненных. Что касается необходимого сострадания [со стороны] высокопоставленных слуг к живущим на свете, то оно бывало проявлено, и предписания установить правосудие и оказывать благодеяния, которые могут быть [сделаны] по отношению к прочим разрядам людей, были изданы. В укреплении обязанностей мусульманства и упрочения всего необходимого для истинной веры было оказано много усердия и достаточное усилие. Драгоценное время ее величества было распределено (**Намек на Кор., LXXXIX, 28**) на разного рода богоугодные дела, и на стремление приблизиться [к Аллаху], и на изъявление послушания [ему]. В возвеличении улемов, бедных и чалмоносцев» ни одной минуты не было утеряно из того, что подобает такой величественной особе. Каждого из этого общества, кто исполнял обязательное приветствие и поклонение [ей], она сажала на подушку почести и уважения. **/[XI]/** «Если при дворе ее величества кто-нибудь отводил от притеснителя его проступок, того притеснителя, хотя бы он был влиятелен, она сокрушала дланью отмщения. А если кто-нибудь выносил ногу неправосудия за пределы своего ковра, тому она связывала ноги насилия цепью [карательного] мероприятия. Вера и стремление ее величества к мазарам

святых мужей, улемов, великих людей и искренних друзей [была высокой] в такой степи, что она постоянно изготовляла знамена и шелковые завесы, украшенные узорами надписей и отправляла в виде пожертвования и дара вместе с милостыней [160] или каким-нибудь возмещением к их гробнице. Когда совершался приговор господний, или небесное правосудие сниспосылало какое-либо событие, или происходило какое-нибудь несчастье, у ее величества [всегда] оказывалось целительное терпение и достаточная сила перенести испытание.

[Вслед за этими строками следует рассказ о смерти Махмуд-султана, скончавшегося в Кундузе, о том, как тело его было привезено в Самарканд. Окружающие Шайбани-хана боялись сообщить об этом его матери, и за это дело взялся сам Шайбани-хан. Затем следуют стихи автора, посвященные хорошим, с его точки зрения, людям.]...>

/133a/ Кончина ее величества великой госпожи произошла в последние десять дней месяца зу-л-хиджжа девятьсот четырнадцатого года (**Середина апреля 1509 г.**) за чертой славного города Бухары. Когда осведомители об этом печальном событии и мучительном несчастье довели до слуха его величества наместника всемилостивого, то, несмотря на полную привязанность и любовь, которую его величество питал к уважаемой родительнице, он соблюдал обязательную сдержанность и спокойствие, и благословенные уста [его] произнесли слова о возвращении ¹⁷⁶. Он проявил и то, что обязательно сопутствует терпению и спокойствию при сильном потрясении, что достойно получения награды и воздаяния. Следуя по пути воздаяния в надежде на божественное обещание, претерпевающим несчастье, он покорился божьему року и встретил то многонепечальное событие благостью оплакивания. Вышло высочайшее указание, чтобы его высочество Убайдаллах-султан, который в этом событии принимал участие в общей печали и заботе, останки величественной госпожи положил на носилки почести и, накрыв покрывалом уважения, перевез в столицу Самарканд и выбрал бы место погребения рядом с его высочеством великодушным сыном ¹⁷⁷ ее Махмуд-султаном, и чтобы улемы, вельможи и знатные жители Самарканда, выйдя навстречу, похоронили и скрыли бы благословенные останки в сокровище могилы, наподобие сундука с драгоценными камнями. Был издан августейший приказ, чтобы пригнали принадлежащих [хану] овец, пастбища для которых назначены в Самаркандском вилайете, и зарезали их ради приготовления похлебки и яств для бедных и нищих. И помянули бы благословенную душу ее величества молитвой и величанием да исполнили бы добрые обычаи оплакивания в таком виде, чтобы они соответствовали законам шариата и сунне. *Приговор принадлежит Аллаху всевышнему, великому.* Как хорошо сказал поэт Фирдоуси, *да смилуется Аллах над ним:*

Дверь склепа покрасили в багряное и голубое,
Ты сказал бы, что Джамшида никогда не бывало.
Когда все же нужно преставиться,
Все наши труды за ветер нужно признать.

Покончив с важными делами в Самарканде, его величество решил отправиться в город Насаф, который называют Карши. *А помощь {исходит} от Аллаха, дарующего помощь.* [161]

***/133b/* ГЛАВА L**

ПАМЯТКА О ВЫСТУПЛЕНИИ АВГУСТЕЙШЕГО КОРТЕЖА ИЗ ГОРОДА САМАРКАНДА В КАРШИ

В понедельник двадцать третьего числа зу-л-хиджжа (**14 апреля 1509 г.**) могущественный и преславный кортеж выступил из города Самарканда с намерением [переехать] в Карши-йи Насаф. Первой остановкой был Как-и Махийан, расположенный в двух фарсах от Самарканда. В полном великолепии и славе он, [хан], словно солнце,

соизволил пробыть два дня в том созвездии Рыб и оттуда совершил переход на стоянку Каклик, в пяти фарсах от Самарканда. Оттуда пошли на стоянку в Думшук ¹⁷⁸, из Думшука августейшую ставку переправили в Акча-Бука ¹⁷⁹. На этой стоянке его величеству были представлены на смотр табуны лично ему принадлежащих лошадей, которые паслись на здешних пастбищах, и это соответствовало содержанию [стиха]: *Вот представлены ему вечером легко стоящие, благородные* (Кор., XXXVIII, 30).

[Далее дано описание табуна ханских коней.]

/134a/ После того как были представлены на смотр табуны коней, августейший кортеж выступил в расположенную между областями Самарканда и Насафа степь. Через два дня после прохождения по этой бескрайней степи земля города Карши от копыт небесных коней стала подобной амбре. Августейший кортеж высокостепенного ханского величества расположился в замке, который является одним из строительных творений его величества на берегу реки Карши.

Описание дворца его ханского величества, построенного в каршинском Чахарбаге

Этот необыкновенно украшенный замок является одним из чудесных зданий на поверхности земли и расположен на берегу реки Насаф, которая, как украшающий небосвод Млечный Путь, украшает область Насаф. Округа и предместья этой счастливой реки покрыты деревьями, зданиями, нивами и пастбищами. Действительно, по благоустройству земли область с такой свежестью и чистотой, как Насаф, вероятно, мало где можно найти. Там имеется множество построек, разного вида земледелие, несметные доходы, сочные овощи и плоды. Климат [там] очень мягкий, вода весьма вкусная, а чистая почва пригодна для строительства.

Местность Карши сейчас благоустроена, и город этой области славится. На восточной стороне Карши, которая является восточным центром на берегу реки, в здоровой местности, на возвышенном месте, зодчий высокого помысла его ханское величество соизволил построить дворец очень высокий и безукоризненный.

[Далее следует описание здания дворца и цветников Чахарбага.]

Близ области Насаф находится другая область, которую называют Шахрисаб-зом, а настоящее название этого привлекательного края — Кеш.

Прибытие в этот веселящий дух дворец и остановка в этом украшающем мир Чахарбаге состоялись в субботу восьмого числа месяца мухаррам священного (28 апреля 1509 г.). [162]

Августейшее знамя в этом дворце провело два дня, наслаждаясь жизнью, радостью и весельем, в спокойствии и беседах с султанами, которые в этом месте разлучились, [отправившись] в разные края.

/[XIII]/ <Утром одиннадцатого мухаррама (1 мая 1509 г.) счастливое знамя выступило со стоянки Карши и остановилось в двух фарсах от этого владения. На этой стоянке все великие султаны повернули обратно в свои державные места постоянного пребывания. Его высочество, прибежище султанской власти, Мухаммад-Тимур-султан счастливо возвратился в стольный город Самарканд. Его высочество Хамза-султан, радостный и веселый, вернулся в Хисар-и Шадман. Его высочество Убайдаллах-султан, который, чтобы проститься, прибыл в августейшую ставку, получив разрешение, вернулся

в Бухару. А эмиры и вельможи Мавераннахра, которые с разных сторон этого края следовали по пути повиновения и службы и удостоились чести присоединиться к августейшей ставке, на этой стоянке, получив халаты и дары, довольные и благодарные, все отправились по своим домам. Счастливые, величественные знамена выступили с намерением перейти Джейхун по переправе Бурдалик ¹⁸⁰ и, делая переходы от стоянки к стоянке, воздвигли шатер халифата на берегу реки Амуйе, или Джейхун. *А помощь [исходит] от Аллаха, он тот, к кому обращаются за помощью.*

ГЛАВА LI

ПАМЯТКА О ПЕРЕХОДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ЧЕРЕЗ ДЖЕЙХУН В НАМЕРЕНИИ ПОЙТИ В МЕРВ И О ПЕРЕХОДЕ ПО ПЕРЕПРАВЕ БУРДАЛИК

Когда августейшие знамена остановились на берегу реки Джейхун, есаулов царской гвардии назначили на сбор кораблей и лодок для перевоза войска. Тщательно обследовав и разведав местность вверх и вниз по течению Джейхуна, они пригнали к переправе все суда, какие удалось найти. И какие суда! Горделивые горы, странствующие по воде туда и сюда, словно содержание [стиха]: *И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, — вот они идут, как идет облако (Кор., XXVII, 90)*, — ясно проявляется в движении этих гороподобных ладей по реке или явствует из высоких волн, которые колышутся над бездной морской.

Описание судов на реке

Каждое — будто гора Каф, плывущая по морю, или [птица] 'анка, летящая на крыльях парусов поверх подобных Кафу волн. Это уткотелые, грудью рассекающие бесконечную волну моря, чайки, приравнявшие крылья к ветру и скользящие по синему морю. Это подвижные дома, быстроходные пловцы, подобие рыбы, вмещающей в чреве своем Зуннуна; богомольцы, которые, сотворив на воде земной поклон, ступают ногой в бескрайнее море. Вздутые над синим морем знамена явствуют: *У него бегущие, высоко поднятые на море, как горы (Кор., LV, 24). [163]*

После прибытия кораблей и ладей победоносные войска начали переправляться и с помощью тех деревянных посудин переехали через ту бескрайнюю реку. В среду тринадцатого числа мухаррама девятьсот пятнадцатого года (3 мая 1509 г.) его величество наместник всемилостивого, высокостепенный хан сел на корабль. Вечный бог и непроходящее счастье не оставляли его, и он, совершенно здоров и невредим, изволил переправиться через реку Джейхун, и вторично области земли Иранской и Хорасана, состоящие из областей к западу от Джейхуна, обрели новое спокойствие и неизмеримое благоденствие благодаря славному прибытию его величества халифа времени и имама тех дней. Все хаканские войска в течение двух дней прошли через переправу Бурдалик. Превосходительный эмир Камбар-бек, правитель Мерва, вместе с превосходительным главой дивана Масуд-хаджой Камаладином Махмудом, вышедшие из Мерва для встречи августейших знамен, удостоились чести присоединиться к августейшему кортежу на первой [его] остановке и облобызать подножие трона наместника [всемилоствого]. Достигнув блаженства настоящей и будущей жизни, они представили сокровища и дары, которые взяли с собой. Служба их которую они обязательно несли в дни отсутствия августейших знамен в Хорасане» была одобрена и принята с удовлетворением при дворе ханского великолепия. Когда переход победоносных знамен через реку Джейхун завершился, его величество наместник всемилостивого соизволил решиться пройти через пустыню Бурдалик, которая расположена между Джейхуном и Мервом. Поскольку эта

кровожадная пустыня весьма маловодна и пересекающий ее лишается сил от страшного зноя и зыбучих песков, то августейший кортеж обогнал ставку и гарем на один переход. Было поведено, чтобы каждый, кто может, совершил этот трудный переход, а тот, кто не может, отправился бы вдоль берега Джейхуна в Чахарджуй ¹⁸¹ и, пройдя через пустыню Шир-и Шутур, присоединился к августейшей ставке в Мерве.

[Далее следует описание Бурдаликской песчаной пустыни, состоящей из одних барханов, среди которых трудно найти глоток воды. Описание пустыни затем повторяется в стихах автора.]>

<ГЛАВА LII>

ПАМЯТКА О ЛИКОВАНИИ СЕРДЕЦ ПО ПОВОДУ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ХАНА В ХОРАСАН

<В самую напасть, горестное затруднение и разгар сжигающего душу зноя победное войско в течение шести дней пересекло ту кровожадную пустыню и безжалостную долину. В понедельник девятнадцатого числа месяца мухаррама (9 мая 1509 г.) остановка августейших знамен имела место в пригородах царского города Мерва при полном ликовании и радости, необыкновенном веселии и удовольствии. Слава Аллаху за то, что счастливо возвратился он к месту своему. В послании, которое было написано в Герат в первый день из пригородов Мерва для объявления о прибытии августейшего кортежа в Мерв, было начертано это двестишесте:

Хан вновь водворился в цветнике эпохи, как кипарис,
Совершив нападение на престол казахов, снова вернулся в Мерв. [164]

Барабанный бой радостной вести раздался по всем областям Хорасана, и звуки трубы грабительских набегов разрушили жилище надежды и опоры врагов. Появление поводов к ликованию сделалось причиной радости любимых друзей, а сошествие бесконечных обязательных к исполнению предписаний религии стало причиной позора недругов. Окрестные правители и повелители сторон с поздравлениями */[XIII]/* и подарками направились ко двору благоденствия ханского величества. Из каждой области к ханскому дворцу потекли с подобающими редкостными дарами именитые вельможи и знатные особы эпохи. Счастливые благожелатели стерли со страниц памяти знаки тревог, а люди счастливые, ищущие возвышения престола вместо благодарностей говорили словами Са'ди.

Начальные стихи Са'ди:

Хвала Аллаху, что по милости любвеобильного господ
Отряд возвратился и благополучие его связано с областями.

Стоянка в Мерве длилась два дня. Каждый день августейшее собрание облачалось в убранство ученых бесед и украшалось полезными поучениями ума. И поскольку благим намерением ханского величества было поклониться священной гробнице [имама] Ризы, привет ему, то он недолго изволил задержаться в Мерве и направил счастливые стопы к тому мазару, достойному обязательного поклонения и почитания. *А помощь (исходит) от Аллаха.*>

ГЛАВА LIII

ПАМЯТКА О ПЕРЕХОДЕ АВГУСТЕЙШИХ ЗНАМЕН ИЗ МЕРВА К СВЯЩЕННОЙ ГРОБНИЦЕ [ИМАМА] РИЗЫ

<Августейшие, сопровождаемые изо дня в день возрастающим счастьем знамена, выступив в среду двадцать первого мухаррама (11 мая 1509 г.) из стольного города Мерва под сенью милости милосердного и оберегаемые благоволением божьим, оказали честь остановиться на стоянке Тахирабад, расположенной на расстоянии четырех фарсахов от Мерва. На этой стоянке произошло соединение кортежа его величества хана с Большой ставкой и обозом, которые в течение похода на казахов оставались в Мерве. Какой обоз! Вообразив себе, что высочайшие знамена будут двигаться из Андхая в Герат, они выступили из Мерва и направились в Талхатан. Когда прошел слух, что державный кортеж идет по Мервской дороге и держит путь в Мешхед, они из Талхатана пошли в Тахирабад, расположенный на дороге в Мешхед. На этой стоянке они удостоились встретиться и имели честь присоединиться к августейшим знаменам. Пробыли в накры радостной вести о прибытии победоносных войск к обозу и к своим вещам в Большой ставке. Ликование от той встречи увеличило в сердцах веселье и радость. На другой день совершили переход из Тахирабада в Рабат и пошли с намерением пересечь Серахскую степь. Не доходя до Серахса, [165] переправились через Гератскую реку ¹⁸², которую в этой местности называют рекой Тедженд. Августейший кортеж оказал честь остановиться в местности Чахчах, находящейся на расстоянии четырех фарсахов от места Мейхене ¹⁸³.

Описание шейха Абу Саида Абу-л-Хайра ¹⁸⁴ и его могилы

[В этой местности Ибн Рузбихан с позволения Шайбани-хана совершил поклонение могиле шейха Абу Саида. Приводятся посвященные последнему стихи автора.]

Высокосановный кортеж из селения Чахчах вступил в долину Келата и несколько дней изволил потихоньку следовать по прекрасной местности. На подъеме [дороги] в Келат удостоились чести встретить и облобызать подножие престола наместничества накибы и шерифы священного Мешхеда [имама] Ризы, привет покойному и сочувствие! Они приступили к исполнению обязательных обрядов приветствия и к [приношению] даров, соответствующих достоинству тех славных шерифов и благородных сейидов. Ласкающая вельмож милость хаканского величества исполнила правила чествования, уважения и возвеличения по отношению к тем совершенным знатым мужам обязательной добротой и благодеянием. Получив указания о приготовлении месторасположения августейшего кортежа, они возвратились с той стоянки в Мешхед. На этой же стоянке к месту славы и величия пригнали в цепях и ошейниках заслуживших злобы несчастливцев тех краев, которые засели в крепости и долгое время шли тропой мятежа, упорства, восстания и смуты. Большая часть их проливала кровь жителей той области и шла путем незаконного убийства. Конечно, в силу [слов]: *Воздаяние за злое деяние — подобным ему* (Кор., X, 28.) — вышел высочайший указ о смертной казни и искоренении тех злодеев и пошедших неправым путем. Всех их побили и упокоили мучительными камнями и очистили ту область от мерзостей и насилий тех гибельных происшествий. Превосходительный кортеж прошел перевал [и] Мешхедская степь сделалась становищем превеликолепных шатров августейшей ставки. В понедельник третьего сафара (23 мая 1509 г.) в Мешхедской степи у мазара Рабй б. ал-Хайсама, который находится в одном фарсахе от священного Мешхеда, устроили стоянку и бросили посох пребывания на месте.

Описание движения ханского величества

Удивительно, что с того дня, как выступили из Мерва в поход на казахов, и до сего дня, когда [ханское величество] изволил остановиться в Мешхедской степи, он в течение всего этого времени, больше четырех месяцев, постоянно совершал молитву кратко, как путники. На этой стоянке он соизволил остановиться, и полная молитва, без сокращения,

началась с полудня сего дня. Если кто-либо осведомлен об обстоятельствах походов предшествующих государей и воочию видел это огромное расстояние, тот знает, что ни один государь, должно быть, не проходил такое расстояние в столько времени без того, чтобы посередине не сделать остановки. Для изучающих обстоятельства походов знаменитых царей этот случай покажется весьма необычайным и удивительным...> [166]

ГЛАВА LIV

ПАМЯТКА О ПРЕДПИСАНИИ ПОКЛОНЕНИЯ МОГИЛАМ И О ПРЕДПОЧТЕНИИ ПОКЛОНЕНИЯ МОГИЛАМ ИМАМОВ И БЛАГОЧЕСТИВЫХ

[Ибн Рузбихан, рассказывая о предписании поклоняться могилам, приводит выдержки из книг Бухари, Муслима и Тирмизи *Сахих*, приходит к выводу, что в первые годы ислама поклонение могилам было запрещено.]

<ГЛАВА LV>

ПАМЯТКА О ПРЕИМУЩЕСТВЕ ПОКЛОНЕНИЯ ИМАМУ 'АЛИ Б. МУСА

[Эту главу автор посвящает необходимости поклонения гробнице имама Ризы и завершает ее касыдой в похвалу имама.]

ГЛАВА LVI

ПАМЯТКА О ПОКЛОНЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО МОГИЛЕ ИМАМА 'АЛИ Б. МУСА РИЗЫ В СВЯЩЕННОМ МЕШХЕДЕ

<Утром в четверг шестого сафара (26 мая 1509 г.) его величество наместник всемилостивого, облачившись в *ихрам* могилы святейшества имама, выехал из августейшей ставки. Я, бедняк, в присутствии некоторых благородных друзей из знатных казиев и *мухтасибов* августейшей ставки, *да продлит Аллах их знание и щедрость*, во время отправления на поклонение священному мазару с августейшим кортежем встретился с превосходным господином Маулана Дуст-Хасаном, который в дружбе следует по пути доброты, *да приветствует его Аллах всевышний*, и [все] мы отправились вместе, произнося молитвы и приветствия озаренному духу его святейшества имама. Достигнув чести лобызания порога святейшего имама, мы у порога ожидали славного прибытия его величества наместника всемилостивого. Его величество наместник всемилостивого, выехав из августейшей ставки, совершил поклонение мазару Раби б. Хайсама, да помилует его Аллах, одного из великих современников сподвижников Мухаммада — известно, что там находится его могила, — отправился на поклонение мазару его святейшества. На крыше приемного зала его святейшества имама, на месте, где бьют в накры его святейшества имама, встали накрачи августейшей ставки и трубачи в ожидании забить в накры и затрубить, когда прибудет августейший кортеж. Его величество повелел хранить полную тишину и музыку заменить оказанием милости бедным. Дойдя до окрестности приемного зала, остановились. [Затем] взошли в переднюю и оттуда, вступив в священный мавзолей, вошли в куббу и исполнили надлежащий обряд поклонения. Посидев немного, вышли из куббы. [167]

[Далее следует описание чтения Корана. После чтения Ибн Рузбихан попросил у хана, чтобы прочли газель Шайбани-хана, сочиненную им по пути из Келата в Мешхед. Газель посвящена имаму 'али. б. Муса.]>

ГЛАВА LVII

ЦЕПНОЙ ХАДИС О ДОМЕ МУХАММАДА, В КОТОРОМ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ ПРЕДКАХ ИМАМ АР-РИЗА

<[Рассказанный в этой главе хадис написан по-арабски, затем переведен на персидский язык Ибн Рузбиханом. После чтения хадиса был устроен пир, в конце которого Шайбани-хану были преподнесены якобы принадлежавшие самому имаму зеленое знамя и меч.]

Исполнив правила поклонения тому благословенному мазару, августейший кортеж счастливо и благополучно отправился в город Тус, который сейчас известен как Йадгар-и Хани с намерением восстановить город в этой области. *А помощь [исходит] от Аллаха, он — оказывающий помощь.*)

ГЛАВА LVII

ПАМЯТКА О НАМЕРЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАМЕСТНИКА ВСЕМИЛОСТИВОГО ПЕРЕСТРОИТЬ ГОРОД ТУС, КОТОРЫЙ СЕЙЧАС НАЗЫВАЕТСЯ ЙАДГАР-И ХАНИ

<[В этой главе говорится о долге людей благоустраивать землю, строить города и восстанавливать разрушенное. Город Тус, как видно из текста, в это время находился в состоянии упадка, и Шайбани-хан принял решение провести некоторые восстановительные работы в этом городе.]

Августейшие знамена из Мешхеда направились в степи Туса и в пятницу его высочество, прибежище садров, Маулана Шарафаддин 'Абдаррахим-садр прибыл из Герата. Полновластные и высокомогущественные вельможи стольного города Герата, имея честь состоять в свите и неотлучно служить его высочеству Маулана, присоединились к августейшему лагерю. Высокодостойный выезд его величества наместника всемилостивого утром в субботу восьмого сафара (28 мая 1509 г.) был совершен ради поклонения священным гробницам города Туса. Сначала он поклонился мазару (который известен среди жителей той области, это гробница имама Мухаммада, сына 'Али, известного [под прозвищем] Ибн ал-Санафийа, *да будет привет божий ему и предкам его*. Короче говоря, после поклонения этому мазару [хан] отправился на восточную сторону Туса, где похоронено много славных великих людей, как-то: Абу-л-Касим Гурган, шейх Абу-н-Наср Саррадж и их родственники, *да освятит Аллах их тайны*.)

[Далее приведены названия следующих сочинений Абу Хамида ал-Газали: *Ихйа 'улум ад-дин, ал-Басит фи фуру, Тахафут фаласифа, Джавахир ал-Кур'ан, [168] Кис тас ал-мустахим, Кимйа са'адат, Мустасфи фи усул ал-фикх, ал-Маднун бих-'ала гайр ахлихи, Минхадж ал-абидин, Мизан ал-'акаид, Мизан ал-амал, ал-Вад-жиз фи фуру*']

Рассказ

В лето девятьсот десятое (1503-04 г.) я, бедняк, приехал из Ирака в Хорасан и в конце месяца раби ал-аввал удостоился поклонения гробнице Ризы. Поклонившись могилам Туса, я вышел из Мешхеда и вошел в мавзолей имама Газали. . .

[Автор говорит, что мавзолей находился в разрушенном и загрязненном состоянии, и он очистил его от птичьего помета и привел в порядок. Затем Ибн Рузбихан помещает свои стихи, посвященные имаму.]

Августейший кортеж после поклонения направился в Большой лагерь. Когда в окрестностях священного Мешхеда и в Йадгар-и Хани [хан] соизволил остановиться на некоторое время и совершил прогулку в яйлаках той области, то [этим] завершился бухарский поход, потому что в этой стране кинули посох остановки на лето. Книга «Записки бухарского гостя» достигла своей цели на этой стоянке, потому что

высокостепенное ханское величество, цел и невредим, дошел до обители ислама. *Хвала Аллаху за это и да благословит Аллах нашего сейида Мухаммада, его семью и да приветствует их.*)

ГЛАВА LIX

КОНЕЦ КНИГИ «ЗАПИСКИ БУХАРСКОГО ГОСТЯ», КОТОРАЯ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ИСТОРИЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, УКРАШАЮЩЕГО МИР ХАНА

<Хвала Аллаху! Сочинение этой книги произошло необычайным способом, который не приходил. [моем, бедняка,] воображении. Возможно, если сравнят это произведение с произведениями предшественников, то его будут считать сборником, так как в нем имеются доли всяческих полезных поучений. Содержание его состоит из многих трактатов о тонких познаниях и о разрешении трудных вопросов, «вилка», которую, возможно, едва ли кто-либо разрешил и вообще коснулся этих запутанных положений с тех пор, как [их] открыли после сочинения [книги]. Темы, встречающиеся в главах «Записок» [таковы], что, наверное, мало ученых ступало на эти тропы. Вместе с тем [книга] содержит в себе историю жизни его величества наместника всемилостивого, имама времени, защиты божией для людей истинной веры, тени Аллаха, Вознаградителя, Мухаммад Шайбани-хана, *да продлит навеки Аллах устои его наместничества*, так и прошлое дней искания знаний и царства, которое его величество соизволил [совершить], и причины захвата его величеством мира, и прежние важные события с ним излагаются [в ней] в кратких словах. А подробности большей части обстоятельств жизни предков, происхождение племени, народов, войск, основы государства и родины их, расположение областей и переправ по отношению к областям Туркестана становятся ясными и понятными из содержания ее. Точно так же кратко рассказывается [в книге] об обстоятельствах [169] завоевания Туркестана, о положении и событиях после занятия Хорасана, и кончается [она] угощением их высочеств султанов в Бухаре. Подробности похода на казахов, памятки о всех стоянках и переходах, происшествия на каждом переходе, полезные научные сведения, [высказанные] в собраниях его величества хана на стоянках в походе и при возвращении, обстоятельства победы над казахами, повествование о войне с ними, подробное перечисление награбленного, которое привезли в страну ислама, повествование о четырех днях, проведенных в Самарканде, поучения и беседы, которые в это время произошли, — все это полностью черпается из этой книги.

Вместе с тем, описание этих областей изложено в виде необычайных и изумительных сравнений и метонимий так, что, *если будет угодно Аллаху*, для читателя [все это] не останется скрытым. Я сильно надеюсь, что [эта книга] получит честь признания в августейшем собрании его величества наместника всемилостивого имама времени, и солнце одобрения его величества от усердия рабов засияет над состоянием [моим], и людям будущих веков от содержания ее достанется значительная польза.

Хвала Аллаху, господу миров! Окончена книга, называемая «Записки бухарского гостя», в стольном богоспасаемом городе Герате после предзакатной пятничной молитвы двадцать третьего числа месяца джумада-л-ула девятьсот пятнадцатого года (8 сентября 1509 г.) десницей ее составителя, раба Фазлаллаха, сына (Рузбихана, сына Фазлаллаха, по прозванию Хваджа Маулана Исфакхани, да разрешит Аллах пределы безопасности моей. А начало составления [книги] было положено в славном городе Бухаре. Написал я, бедняк, там часть [книги], затем приступил к ее завершению в богоспасаемом Герате, да сохранит его Аллах, в месяце раби ал-ахир и завершил в месяце джумада-л-ула. Хвала Аллаху от начала до конца. Завершается она благословением и приветствием Мухаммаду.

В это сочинение не вплетены стихи предшественников, разве только стихи с упоминанием их автора. Перлы его поэзии все извлечены из рудника немощного сердца. Хвала Аллаху!

Комментарии

1. Эти строки стиха взяты из выписок академика В. В. Бартольда. Архив АН СССР, архив акад. В. В. Бартольда, фонд 68, опись 1, № 221, стр. 68.

2. Следующее за басмалой славословие богу, пророку и хану в переводе опущено.

3. Шир-и Шутур (букв. «верблюжье молоко») — обширная пустыня между Мервом и Бухарой, в средние века через нее проходила караванная дорога. М. Алиханов, Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, стр. 59 — 61; А. Борнс, Путешествие в Бухару, стр. 23.

4. Дуг — прохладительный напиток из разбавленного водой кислого молока. Молоко сбивают в бурдюке, всплывающие на поверхность капельки масла снимают. «Вытягивать из живого существа дуг» значит привести в состояние крайнего изнеможения.

5. Здесь — игра слов: «в пустыне» и одновременно в «верблюжьем молоке».

6. Мухаммед Тимур-султан (ум. в 1514 г.) — сын Мухаммеда Шайбани-хана.

7. Султан Кучум (Кучкунджи-хан) — сын Абу-л-Хайр-хана, дядя Шайбани-хана, правил в Туркестане в 1510 — 1531 гг. См.: *Та'рих-и вафат*, лл. 76а, 93б; *Та'рихам-и амир Тимур*, л. 104а; А. Н. Самойлович, Шайбани-намэ, стр. 8.

8. Суюндж-хаджа-султан или Севиндж-хаджа (1510 — 1524) — сын Абу-л-Хайр-хана. П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край, стр. 81.

9. Абу-л-Хайр-хан (ум. в 1469 г.) — потомок Шибана, сын Джучи. В 1428 г. в области Тура в Сибири был провозглашен ханом. Основал государство узбеков, достигшее могущества при его внуке Мухаммаде Шайбани-хане. В. В. Бартольд, Соч. т. II, ч. 2, стр. 489 — 90.

10. Хамза-султан (ум. в 1511 г.) — сын султана Бахтийара б. Хизр-хана. Служил Хусайну Байкаре, затем Бабуру, а в 1500 г. перешел на сторону Шайбани-хана. Л. Зимин, Кала-и Дабуси, стр. 7; А. S. Beveridge, *The Babur-nama*, II, стр. 755.

11. Махди-султан — брат Хамзы-султана, правитель Кара-Куля до прихода туда войска Шайбани-хана. Убит в 1511 г. А. Н. Самойлович, Шайбани-намэ, стр. 9.

12. Хисар-и Шадман (Дербенд-и Аханин) — город и область в верховьях Кафирниган-Дарьи в ТаджССР.

13. Чаганиян — область долины реки Сархан-Дарьи. При Шайбани-хане ею правил Хамза-султан. В. В. Бартольд, *Туркестан...*, Соч. т. I, М. 1963, стр. 122; его же, *К истории орошения Туркестана*, Соч. т. III, стр. 558.

14. Убайдаллах-султан Абу-л-Гази (1486 — 1539) — сын Махмуд-султана, племянник Шайбани-хана. Правил как самостоятельный хан в 1533 — 1539 гг. В. В. Бартольд, Соч. т. 11. ч. 1, стр. 269; А. Лерх, Археологическая поездка, стр. 22.

15. Хуррам-шах (1501 — 1511) — сын Шайбани-хана. В 1506 г. получил в удел Балх, умер десяти лет. Захираддин Бабур, Бабур-намэ, стр. 66; Р. Г. Мукминова, К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.; «Вакф-наме», стр. 15 — 16.

16. Пулад-султан — сын Мухаммад Тимур-султана.

17. Джанибек-султан (ум. в 1528 г.), двоюродный брат Шайбани-хана, участник его военных походов. С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 231.

18. Хитай — северная часть Китая; здесь — Восточный Туркестан.

18а. Абу-л-Хайр-султан — сын Шайбани-хана.

19. Абу-л-Лайс Наср б. Мухаммад б. Ахмад б. ИбнВхим ас-Самарканди (ум. ок. 985 г.) — ханифитский законовед, EI, I, стр. 104. [173]

20. Маулана Шарафаддин Абдаррахим, садр — фактический правитель государства при Шайбани-хане. После захвата последним Герата большая часть городской верхушки была смещена с занимаемых постов. Возвращение их на прежние должности целиком зависело от садра. Абдалхусайн Наваии, Риджал-и китаб Хабиб ас-сийар, стр. 274; А. Н. Болдырев, Очерки из жизни Гератского общества, стр. 364; Р. Г. Мукминова, К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., стр. 77.

21. Абу 'Умайя б. Джихам Шурайх (ум. в 737 г.) — казий города Куфы.

22. Юджи или Джучи (ум. в 1227 г.) — старший сын Чингиз-хана, хан Золотой Орды. Его потомки правили тюркскими племенами Дешт-и Кипчака.

23. Ибн Рузбихан пишет имя сына Джучи то Шабан, то Шайбан. В переводе мы придерживаемся чтения В. В. Бартольда — Шибан. В. В. Бартольд. Соч. т. II, ч. 2, стр. 545 — 548.

24. Имя написано неразборчиво. Можно читать Есу-Бука. В Ахсан ат-таварих Иси-хаджа, в «Сборнике летописей» Рашидаддина — Биш-Бука. См. Ахсан ат-таварих, л. 76а; Ch. Rieu, Catalogue, I, стр. 104; С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 231; И. Березин, Шейбаниада, стр. X — XI; Рашидаддин, Сборник летописей, II, стр. 74, прим. 33.

25. Ибн Рузбихан имеет в виду Каспийское море.

26. Туркестан — здесь город, ныне на территории КазССР.

27. Дербенд — ныне город, расположенный недалеко от Байсуна в Сурхандарьинской области. В. В. Бартольд отождествляет его с Оби-Гармом, городом в ТаджССР. В. В. Бартольд, Туркестан, стр. 121.

28. Астрабад — провинция и город в Иране. В средние века Астрабад занимал важное стратегическое положение. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 39 — 40.

29. Мазар Хаджи Баха'аддина Накшбанди (1318 — 1389), основателя ордена «накшбандиййа», расположен в селении Бахауддин под Бухарой. Н. Ситняковский, Бухарские святыни, стр. 49, 54.

30. Подзаголовок написан на полях.

31. Хаджа Абу-н-Наср Парса (ум. в 1537 г.) — среднеазиатский суфий, сын Х'аджа Му-хаммада Парса (ум. в 1441 г.). Кашифй, Рашахат-и айн ал-хаййат, л. 436.

31а. Куфин — ныне селение поблизости от г. Навои в Бухарской области УзССР.

32. Ибн Рузбихан киаил-башей именует «кизил-бурк» и «кизил-кулах». Кизыл-башами называли тюркские племена Азербайджана, с помощью которых в начале XVI в. пришла к власти в Иране династия Сефевидов. Название произошло от головного убора.

34. Т. е. произносили формулу: *** («Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад является его рабом и посланником»).

35. Абу Махийас 'Абдаллах б. Ахмад б. Абу-Тахир Хусайн Халладж (852 — 921) — знаменитый суфий, казненный в Багдаде.

36. Шейх Мухйиаддин б. ал-'Араби (1165 — 1240 гг.) — известный арабо-испанский философ, мистик.

37. Абу Хамид Мухаммад б. Мухаммад ал-Газали (1057 — 1111) — философ и богослов, автор многочисленных трудов, названия некоторых из них Ибн Рузбихан привел в «Записках бухарского гостя».

37а. Эфталиты (***), кочевые племена, государство которых просуществовало до первой половины VI в. В. В. Бартольд, Обзор, стр. 13; его же. История Туркестана, Соч. т. II, ч. 1, стр. 113.

38. Таликан — город и округ к востоку от реки Мургаб. В. В. Бартольд, Обзор, стр. 16; «Материалы по истории туркмен. . .», стр. 68.

39. Алмалык — ныне город недалеко от г. Кульджи в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе КНР. В XVI в. город был в развалинах. Н. Пантусов, Город Алмалык, М., 1910, стр. 162, 171.

40. Амбар (Анбар) — город на берегу р. Евфрат недалеко от Мосула.

41. Дейлемиты — под этим названием (дайламийан) известна династия Буидов, разные ветви которой правили в различных областях Ирана.

41а. Чагатайские ханы — главы племен улуса Чагатая (1227 — 1241). После его смерти эти племена стали называть «чагатайцами».

42. «... Откину я полу чести ...» — т. е. «приступлю к действию, брошусь в бой».

43. Багази-дих (Ваганзи) — прежде город, расположенный на левом берегу реки Зеравшан, недалеко от Бухары, ныне селение в Кзыл-тепинском р-не Бухарской области. Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, стр. 110.

44. Эмир Джалиладдин Урус — один из военачальников Шайбани-хана. Имя его, как участника похода Шайбани-хана на Герат, встречается в *Хабиб ас-сийар* Зрандамира.
45. Подзаголовок написан на полях.
46. *Хисн-и хасин* — сборник молитв и преданий, взятых из хадисов. Сборник составлен Шамсаддином Мухаммадом б. Мухаммадом б. ал-Джазари аш-Шафии (ум. в 1333 г.).
47. Касаба в средние века — административный центр района.
48. Хаджа Насираддин Мухаммад б. Хасан Туеи (1200 — 1273) — известный ученый-энциклопедист, служивший при дворе Хулагу-хана. До прихода Хулагу-хана в Иран Хаджа Туси жил в Кухистане.
49. Хаджа 'Абд ал-Халик Гидждувинй (ум. в 1174 г.) — известный богослов, автор многочисленных трудов в этой области.
50. Дурт-куй — название оазиса или местности, которую Ибн Рузбихан упоминает также в своей книге *Сулук ал-мулук*, Где говорится, что «Убайдаллах-хан при возвращении из Узгенда в Бухару прошел мимо Дурт-куй». Возможно, имеется в виду Дурт-кудук, местность в Бухарской области, через которую проходила дорога из Туркестана в Бухару. С. В. Бахрушин, *Сибирь и Средняя Азия в XVI — XVII вв. Научные труды*, М., 1959, стр. 196; Ибн Рузбихан, *Сулук ал-мулук*, л. 9а.
51. Эмир Рай-бий — правитель Бухары, участник походов Шайбани-хана. *Ахсан ат-тава-рих*, л. 616.
52. Аркук — город на левом берегу р. Сырдарьи против г. Саурана. Его развалины можно сейчас видеть близ аула № 21 Туркестанского района, Южно-Казахстанской области. С. Д. Асфандияров, *Прошлое Казахстана в источниках и материалах*, Москва, стр. 259.
53. Бурундук-хан (ум. в 1511 г.) — потомок Джучи. В 1480 г. он стал казахским ханом, неоднократно совершал набеги на соседние владения узбеков. М. П. Вятки н. *Очерки по истории КазССР*, стр. 81.
54. Чакардизи (Джикардизи) — название одного из самаркандских кварталов, где находилось кладбище, служившее местом погребения улемов и вельмож. В. В. Бартольд, *Туркестан*, стр. 140.
55. Медресе 'Алийа-йи мабани (Мадраса-йи Ханийа) — медресе, построенное Мухаммадом Шайбани-ханом в Самарканде.
56. Мухаммад б. Исмаил ал-Бухари (810 — 870) — автор знаменитого канонического сборника хадисов *Сахих*, составленного им около 840 г. Его могила находится в селении Хартанг (ныне Ходжа Исмаил) под Самаркандом.
57. Абу Хурайра (600 — 678) — сподвижник Мухаммада и проповедник его учения.

- 58.** Муслим Нишапури (817 — 875) — богослов, ученик ал-Бухари, автор сборника хадисов *Сахих*.
- 59.** Абу-л-Касим Махмуд б. 'Умар ал-Харизми аз-Замахшари (1074 — 1144) — крупнейший хорезмский ученый, автор книги Кашшаф — комментария на Коран. А. Крымский, История мусульманства, стр. 132 — 133
- 60.** Река Ходжент — Сырдарья.
- 61.** Шахрухия — город, расположенный у впадения р. Ангрэн, в Сырдарью. Тимур, восстановив разрушенный монголами город Финакент, назвал его Шахрухия в честь своего старшего сына Шахруха. И. Кастанье, Отчет о поездке в Шахрухию, стр. 5.
- 62.** Кара-Кум — здесь имеется в виду песчаная пустыня к югу от озер Челкер и Шубар-Тенгиз до нижнего течения р. Сырдарьи (на территории теперешней КазССР).
- 63.** Сыгнак — город на левом берегу р. Сырдарьи. О нем см. обширную литературу: П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край, стр. 11; А. Н. Бернштам, Археологические работы, стр. 131; В. В. Бартольд, Соч. т. I, стр. 236; Соч. т. II, стр. 560; А.Ю. Якубовский, Развалины Сыгнака, стр. 123 — 140.
- 64.** Сабрам (Сабран) — город на берегу р. Сырдарьи. В средние века являлся пограничным городом и торговым центром. В. В. Бартольд, Соч. т. I, стр. 232 — 234, 518.
- 65.** Гида — среднеазиатское растение.
- 66.** Подзаголовок написан, на полях.
- 67.** Йаси — город Туркестан в КазССР, в XII в. получивший известность среди местного населения благодаря особо чтимому шейху Ахмаду Йасави (ум. в 1167 г.). В. В. Бартольд, К истории орошения, стр. 147; «Кзыл-Ординский и Сыр-дарьинский округа», Чимкент, 1928, стр. 79.
- 68.** Йасриб — город в Хиджазе, куда в 622 г. бежал Мухаммад. С тех пор Йасриб называется Мединой.
- 69.** Ансары (букв. «помощники») — сподвижники Мухаммада.
- 70.** Заль — один из героев Шах-намэ, отец Рустама. Здесь — в значении «древний, дряхлый старец».
- 71.** Аййук — самая яркая звезда в созвездии Капеллы.
- 72.** Сарпарде — завеса вокруг царской ставки.
- 73.** Шамсаддин 'Абдаллах ал-'Араби ал-Йамани ал-Хадрамаути (ум. в 1525 г.) — один из последователей Хваджи Ахрара, известен под именем Мир-'Араб. Насираддин ал-Бухари, Тухфат аз-заирин, стр. 150 — 151.
- 74.** Алиабад — селение в Самаркандской области, возникшее еще при Тимуре. В. А. Вяткин, Материалы, стр. 14, 64.

75. Узгенд — древний город на нижнем течении Сырдарьи, между Джендом и Сыгнаком. Ныне не существует. В. В. Бартольд, Туркестан, стр. 236. J

76. Чухрай — паж, юноша благородного происхождения. Подробнее см. Р. Г. Мукминова, Некоторые данные о термине «чухра», стр. 139 — 145.

77. Стихи из касыды Ка'ба б. Зухайра, (ум. в 662 г.) арабского поэта, панегириста пророка Мухаммада. 'Абдаррахим Кари ат-Тараби, Шарх-и касида банат Су'ад.

78. Подзаголовок написан на полях.

79 Подзаголовок написан на полях.

80. ***- т. е. из потомков золотоордынского хана Узбека (1312 — 1340).

81. Слово «колчан» употреблено в тексте как нумератив.

82. Подзаголовок написан на полях.

83. Отрар — древний город в Средней Азии на левом берегу р. Сырдарьи, неподалеку от впадения в нее р. Арысь. В X — XIII вв. важный торговый центр и узел караванных путей. Был razoren монголами, затем восстановлен, но не достиг прежнего значения, и в XVI в. перестал существовать. В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 75; А. Кларе, Древний Отрар, стр. 14; Г. Черданцев, Районы Средней Азии, стр. 74; G. Le Strange, стр. 485.

84. Таммуз — месяц сирийского календаря, соответствует июлю.

85. Заглавие написано на полях.

86. Абу Са'йд-мирза Мираншах (1451 — 1469) — Тимурид.

87. 'Абдаллатиф б. Улугбек б. Шахрух-мирза (1449 — 1450) — Тимурид.

88. Султан Абдаллах б. Ибрахим-султан б. Шахрух (1450 — 1451) — Тимурид.

89. Махмуд-султан (1463 — 1508) — дядя Бабура, правитель Ташкента с 1487 г. В 1508 г. казнен по приказу Шайбани-хана. Р. Г. Мукминова, Некоторые данные о термине «чухра», стр. 141.

90. Алача-хан (1465 — 1504) — дядя Бабура, он же султан Ахмад-хан. И. Кастанье, Отчет о поездке в Шахрохию, стр. 6; Бабур, Бабур-наме, стр. 451.

91. Подзаголовок написан на полях.

92. Подзаголовок написан на полях.

93. *Искандар-наме* — поэма Маулана Ахмада Руми (1334 — 1413), одного из крупных поэтов и богословов Османской Турции в период правления султана Баяида I (1380 — 1402), у которого он служил секретарем в диване. А. А. Семенов, Культурный уровень первых Шейбанидов, стр. 54; M. F. Koprulu, Ahmed, — IA, cuz 3, 1941.

- 94.** Захр — начальный и нумерованный лист рукописной книги.
- 95.** Автор употребил здесь шахматный термин *фарзинбанд* — «вилка» — положение, из которого трудно найти выход.
- 96.** Подзаголовок написан на полях.
- 97.** Бади' аз-Заман (ум. в 1517 г.) — сын Султан-Хусайн-мирзы. Потерпев поражение в борьбе с Шайбани-ханом, он бежал в Ирак. Умер в Турции.
- 98.** Имеется подзаголовок, написанный на полях.
- 99.** Кара-Абдал — селение в Самаркандской области УзССР, в 108 км к северу от г. Джизака.
- 100.** Подзаголовок написан на полях.
- 101.** Джурджания, или Гургандж, позднее Ургенч — столица средневекового Хорезма, узловой пункт, связывавший Среднюю Азию с Поволжьем, Кавказом и Ираном.
- 102.** Подзаголовок написан на полях.
- 103.** Заминдавар — горная долина между Гуром и Бустом, через которую проходил путь из Герата в Индию.
- 104.** Эмир Зуннун Аргун б. Хасан (ум. в 1507 г.) — полководец Султан-Хусайн-мирзы. Убит Шайбани-ханом. А. Н. Болдырев, *Очерки*, стр. 342; С. Н. Seddon, *Ahsan at-Tavarich*, стр. 218.
- 105.** Шах-Шуджа (ум. в 1524 г.) — сын эмира Зуннуна.
- 106.** Мухаммад Муким — сын эмира Зуннуна.
- 107.** Султан Насир б. 'Умар-шайх (ум. в 1515 г.) — младший брат Бабура.
- 108.** Кухистан — горная область к югу от Хорасана. В. В. Бартольд, *Обзор*, стр. 93 — 94.
- 109.** Келат — в средние века горная крепость на северо-востоке Хорасана. G. P. Curzon, *Persia*, I, стр. 113.
- 110.** Кара-Куль — здесь степное озеро в 50 км от Бухары.
- 111.** Дабуси — селение на пути из Бухары в Самарканд. В настоящее время сохранились лишь развалины.
- 112.** Кухак или Ак-Дарья — Зеравшан, вторая по значению река после Сырдарьи. В. В. Бартольд, *Туркестан*, стр. 132; В. А. Вяткин. *Материалы*, стр. 28, 39, 59.
- 113.** Священная гробница Ризы — город Мешхед, возникший вокруг гробницы имама ар-Ризы и сделавшийся главной шиитской святыней в Иране, после того как Неджеф и Кербела отошли к Турции.

114. Фаридун Хусайн-мирза (ум. в 1509 г.) — один из сыновей Султан-Хусайн-мирзы. Убит при осаде Келата. Ахсан ат-таварих, л. 65; А. Н. Болдырев; Очерки, стр. 324, 338.

115. Себзевар — центр округа Бейхак, к западу от Нишапура; Туршиз — город в Хорасане, известный также под названием Султанабад. В. В. Бартольд, Обзор, стр. 75 — 76.

116. Турбат — город в Иране, на пути из Мешхеда в Герат.

117. Заве — город в Хорасане.

118. Маулана Бинай Харави (ум. в 1512 г.) — поэт, вынужденный из-за вражды с Али-шером Навои покинуть Герат и уехать в Азербайджан. После установления власти Шайбани-хана в Мавераннахре он перешел к нему на службу. Тарихат-и амир Тимур, л. 112 аб.

119. Джурджан или Гурган — юго-восточная Прикаспийская область Ирана.

120. Туркмены йакка — племена, кочевавшие по склонам Кюрен-Дага и Копет-Дага. В. В. Бартольд, Соч. т. II, ч. 1, стр. 598; Г. И. Карпов, О туркменах эсенхановского юрта, стр. 21.

121. Саин-хан («Хранитель») — прозвище золотоордынского хана Батыя.

122. Бистам (Бастам) — город в Иране на юго-востоке от Астрабада.

123. Сари — столица Мазандерана. Табаристан — нынешняя провинция Мазандеран в Иране на южном берегу Каспийского моря.

124. Баг-и Джаханара. или Баг-и Мурад — сад Султан-Хусайн-мирзы в Герате. А. Беленицкий, Историческая топография Герата XV в., стр. 194.

125. Заглавие написано на полях.

126. Чахарбаг — здесь загородный сад о дворцом.

127. Туран — здесь название Мавераннахра. О нем см. В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Соч. т. II, ч. 1, стр. 661.

128. Нихайа — комментарий имама Хисамаддина б. 'Али Сигааки (ум. в 1407 г.) на трактат по законоведению *Хидайа* Бурхан ад-Дина Маргинани (ум. в 1197 г.), *Каиф аз-Зуннун*, стр. 648.

129. Букв. «сделать рукав воротником [кисти] руки». В некоторых районах Средней Азии до сих пор верхняя одежда шьется с рукавами, покрывающими кисти рук. Варежки и перчатки при этом не употребляются.

130. Подзаголовок написан на полях.

130а. Подзаголовок написан на полях.

- 131.** Подзаголовок написан на полях.
- 132.** В дни поста месяца рамазана и курбан байрами (праздника жертвоприношения).
- 133.** На полях имеется подзаголовок.
- 134.** **** Бани-Надир — еврейское племя, жившее к северу от города Медины, выселенное оттуда Мухаммадом. Они основались в Хайбере и отчасти в Сирии.
- 135.** Далее в тексте автографа и стамбульского списка оставлены две пустые строки.
- 136.** Касим-султан (1511 — 1518) — сын Джини-бека, выдвинулся при жизни Бурундук-хана. М. П. Вяткин, Очерки истории КазССР, стр. 81.
- 137.** Заглавие написано на полях.
- 138.** Заглавие написано на полях.
- 139.** День Арафы — девятый день месяца зу-л-хиджжа, в данном случае приходился на 31 марта 1509 г.
- 140.** Курбан — праздник жертвоприношения в данном случае приходился на 1 апреля 1509 г.
- 141.** Подзаголовок написан на полях. Слово *** ниже переправлено на ***. Имеется в виду город Сабрам.
- 142.** Науруз-и султани — или «эра Малика», летосчисление, разработанное по указу Малик-шаха в 1079 г. с участием Омара Хайама. Новый год по этому календарю начинался 16 марта, которое тогда было днем весеннего равноденствия.
- 143.** Абу Мухаммад ал-Хусайн б. Ма'уд б. Мухаммад ал-Фарра' ал-Багави (ум. в 1122 г.) — ученый-богослов школы шафиитов, комментатор Корана, известен книгой *ал-Масабих* («Светильники»).
- 144.** Каджаве — два крытых сиденья, расположенные по бокам верблюда или иного вьючного животного.
- 145.** Шайх Шамсаддн Мухаммад (ум. в 1544 г.) — потомок Ахмада Йасави
- 146.** Подзаголовок написан на полях.
- 147.** Гумдан — крепость между г. Сана и Тейватом в Йемене. Му'джем ал-булдан, т. VI, стр. 351.
- 148.** Ташрик — праздничные дни жертвоприношения, когда режут животных и вялят их мясо.
- 149.** Ихрам — одеяние, надеваемое при входе в пределы Ка'абы в Мекке — кусок материи, который обертывают вокруг тела паломники.

- 150.** Подзаголовок написан на полях.
- 151.** Байт ал-Акси — мечеть в Дамаске.
- 152.** Кучан — древний город Кушания, ныне на месте его (в Катта-Курганском р-не Самаркандской обл.) расположено селение Кашан-Ата.
- 153.** Халадж — селение в Самаркандской области, возникшее при Шайбанидах. В. А. Вяткин, Материалы, стр. 67.
- 154.** Подзаголовок написан на полях.
- 155.** Речь идет о Голодной степи.
- 156.** Камбар-бий (ум. в 1528 г.) — правитель Мерва при Шайбани-хане. А. S. Beveridge, *The Babur-name*, стр. 800.
- 157.** Хайбар — крепость недалеко от Медины на пути в Сирию.
- 158.** Мухаммад Мухсин-мирза или Кепак (ум. в 1507 г.) — сын Султан-Хусайн-мирзы. А. И. Болдырев, *Очерки*, стр. 348.
- 159.** Понятие «чудо» ***, совершаемое каким-либо «святым старцем», применено к Шайбани-хану, вероятно, потому, что он носил титул «наместник всемилостивого».
- 160.** Имад — крепость в Иране, недалеко от Келата.
- 161.** Хаджа-Дйдар — селение близ Челека в Самаркандской области. В. А. Вяткин, Материалы, стр. 64.
- 162.** Баг-и Нау — сад в Самарканде, заложенный в 1405 г. Д. Эварницкий, *Путеводитель*, стр. 69.
- 163.** Чазсаррахе — ворота, находившиеся в северо-западной части Самарканда, за нынешним старым рынком. В. А. Вяткин, Материалы, стр. 18.
- 164.** Подзаголовок написан на полях.
- 165.** Кан-и Гил — луг, расположенный к востоку от Самарканда. И. Березин, *Шейба-виада*, стр. 9.
- 166.** Кахдистан — дачная резиденция под Гератом. А. Н. Болдырев, *Очерки*, стр. 349.
- 167.** Маулана 'Абдалгаффар (ум. в 1529 г.) — балхский казий. О нем сообщает З. Бабур в *Бабур-намэ*.
- 168.** Абу Бакр ибн Са'д Занги (1230 — 1288) — правитель Фарса.
- 169.** Мауланй Шамс-и 'Умар — богослов, личный астроном Абу Бакра ибн Сада Занги.

170. История Вассафа (*Та'рих-и Вассаф*) — книга Шахабаддина 'Абдаллаха Вассафа (1257 — 1327 гг.), посвященная истории Чингиз-хана и его потомков с 1258 по 1323 гг.; является продолжением истории Джувайни.

171. В списке ЛГУ № 4, л. 10а говорится не о сорока, а о сорока девяти годах.

172. «Книга тимуровых побед» — исторический труд известного историка Тимура Шарафад-дина 'Али Йазди (ум. в 1453 г.), составленный в 1419 г.

173. Эти разряды перечисляются в Кор. IX, 60.

174. Тогра — монограмма из букв имен и титулов султана, помещаемая в начале фирманов.

175. Кидафа или Кандака по *Шах-намэ* Фирдоуси — царица Андалусии, по другой версии — царица амазонок. Е. Э. Бертельс, Низами и Фузули, стр. 347, 352, 378.

176. Т. е. произнес формулу *инна лилахи уа ита йлайхи раджи'уна* («поистине мы принадлежим богу и возвращаемся к нему»).

177. В оригинале вместо *** — сын, ошибочно написано *** — родитель.

178. Думшук (Думушк, Димишк) — город, основанный Тимуром и заселенный, как гласит предание, пленными, выведенными из Дамаска, чем и объясняется данное ему название. Ныне селение в Ангарском районе, под Самаркандом. В. В. Бартольд, Соч. т. I, стр. 139; В. А. Вяткин. Материалы, стр. 44.

179. Акче-Бууа — селение в окрестностях Самарканда.

180. Бурдалик — ныне город на берегу р. Амударьи, между Чарджоу и Керки.

181. Чахарджуй — современный Чарджоу, упоминается с начала XVI в.

182. Герат-руд — река Герируд.

183. Мейхене — современное селение Меана на северо-запад от Серакса в ТуркмССР. В. В. Бартольд. Соч. т. II, ч. 1, стр. 609.

184. Шайх Абу Са'ид Фазлаллах б. Абу-л-Хайр Мейхани (967 — 1049) — суфийский шейх, один из последователей багдадского шейха Джунайда.